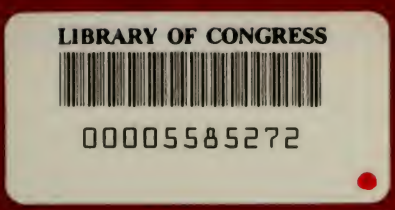
LIBRARY OF CONGRESS
00005585272

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class

Book

YUDIN COLLECTION

15384
1

РАЗЛУЧНИКИ

РОМАНЪ

А. Темризова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1869

РАЗЛУЧНИКИ

Marchenko, Anastasiâ Âkovlevna

РАЗЛУЧНИКИ

РОМАНЪ

А. Темризова

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Д-РА М. ХАНА, БОЛОТНАЯ Д. № 5

1869

PG3337
M32 R39
1869

89-139548
Up 86,05.08-89

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ одномъ изъ городовъ Южной Франціи, въ числѣ путешественниковъ, съ которыми я постоянно встрѣчался за табль д'отомъ, я не могъ не замѣтить одно русское семейство. Оно состояло изъ троихъ дѣтей, гувернантки, нянюшки, и наконецъ матери семейства, женщины на видъ лѣтъ тридцати пяти, съ чрезвычайно печальнымъ лицомъ и глубокими, глядящими вдаль глазами. Въ ней было нѣчто особенное, точно будто эта женщина начинала понемногу приходить въ себя послѣ какого нибудь поразившаго ея горя, или скорѣе—послѣ потрясенія, перевернувшаго весь ея организмъ. Дѣти были очень красивы, очень умны, и веселы—какъ дѣти; глаза матери не покидали ихъ, но то не былъ надзоръ, отъ котораго стѣснялись бы ихъ движенья и останавливались ихъ рѣчи: охранительная сила ея взгляда, казалось, стерегла ихъ не отъ собственной ихъ неловкости, а отъ чего-то внѣшняго, и дѣти свободно развивались; надъ ними очевидно бдѣли, но ихъ не стѣсняли.

Черезъ дѣтей познакомились всѣ мы легко и съ Надеждой Ивановной Демьяновой; я давно оставилъ Россію и не зналъ яркой, печальной, чрезвычайно свѣжей тогда исторіи Демьяновыхъ. Сначала Демьянова держала себя со всѣми нами осторожно, хотя и не избѣгала нашего общества, но раза

два намъ удалось ее завлечь въ споръ и она говорила съ такой отчетливостью, съ такимъ одушевленіемъ, съ такой яркостью діалектики и сердечностью о всемъ, что было изъ области чувства, что возбудила въ обществѣ нашемъ громадный интересъ.

Къ концу сезона наше общество увеличилось, пріѣхалъ изъ Москвы З. и въ первый же обѣдъ, увидѣвъ Демьянову, узналъ ее; онъ зналъ ее въ лицо по поводу возмутительной и печальной ея исторіи, и послѣ обѣда разсказалъ мнѣ и М. эту исторію за чашкой кофе.

Мужъ оставилъ ее и жилъ въ Москвѣ съ какой-то барышней изъ порядочнаго общества; новая чета показывалась тамъ всюду съ безцеремонностью законныхъ супруговъ и принимала у себя гостей, прежнихъ товарищей Демьянова, которые столько лѣтъ садились за гостепріимный столъ его жены, знали и на рукахъ носили ея дѣтей, а теперь заѣзжали къ нему, движимые любопытствомъ, посмотрѣть на Демьянова, и въ особенности, на его „барыню“, которая такъ спокойно смотрѣла всѣмъ въ лицо и съ такой свободой разыгрывала роль хозяйки при человѣкѣ, имѣвшемъ въ живыхъ цѣлое семейство, но отторгнутое теперь и изгнанное ея присутствіемъ изъ подъ роднаго крова, лишенное своего естественнаго покровителя, осужденное скитаться подъ небомъ чуждой страны, и преданное всѣмъ случайностямъ бездомовничества.

З. не очень церемонился съ Демьяновымъ и честилъ его самымъ ужаснымъ манеромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ забавно разсказалъ обстановку новой жизни Демьянова, эту мѣщанскую идиллію, приправленную беззастѣнчивостью барышни и сконфуженнымъ видомъ, но возмутительнымъ спокойствіемъ души ея жертвы.

Безцеремонность, съ какою она выходила къ гостямъ, предсѣдательствовала за столомъ, нѣжничала при всѣхъ съ чужимъ мужемъ, ясно показывала, что Демьяновъ тутъ лицо страдательное, а не дѣйствительное. З. говорилъ о ней съ отвращеніемъ, а о Демьяновѣ съ глубочайшимъ негодованіемъ, даже съ содроганьемъ, прибавивъ, что все это въ немъ З. теперь сильнѣе, послѣ того какъ онъ видѣлъ вблизи и жену его, и дѣтей, что жену Демьянова росписали ему въ Москвѣ старой старухой, а выходитъ и въ этомъ ложь,—что даже распущены слухи и обвиненія противъ ея характера, но и это должна быть ложь.

Кто-то поднялъ вопросъ о свободѣ чувствъ.

З. сказалъ, что здѣсь не свобода чувствъ, а произволъ одного лица надъ другимъ и надъ чувствами другаго; что, слѣдовательно, здѣсь худшая изъ неволей, что свобода чувствъ предполагаетъ равноправность, а гдѣ же тутъ равноправность, если жена не смѣетъ иначе оставить своего дома, какъ въ тайномъ побѣгѣ, а мужъ среди бѣла дня укладываетъ чемоданы и уѣзжаетъ изъ подъ роднаго крова, претендуя еще на жену за ея слезы.

Опять кто-то сказалъ, что если бы жена осмѣлилась объявить мужу, что она отъ него уѣзжаетъ къ любовнику, то мужъ заперъ бы ее на ключь и всѣ бы оправдали его, какъ оправдываютъ мѣры, принимаемыя противъ сумасшедшихъ; но если бы жена вздумала удержать мужа силою, всѣ бы осмѣяли и осудили ее: такъ гдѣ же здѣсь равноправность??

Затѣмъ поднялся вѣчный споръ за права женщинъ, и всякій толковалъ по своему, въ чемъ должна состоять равноправность мужчины и женщины.

— По моему, для такого господина, какъ Демьяновъ, нѣтъ имени! произнесъ М.

Я повернулся и быстро толкнулъ его: за большимъ кустомъ, подъ которымъ мы сидѣли, я узналъ платье Демьяновой. Повидимому она давно уже здѣсь сидѣла и слышала все; лице ея было блѣднѣе мрамора.

— Не браните его! проговорила она тихо обращаясь ко мнѣ и къ М. Это несчастный человѣкъ. Надо знать все: онъ не виноватъ, его довели! Завтра я уѣзжаю и оставлю вамъ мой дневникъ; въ дневникѣ моемъ все записано: дѣлайте изъ него что хотите. Гнуснѣе всего, что разлучники наши сплели на меня кучу обвиненій и вложили ихъ въ уста моего мужа. За этимъ рубежемъ почти останавливается возможность примиренія, они это расчитали и потому такъ дѣйствуютъ. Но этимъ они меня только заставили выйдти изъ предѣловъ чувства и пойдти дорогой дѣйствительной жизни; у меня дѣти на рукахъ и я теперь одна отвѣтчица за ихъ настоящее и будущее. Вотъ эти господа спорятъ тутъ за равноправность мужчины и женщины, а я кладу для насъ женщинъ рамки тѣснѣе и горизонтъ уже, я стою только за равноправность мужа и жены, отца и матери семейства. Вѣдь совершенно справедливо, что мужъ можетъ жену силою заставить опомниться и силою не выпустить изъ дома, и если онъ рѣшится въ ней видѣть мать семейства, то всѣ его найдутъ правымъ; но, положимъ, ему удержать ее не удастся, жена уйдетъ обманомъ, понимаете, тайкомъ и обманомъ, слѣдовательно все же съ сознаніемъ своей нравственной вины и отвѣтственности своего положенія, по крайней мѣрѣ мужъ не присутствуетъ хоть при своей казни, а съ женой иначе: смѣясь и попирая сердце и достоинство ея, разбивая дерзко ея права съ сознаніемъ своей

безотвѣтственности, а слѣдовательно какъ бы своей правоты, мужъ можетъ выѣхать среди бѣла дня, какъ выразился З. Не въ ремеслахъ, не въ должностяхъ гражданскихъ должна только искать женщина своей равноправности: она богата способностями, никто не споритъ; но физической силой она бѣднѣе мужчины, а между тѣмъ физической силы у нея же больше и уходитъ на семейство: таковъ законъ природы; вотъ почему ея равноправность и гражданственность должны быть въ семействѣ и съ семейныхъ ея правъ начинаться; въ дѣйствительности, до сихъ поръ женщинѣ приходится зависѣть отъ любви мужа, да отъ совѣсти его, а любовь скоро проходитъ и совѣсть умѣетъ у большинства молчать, а у иныхъ и вовсе спитъ. Женѣ нужны права, нужна отвѣтственность мужа предъ обществомъ и закономъ; женщина, становясь женою, должна отбросить щепетильность женскую далеко. Нѣтъ ничего удобнѣе, какъ возложить на голову жены мученическій вѣнецъ безропотности, да не по каждой головѣ онъ сплетенъ и не на каждую голову онъ придется!.. Изъ моего дневника вы увидите, что я хоть и не безропотная, а все же мученица; но увидите также, что и мужъ мой жертва, а не злодѣй и обольститель: во всякомъ случаѣ вы не будете его бранить, какъ З., прибавила она печально улыбаясь.

На другой день, мы простились съ Демьяновой; она намъ оставила свой дневникъ.

— Дѣлайте изъ него что хотите! сказала она.

Я сдѣлалъ изъ него повѣсть, простое сказаніе; да простятся мнѣ литературные недостатки за его историческія достоинства. Прибавлю только, что истинные виновники этого печальнаго, совершившагося на глазахъ общества факта, разлучники, пользуются отличнымъ здоровьемъ и спокойствіемъ,

и являются всюду съ невозмутимыми, довольными лицами. Ихъ презираютъ и принимаютъ. Общество сознаетъ, что должно бы очищать себя отъ подобныхъ лицъ и что эти лица вредны обществу, да только точно какъ на уѣздныхъ балахъ въ дворянскихъ собраніяхъ — никто не хочетъ первый на балъ пріѣзжать! а слѣдовало бы выводить разлучниковъ, какъ мышей, крысъ и другихъ, нарушающихъ домашнее спокойствіе и домашнюю чистоту, животныхъ...

РАЗЛУЧНИКИ.

ГЛАВА I.

Это была одна изъ красивѣйшихъ церквей Петербурга,— архитектура, живопись, все ново, все глядѣло весело. Старый, старый священникъ выползъ изъ алтаря и, шаркая, придвинулся къ налою, — обрядъ вѣнчанья начался. Женихъ и невѣста не глядѣли другъ на друга. Шафера были въ блестящихъ мундирахъ, а одинъ изъ нихъ, какъ и слѣдовало, адъютантъ полка. Кромѣ ихъ въ церкви стояла очень живая и миленькая брюнетка и какой-то господинъ съ полнымъ лицомъ — свидѣтели.

У невѣсты было измученное и грустное лицо, женихъ былъ почти красавецъ. Я говорю почти, потому, что небольшой лобъ, наклоненный назадъ, совершенно убѣгающій подъ волоса, портилъ красоту остальныхъ линій его правильнаго и веселаго лица. Онъ стоялъ какъ будто немножко сконфуженный, но старался держать себя спокойно и важно; невѣста молча молилась и въ этой нѣмой ея молитвѣ была глубокая истома! вся душа ея шла къ Богу и просила у Него— *полезности.*

— Вѣрую Господи, — говорила она, — что рука Твоя бросила меня на его дорогу, сдѣлай же меня полезной для него! Есть люди счастливые и есть люди полезные. До сихъ поръ все, что жило вокругъ меня, все, что было въ соприкосновеніи со мной, отъ меня одной выносило свою пользу. Вотъ человѣкъ, котораго я люблю; обрати же меня на его нравственную, вещественную, на его всякую пользу!!!

Она забыла помолиться о своемъ счастіи, потому ли, что забыла о себѣ въ эту минуту, или потому, что ей казалось, что съ нимъ, съ этимъ ласковымъ и, повидимому, мягкимъ, какъ воскъ, человѣкомъ, нельзя не быть счастливой, только она забыла попросить для себя счастія. Да и наконецъ, какого же еще нужно счастія? Она душу свою положила за этого человѣка, и теперь соединялась съ нимъ навсегда. По крайней мѣрѣ, бракъ есть и былъ искони единственное видимое соединеніе *навсегда*, и это соединеніе совершалось. Двое людей, изъ двухъ разныхъ семей, и часто съ двухъ противоположныхъ концовъ земли, становятся подъ однимъ именемъ, и это ихъ знамя на всю жизнь. Если бы всѣ постигали или останавливались болѣе надъ значеніемъ этого одного общаго имени, выражающаго собой обязательство — хранить на всю жизнь общую честь и общіе интересы, дающаго и въ гражданскомъ мірѣ двумъ разнымъ существамъ одно тѣло и одну кровь, то супружество, наконецъ, получило бы свое настоящее значеніе. Но насъ не такъ воспитали, насъ не такъ научили жить, а слѣдовательно, и не такъ мы понимаемъ вещи. За то міръ не видитъ супруговъ, а видитъ и судитъ любовниковъ, *съ дозволенія* или *безъ дозволенія* общества живущихъ вмѣстѣ: живущіе съ дозволенія, — это тѣ, надъ которыми совершился обрядъ вѣнчанья. А во время этого

обряда поднимите-ка у вѣнчающихся завѣсу души: какую мысль вамъ удается подсмотрѣть въ ту минуту, когда священникъ читаетъ обѣты, а уста машинально говорятъ подтвердительное слово?—вотъ вздоръ!—относится тутъ каждый самъ къ себѣ: могу ли я поручиться, что не измѣню, буду вѣрнымъ, буду *всегда* любить! Конечно, я не желалъ бы огорчить, но эта клятва въ неизмѣнности, это только форма! И произносится она большинствомъ только какъ форма. Не знаю, это ли думалъ Демьяновъ, стоя подъ вѣнцомъ, но онъ не глядѣлъ на свою невѣсту, онъ даже не молился: ему только хотѣлось, чтобы все это скорѣе кончилось. Когда священникъ соединилъ ихъ руки — тутъ только онъ взглянулъ на ту, чья рука лежала въ его рукѣ, замѣтилъ ея блѣдность и самоуглубленіе, и улыбнулся ей ласково, ободрительно, пробуждая ее къ сознанію происходившаго легкимъ пожатіемъ встрѣтившейся съ нею руки.

Солнце ярко скользнуло по блѣдному лицу невѣсты и она тоже съ усиліемъ улыбнулась на милую улыбку. Обрядъ кончился.

— Поздравляю васъ душенька, Nadine, сказала ей брюнетка, стоявшая до тѣхъ поръ неподвижно въ церкви, — вы будете счастливы! прибавила она поцѣловавъ ее.

— Дай Богъ, отвѣтила невѣста.

— Надежда Ивановна, позвольте васъ поздравить; какъ я за васъ радъ, проговорилъ, подходя къ ея рукѣ полный господинъ.

Потомъ, повернувшись къ жениху и цѣлуясь съ нимъ, онъ проговорилъ ему вполголоса:—ты прекрасно поступилъ, Мишель!..

Шафера раскланялись и поздравили молодую; но прежде

того одинъ изъ нихъ, полковой адъютантъ, обнимался съ Демьяновымъ и говорилъ ему: желаю тебѣ счастья, Михаилъ Сергѣевичъ; теперь, кажется, все уже исполнено по твоему желанію! Потомъ онъ подошелъ къ молодой и извинился, что не можетъ ѣхать къ нимъ завтракать потому, что позванъ ко Двору на dejéuner dansant. Странно Надеждѣ Ивановнѣ показалось, что при словахъ *ко двору на dejéuner dansant*, Демьяновъ какъ будто подавилъ вздохъ сожалѣнія; но на ея вопросительный взоръ, онъ снова ей мило улыбнулся.

Вѣнчались они въ 12-ть часовъ дня, и послѣ завтрака должны были отправиться въ дальнее путешествіе, но потомъ этотъ планъ разстроился, и они остались еще нѣсколько дней въ Петербургѣ.

За завтракомъ Надежда Ивановна была любезна, а Михаилъ Сергѣичъ даже очень веселъ; но на душѣ у Надежды Ивановны все лежалъ какой-то камень, и любезность ея являлась въ ней съ усиліемъ.

И вотъ они одни, безъ свидѣтелей.

Надежда Ивановна сидѣла у окна, когда Демьяновъ, проводивъ до лѣстницы послѣдняго гостя, возвратился. Лицо его вдругъ преобразилось,—глубочайшая нѣжность разлилась въ его глазахъ, всегда тихихъ, съ тихимъ блескомъ и тихимъ движеніемъ рѣсницъ; улыбка любви, страсти, счастія раздвинула его небольшія, яркія, подъ черными бархатными усами губы; онъ молча опустился на колѣни возлѣ Надежды Ивановны, притянулъ ее за шею къ себѣ, крѣпко, крѣпко поцѣловалъ и сказалъ: — вотъ тебѣ мой свадебный подарокъ! — Другаго ничего не могъ я припасти для тебя: мы съ тобой очень бѣдны, мой славный *Цуцэ*.

Надежда Ивановна засмѣялась.

— Хоть бы для дня свадьбы придумалъ мнѣ другое названіе, сказала она шутя.

Но Демьяновъ, лаская ее и ущипнувъ за блѣдную щеку, отвѣчалъ:—Нѣтъ у меня для тебя другаго названья! Посмотри хорошенько, развѣ ты не похожа на собаку; вѣдь ты знаешь, что я собакъ ужасно люблю, такъ и не обижайся. Въ тебѣ что-то такое смышленное, тонкое, хорошее, искреннее и доброе, какъ въ собакѣ. Впрочемъ, это тебѣ и потому уже должно нравиться, что я никогда ни одной женщины такъ не называлъ. О, ты, мой милый Цуцъ! — И онъ снова началъ цѣловать и тормошить жену, которая въ эту минуту, подъ огнемъ его ласки, была и весела, и счастлива—и лучше для него всякой красавицы.

— Ну, пожалуй, сказала она, — зови меня собакой. У собаки сердце не лживое, сердце благородное, сердце всепрощающее. Я буду твоей сторожевой собакой, и не дамъ пробраться ничему дурному ни къ тебѣ, ни въ душу твою. И если собакѣ будетъ иногда больно, она проститъ своему господину....

Надежда Ивановна страстно поцѣловала руку у мужа, потомъ обняла его и крѣпко прижалась лицемъ къ его лицу.

— Глупая ты, сказалъ ей Демьяновъ;—никогда тебѣ не придется прощать меня, никогда я тебя не заставлю страдать: ты, моя бѣдная, и такъ довольно за меня натерпѣлась, такъ ужъ отъ меня тебѣ не придется терпѣть.

— Дай Богъ! сказала Надежда Ивановна съ глубокимъ вздохомъ.—Но послушай, Мишель,—и тутъ она взяла его за плечо и, отодвинувъ немного отъ себя и глядя ему прямо и неподвижно въ глаза, продолжала:—послушай и пойми меня:

Я вѣрю, ты добръ какъ ангелъ, сердце у тебя чудное, доброе; произвольно ты мнѣ не причинишь страданій; но молодъ ты и, главное, воспитанъ странно, взросъ въ такой средѣ, живешь въ такой сферѣ, гдѣ можешь нанесть мнѣ глубочайшее мученье, увлечься, если не сердцемъ, то воображеніемъ и наклонностями.

— Молчи, молчи, ты мнѣ говоришь гадости!

— Нѣтъ, слушай меня и слушай серьезно, Мишель. Вѣришь ли ты, что въ любви моей къ тебѣ вся жизнь моя и вся моя душа,—понимаешь ли ты меня?—Вся жизнь и вся душа! повторила она, всматриваясь въ него грустно и нѣжно.

— Вѣрю, отвѣчалъ Демьяновъ на этотъ разъ серьезно.

— Такъ, если вся жизнь и вся душа — пойми, что ихъ сразу не убьешь, всегда отъ нихъ что нибудь останется. Любовь можно сразу убить измѣной, но вся жизнь и вся душа— тутъ ты сразу не убьешь! Пойми же, что если ты будешь и виноватъ противъ меня — все же еще много останется этой души на твою долю и жизнь моя не отодвинется отъ твоей. Только не лги, не обманывай, и другаго друга никогда не ищи. Я съумѣю быть твоимъ другомъ, мои интересы могутъ быть убиты, но твои всегда будутъ жить въ душѣ моей,— помни это, вѣрь этому; я не въ пылу страсти говорю. Однимъ словомъ, лжи я не перенесу потому, что ложь я презираю; все, что хочешь, только не заставь меня тебя презирать!—Она произнесла это съ такой мучительной тоской, что крупныя, тяжелыя слезы вдругъ побѣжали изъ ея большихъ, задумчивыхъ темно-сѣрыхъ глазъ.

Онъ тоже былъ глубоко тронутъ и смахнулъ докучливую слезу, скатившуюся и у него на его шелковистый усъ. Но тутъ свойственныя ему легкость и перемѣнчивость взяли верхъ

надъ мимолетной грустью и Демьяновъ, смѣясь, принялся вытирать своимъ платкомъ глаза жены, потомъ поцѣловалъ и въ одинъ, и въ другой глазъ и промолвилъ полушутя, но твердо:—какой глупый разговоръ для свадьбы, а еще считается умной женщиной! Я женился на тебѣ потому, что одну тебя люблю, никого такъ не любилъ, какъ тебя, и никого такъ любить не буду. Если бы я могъ быть счастливымъ безъ тебя, или думалъ, что могу быть счастливѣе съ кѣмъ нибудь, нежели съ тобою, то, не смотря на то, что мои родные такъ тебя за меня отдѣлывали, я бы не женился на тебѣ. Ну, довольна ли ты?—И прошу мнѣ впередъ ничего подобнаго не говорить и не думать. Гораздо хуже то, что я считаюсь богатымъ, а мы квартиру могли нанять только на дворѣ и едва разжились на гостинодворскую мебель. Надо съѣздить къ себѣ. Разумѣется, при этомъ я всѣмъ объявлю о нашей свадьбѣ; воображаю эффектъ! Ухъ, какъ *они* тебя недолюбливали! Но ты то чего ихъ такъ боялась? Даже замужъ за меня не хотѣла выходить, признайся, потому, что ихъ боялась?

— Боялась, и боюсь, отвѣчала тихо Надежда Ивановна:—чувствуетъ мое сердце, что рано или поздно разобьютъ они меня въ дребезги, оторвутъ тебя отъ меня...

— Вздоръ! воскликнулъ Демьяновъ,—да и какимъ образомъ? Вмѣстѣ мы никогда съ ними жить не будемъ, я буду продолжать здѣсь служить, а здѣсь никого изъ нихъ нѣтъ, такъ что никто не впутается въ нашу жизнь.

— А сестра твоя?

— Да неужели ты думаешь, что я ее пущу когда нибудь въ домъ! И Демьяновъ вскочилъ съ своего мѣста въ негодованіи.—Ни сердца, ни головы въ ней никогда не бы-

ло. Наконецъ, вышла замужъ за человѣка, который мнѣ всегда былъ инстинктивно противенъ. Когда надѣнетъ бѣлый галстухъ, онъ точно офиціантъ, или прямо съ вывѣски биллiардной залы сорвался, ха-ха-ха! Помилуй, совѣстно глядѣть, parvenu въ полномъ смыслѣ слова, да еще разные козни и пошлости подучилъ сестру дѣлать противъ тебя,—и ты думаешь, что я это забуду! Ты вправѣ забывать о нихъ, но я не вправѣ, и повѣрь, что никогда не забуду. Да и что намъ дѣлать у нихъ въ домѣ? я не переношу этотъ чиновничій genre. Перестань ты ихъ всѣхъ, пожалуйста, бояться, и даже вовсе не думай о нихъ. Собирайся лучше въ дорогу: ты поѣдешь къ своимъ роднымъ, а я домой, устроюсь какъ должно, тогда возвратимся и заживемъ на славу.

Надежда Ивановна принимала съ признательностью его усилія разсѣять и ободрить ее, но не могла отдѣлаться вполнѣ отъ грусти и тревоги. Она не хотѣла и не знала счастья внѣ любви и довѣрія къ мужу, внѣ тѣсной связи всѣхъ мыслей и чувствъ своихъ съ его мыслями, и трепетала за свое счастіе. Было ли то предчувствіе? Нѣтъ, но то было соображеніе всѣхъ вѣроятностей, сознаніе, что искренней ея натурѣ не сдобровать съ ложью предвидимыхъ ею отношеній къ семейству мужа, и страхъ, внушаемый тою легкостью, съ какой всегда и ко всему въ жизни относился дорогой душѣ ея человѣкъ, тотъ, въ любви котораго дѣйствительно была ея жизнь, всѣ радости этой жизни и всѣ силы ея души.

Черезъ два дня уѣхали они въ Москву, а изъ Москвы отправились дальше. До Серпухова ѣхали вмѣстѣ, наконецъ, Демьяновъ сказалъ ей:—ну, Надя, отпускъ мой вѣдь коротокъ; тебѣ въ твоемъ дормезѣ не поспѣть за мной: отпусти меня впередъ. Скоро увидимся! Не тоскуй, не тревожься. Я

себя тоже томить долго не буду, и когда пройдутъ первыя объясненія и сцены, я напишу, чтобы ты пріѣхала туда: вмѣстѣ вернемся! Они простились. — Ямщикъ ли плохо везъ коляску Демьянова, или дормезъ Надежды Ивановны скакалъ такъ лихо, только на 6-й верстѣ, видя, что ѣдутъ они ровно, Демьяновъ сѣлъ снова къ женѣ, и ласкамъ, поцѣлуямъ, жаркимъ увѣреньямъ съ его стороны не было конца. Такъ доѣхали они до станціи, гдѣ ему запрягли лошадей пятью минутами раньше, и онъ уѣхалъ. Надежда Ивановна, однако, почти нагнала его, т. е. нагнала на столько, что долго видѣла еще вдали его военную фуражку и его бѣлую собаку съ коричневыми ушами и длинной шерстью.

Она ѣхала въ Крымъ повидаться съ родными; горничная, сидя рядомъ съ ней, дремала и качалась во всѣ стороны, колокольчикъ заливался звонко, и ярко свѣтила луна въ открытыя окна дормеза. Надежда Ивановна не спала. Сначала она молилась и крестила пространство вслѣдъ Демьянову, пока коляска его была видна хоть какъ точка; потомъ пыль еще раза два поднялась клубомъ, а потомъ ни коляски, ни пыли, ни даже звона колокольчика вдали, — сердце ея защемило, голова задумалась.

Надежда Ивановна думала, или скорѣе припоминала всю пройденную ею до нынѣ жизнь. Вспомнилось ей синее небо милой Украйны, старый домъ, и садъ, и прудъ, и неуемчивые соловьи и сладко пахнущая сирень за ея окнами. Она сама отважная и мечтательная. Вспомнился ей отецъ ея, съ своей поющей, томительно и жутко, скрипкой, или согнувшійся за шахматной доской, или въ тиши своего кабинета надъ кипою бумагъ, съ озабоченнымъ челомъ, съ глубокой думой въ глазахъ; и вспомнилось ей, какъ мимоходомъ ру-

ка его ласково проходила по ея темнымъ густымъ волосамъ. Вся семья гордилась этимъ отцомъ, и гордость эта чувствовалась, разливалась какъ будто вокругъ него. Благо семейству, которое можетъ гордиться своимъ отцомъ: страхъ его суда при жизни, уваженье къ его памяти по смерти, удерживаютъ отъ многаго. Будетъ ли она гордиться своимъ мужемъ, какъ гордилась отцомъ? Чтобы быть счастливой, ей надо было гордиться человѣкомъ, которому она принадлежитъ, — иначе невозможно. Да, она вѣдь принадлежность, даже имя на ней уже не свое... Краснѣть за того, чье имя носишь, Боже, не приведи!..

Свѣтъ ей завидуетъ, въ особенности барышни, невѣсты ей завидуютъ, маменьки ее ненавидятъ. Мишель красивъ, un cavalier accompli, и слухи о его богатствѣ распущены баснословные. Къ тому же онъ, казалось имъ всѣмъ, такъ легко можетъ быть взятымъ, а вдругъ женился самъ, не спросясь. Все это хорошо, но человѣкомъ въ немъ будетъ ли она гордиться?.. Какое странное воспитаніе! Онъ ничего не читалъ до нынѣ, и никогда ни о чемъ не думалъ. Никакой нравственный, никакой общественный вопросъ его не встревожилъ. Понятія странныя! Дурное его недостаточно задѣваетъ, хорошее ему недостаточно нравится, онъ даже не честолюбивъ: цѣль его службы не карьера, а просто ношеніе гвардейскаго мундира; служебныя свои занятія онъ любитъ потому, что въ этомъ средство убить часа два времени не въ одиночку.

Что же это изъ него сдѣлали? Зачѣмъ выучили относиться ко всему съ такой легкостью, убили способность разсуждать, а онъ не глупъ; но умъ, который никогда ни въ чемъ не упражнялся, вѣдь можетъ вдругъ проявиться лукавствомъ;

сердце милое, доброе, нѣжное—да въ чемъ же, кромѣ любовныхъ похожденій, проявлялось оно?.. Какже вдохнуть въ это сердце правила жизни? какъ пріучить этотъ умъ разсуждать? А вѣдь надо! вѣдь для его же пользы судьба бросила ее на его жизненную дорогу. Вѣдь она душу и жизнь положила въ любовь свою къ нему не за красоту его, и даже не за любовь его, а за его сиротство.

Да, сирота онъ былъ, и сирота среди родной семьи; мать любила его до баловства, а дяди ни къ чему его не приготовили, всю жизнь забавляли его и научали только одному—забавляться. Онъ былъ *богатый сирота*... Не лучше ли ужъ сиротѣ быть бѣднякомъ, по крайней мѣрѣ, въ немъ люди, своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ, возбуждали бы необходимость внутренней защиты и осторожности, въ немъ выработался бы человѣкъ,—а Демьяновъ остался безъ отца пяти лѣтъ, съ громаднымъ состояніемъ; сонмъ родственниковъ окружилъ его, только.... *некогда* было развивать его, и *нужно* было развить въ немъ природную безпечность и щедрость, и качества эти дяди развивали въ немъ всѣми путями, въ особенности путями всякихъ забавъ. Такъ виноватъ ли онъ? И въ чемъ онъ можетъ быть виноватъ?.. Ахъ, лишь бы лжи и обмана не было... Теперь должна же встрепенуться въ немъ душа, другая жизнь должна сказаться ему. Изъ него можетъ выйдти прекрасное существо. Еслибы она могла гордиться и имъ, какъ прежде гордилась своимъ отцомъ... Въ немъ часто столько тонкости, въ сердцѣ его столько пониманія.. да, это милая натура! рѣшила она.—Говорятъ, отецъ его тоже былъ прекрасный человѣкъ; говорятъ всѣ, что онъ похожъ на своего отца. Да и отчего же его всѣ такъ хвалили? — не можетъ быть, чтобы въ немъ не было душев-

ныхъ достоинствъ; трудно допустить въ немъ только одно обаяніе красоты и молодости. — До пятнадцати лѣтъ его забавляли какъ ребенка, съ пятнадцати лѣтъ дядюшка забавлялъ его какъ богатаго наслѣдника, которому льстятъ и къ которому стараются попасть въ милость, чтобы обобрать его. Теперь все это надо исправить и навести его на добрую дорогу... Если смотрѣть на женитьбу, какъ на аферу, она ему докажетъ, что онъ сдѣлалъ прекрасною аферу, женившись на ней. У нея ничего не было: безъ связей и денегъ брошена она была въ жизнь, и ни связей, ни денегъ не принесла любимому человѣку. За то всѣ силы души, ума, всю жизнь— она отдастъ ему, на его пользу. Развѣ не въ судьбѣ ея жить на пользу другимъ!.. Такъ живетъ она уже съ шестнадцати лѣтъ, и свободна была отдать себя на пользу и на службу полюбившему ее, потому что все, что могла сдѣлать, сдѣлала уже въ пользу своей семьи, и не мало силъ отдала ей на служеніе.

Ея жизнь прошла совсѣмъ другимъ порядкомъ, нежели жизнь Демьянова, все въ жизни ея вело ее къ глубокому развитію всякихъ силъ. Ребенкомъ она выросла въ роскоши, учителей былъ полонъ домъ, столы полны игрушекъ,—ни въ деньгахъ, ни въ нарядахъ отказа нѣтъ. И первый ея выѣздъ въ свѣтъ свершился подъ такими же условіями, и блистателенъ былъ успѣхъ ея при появленіи. Она была не красавица, но густые каштановые волосы, лучи великолѣпныхъ задумчивыхъ глазъ, лихорадочный румянецъ, полныя и яркія губы, безукоризненная стройность всей ея фигуры, гибкость стана и живость рѣчей доставили ей этотъ успѣхъ. Къ тому же отецъ Надежды Ивановны слылъ чуть не богачемъ. И вдругъ крѣпко сталъ задумываться этотъ человѣкъ, сталъ

прятаться, какъ будто отъ семейства, и тяжело, такъ тяжело вздыхалъ, да безостановочно курилъ трубку, шагая молча по комнатамъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ—и изнемогъ онъ во внутренней тоскѣ, въ безъисходной своей думѣ и тревогѣ. Параличъ сразилъ его.

Надежда Иванова просидѣла шесть ночей безсмѣнно у постели неузнаваемаго, но дорогаго страдальца, безъ словъ и движенія лежавшаго на своей постелѣ. Она только во взорѣ его потухшихъ глазъ подстерегала искру жизни и мысли, но и этого съ нея было довольно. Ей было только шестнадцать лѣтъ, она еще надѣялась; не вѣрилось ей въ окончательное несчастье. На седьмую ночь онъ рукой подозвалъ ее къ себѣ и вдругъ заговорилъ, несвязно, не понятно для уха, за то понятно для ея сердца. Она его слушала напряженно.

— Видѣлъ тебя, энергія въ тебѣ страшная, спасибо! Не выздоровѣю я болѣе, но можетъ быть еще проживу. Дѣти, простите меня. У васъ ничего нѣтъ, ничего не осталось. Пріучилъ я васъ къ роскоши и ничего не оставилъ. Матери не говори, постепенно скажешь потомъ, и осторожно—она женщина!.. Поручаю тебѣ ее и всю семью, замѣни имъ меня. Придутъ деньги послѣднія, да не ваши. Въ моемъ дѣлѣ пропали и чужія деньги, раздайте всѣ до послѣдняго гроша... хватитъ; чужаго не хочу ни вамъ оставлять, ни съ собой уносить. Виноватъ и не виноватъ я, никакой умъ не спасетъ честной души! не уберечься ей отъ обмана, потому что обманъ ей недоступенъ.—Отчего ты не плачешь, Надя?

— Что же мнѣ плакать? отвѣчала Надежда Ивановна; сердце у ней остановилось почти въ груди, но слова выходили спокойно: — вѣдь вы выздоровѣете, мы вымолимъ васъ у Бога!...

— А состоянье ваше? Не воротить мнѣ его, ужъ силъ тѣхъ не будетъ! Не долго жить мнѣ, да и что безполезно жить?

— Вы трудились, трудиться буду, сказала она звонко.

Они посмотрѣли прямо другъ другу въ глаза зорко.

— Я знаю что въ тебѣ душа великая—сказалъ больной, и, вздохнувъ, онъ произнесъ:—у всѣхъ дѣтей моихъ душа добрая, но у тебя душа великая!..

Онъ прикрылъ глаза рукой и замолчалъ.

На другой день въ семействѣ говорили съ радостью, что больной уже можетъ говорить, и общей радости, общимъ надеждамъ, не было конца.

Больной правильно выразился о своей женѣ, что она была женщина, но достойнѣйшая женщина, въ полномъ смыслѣ этого слова: любящая до баловства, набожная до того, что замаливалась, быстро переходящая отъ неизъяснимаго отчаянья къ полнымъ надеждамъ, способная все свое отдать другимъ, дорогимъ ей существамъ, искательная, гибкая по уму и характеру своему, вспыльчивая и слезливая, хранящая въ себѣ гибель пустосвѣтскихъ предразсудковъ и особенно дорожившая мнѣніемъ общества. Ничего своеобразнаго, сильнаго, но много добра безпричиннаго и безусловнаго, много воображенья, много сердца, очень мало воли и разсужденья.

Надежда Ивановна убѣдила ее продать сначала свои и сестрины бриліантовыя серьги, ея жемчужное ожерелье, ихъ экипажи, инструменты отца; особенно тяжело было видѣть, какъ покупатель унесъ его поющую такъ жутко скрипку. Такъ постепенно ознакомились всѣ они съ своимъ истиннымъ положеніемъ и вошли въ свою роль; они были бѣдны, но въ постигшемъ ихъ несчастіи никто, кромѣ ихъ, не пострадалъ, и

не было чужихъ слезъ на имени этого семейства. Семейство это представляло величайшее единство: глубочайшее уваженіе и нѣжность къ отцу связывали ихъ всѣхъ неразрывной цѣпью, вотъ эта незримая сила единства и удержала ихъ всѣхъ, и не дала имъ погибнуть...

Трудиться, замѣнить отца—была единственная мечта Нади; но какъ трудиться, на какомъ поприщѣ и чѣмъ? Отвѣтъ нашелся. Надежда Ивановна имѣла творческій талантъ,—молодой талантъ, скрытый и несознанный; тогда же была мода на женщинъ-писательницъ: семейныя нужды толкнули Надежду Ивановну на дорогу литературной жизни, и диво: талантъ ея былъ сразу оцѣненъ, единодушный привѣтъ встрѣтилъ ея появленье, а успѣхъ превзошелъ ея ожиданья. Съ тѣхъ поръ окрыленная успѣхомъ, работала она со всѣмъ жаромъ молодости и призванья. Какая-то двойственность жизни проявилась въ ней—жизнь женщины и жизнь писательницы. Весело ей жилось: сознанье молодой силы, сознанье достоинства своего и своей полезности давали ей независимость, горячность и отвагу, которыя влекли къ ней любопытныхъ, удерживали понимающихъ. Какъ женщина, она, благодаря своему таланту, стала въ возможно независимое положеніе, не смотря на свою молодость; разумная свобода разлита была во всемъ существѣ ея и придала ей неизъяснимое обаянье. Все молодое, горячее прильнуло къ ней; дѣвушки ея любили за то, что она не добивалась выйдти замужъ,—женщины за то, что ей нѣкогда было соперничать съ ними и отбивать у нихъ поклонниковъ, молодежь—потому, что ей ничто не было чуждо, что она умѣла слушать и понимать, что ни щепетильности въ ней никакой не было, ни жеманства, ни претензій, однимъ словомъ, что это былъ *товарищъ*, только въ болѣе сдержанныхъ, изящ-

ныхъ и тонкихъ формахъ, къ которому можно было зайдти поболтать и въ обществѣ котораго нерѣдко случалось набрести на новую и хорошую мысль. И Боже мой, какъ эта роль была по ней, какъ весела, горда собой, и счастлива она тогда была!!.

Никому не приходило въ голову ухаживать за Надеждой Ивановной; казалось, если она подмѣтитъ это—расхохочется, и никто не ухаживалъ за ней, но вдругъ кто нибудь просыпался, послѣ иногда полугода и болѣе товарищескихъ отношеній, съ такимъ чувствомъ глубокой, сильной и сознательной къ ней любви, съ такимъ влеченьемъ къ ней, полнымъ нѣжности истрасти, что казалось искони любилъ онъ ее, *и никогда любить не перестанетъ*. Онъ говорилъ ей это, а она... какъ будто гордая, счастливая, слушала, но не долго. Она понимала что любовь—цѣпи, что не разлюбитъ она даромъ, что не полюбитъ вполовину, что любовь для нея—служенье, и что, слѣдовательно, любовь возьметъ ее отъ семейства, которое въ ней нуждалось. Вправѣ ли она забыть его нужды, отвернуться отъ него? Нѣтъ, покамѣсть еще не вправѣ; но она купитъ себѣ это право: братья малы, сестры не замужемъ, больной отецъ и мать печальная,—надо, чтобы все это поднялось и стало на ноги, чтобы виднѣе имъ всѣмъ была дорога. Чувствомъ семейнаго долга связала она себя крѣпко; хотя страстная душа и пылкая натура, благодарное сердце и жажда ласки, самое ея воображеніе и присущая всему ея естеству поэзія, впечатлительность и самая потребность любви, все откликалось въ ней на призывъ сердечный! Только такія души, какъ ея душа, не любятъ *между прочимъ* и *вполовину*. Она тотчасъ видѣла, что любовь уноситъ ее, что она вся отдается любви и что любовь возьметъ ее всю у назначенной

ею себѣ цѣли, долгъ принятый будетъ не выполненъ, и семья родная пропадетъ безъ нея,—тутъ не свободна она была разнѣживаться!... Со вздохомъ просыпалась она отъ волшебнаго сна, говорила себѣ: „но для меня еще не пора“, и чтобы убѣжать отъ любви, чтобы разорвать ея чары, уѣзжала куда нибудь на время.

Такимъ образомъ она испытывала всю цѣлебную силу путешествій и разлуки, такимъ образомъ, ни разу она не дала чувству въ себѣ разгорѣться вполнѣ, а между тѣмъ не оскорбила ни чьего призывнаго чувства. Она возвращалась, когда ужъ новое впечатлѣніе замѣняло произведенное ею впечатлѣніе въ человѣкѣ, готовомъ любить ее со всѣмъ безумьемъ страсти, и когда онъ невольно становился въ ряды ея друзей снова. Отецъ ея умеръ; тогда больше прежняго приковала она себя къ обѣту замѣнить его; радовалась только радостью своихъ литературныхъ успѣховъ, согрѣвалась чувствомъ своего значенія и нравственнаго вліянія на кружокъ своихъ друзей, блескомъ летучей любви, огнемъ страстной рѣчи, но, гордая и сильная своею волею, не давала никакому личному чувству оковать себя, и выучилась играть своимъ собственнымъ сердцемъ, какъ кошка мышью.

Такъ прожила она десять лѣтъ,—десять лѣтъ труда, заботы и всѣхъ способностей своихъ она отдала на пользу своему семейству. Какъ ни скромна была ихъ жизнь, но они не испытывали лишеній. Братья выросли, сестры вышли замужъ, матери было при комъ оставаться и въ комъ искать утѣшенья; Надежда Ивановна чувствовала долгъ свой почти выполненнымъ: ее только заботило одно — выиграть одно тяжебное дѣло, отысканное ею въ бумагахъ отца, сумма этого выигрыша могла обезпечить окончательно ихъ на долгое

время. Все также хорошо и безъ горечи шла ея литературная жизнь, а въ жизни домашней за Надеждой Ивановной упрочивалась разумная независимость; жила она, уважая не только правила, но даже установленныя обычаемъ приличія, и въ ней была видна не чепорная барышня, не пугливая и недосказанная дѣвушка, но нравственная, стыдливая и набожная по христіански женщина, уважающая всякое право и понимающая всякій долгъ, положившая себѣ въ основное правило жизни: не посягать ни на чью радость, не давать никому страданій сознательно и не отказываться отъ принесенія пользы каждому, кого судьба толкнетъ на ея дорогу. Печать этой разумной свободы легла на ея выразительное лицо, на каждое ея движенье, и отразилась въ самомъ образѣ ея жизни.

Въ семьѣ своей она была главой семейства, мать жила при ней, но часто уѣзжала гостить надолго къ замужнимъ дочерямъ. Надежда Ивановна поселилась съ одной своей пріятельницей, съ женщиной, у которой жизнь не удалась какъ-то: безсемейная и бездомная, она почувствовала нравственную силу въ Надеждѣ Ивановнѣ и потому прильнула къ ней, а для Надежды Ивановны присутствіе другой женщины соблюдало условія общественнаго устава. Замѣчательно было то, что при всей независимости своего характера и ширины своихъ пониманій, Надежда Ивановна никогда не отступала ни въ чемъ отъ этого устава и не смѣшивала приличій съ предразсудками. Человѣкъ созданъ для общества, говаривала она, иначе бы не существовали государства. Пустынникъ и злодѣй — выходятъ изъ общества, и то рѣдко потомъ уживаются сами съ собою. Я не могу, я не хочу жить внѣ общества, оно имѣетъ свои недостатки; но лучшаго я ничего не могу соз-

дать, а живя въ обществѣ, я не должна оскорблять его, чтобы оно въ свою очередь меня не отвергло.

И этимъ рѣчамъ дивились, и поступкамъ ея дивились, а просто она воспиталась сама и вдумалась *въ порядокъ жизни*, и безпорядочности ни въ чемъ перенесть не могла; къ тому же она умѣла и не боялась разсуждать съ собой. Не легко ей было слить горячность своей поэтической натуры, потребность сердца любить, жажду ласки съ этимъ гордымъ порядкомъ жизни; но воля и сила въ ней были громадныя и всѣ поползновенья на ея любовь кончались, какъ прерванное свиданіе. Едва она почувствуетъ, что любовь можетъ наложить на нее цѣпи, встрепенется вся, встряхнетъ этими оковами, и, чтобы осилить себя, уѣдетъ вдаль на время. Такъ дожила она до 26-ти лѣтъ, гордая собой и не смущаемая жизнью. Рядомъ съ ней, въ числѣ самыхъ интимныхъ ея посѣтителей, жилъ и веселился Демьяновъ. Веселился онъ безъ устали и выучился одному — забавляться, какою бы цѣною ни была куплена забава. Да, правду сказать, онъ и не зналъ ничему настоящей цѣны: его не только въ этомъ отношеніи не развивали, а старались отвлечь его вниманіе, если даже оно иногда и просыпалось. И такъ привыкъ онъ не вести расчета ни съ самимъ собой, ни съ своимъ состояніемъ, ни съ своей жизнью.

Передъ нимъ считали доходы его имѣній и разсуждали, до какой цифры можно довести въ его имѣніяхъ доходы, но никто не заботился доводить эти доходы до возможной цифры. Довольно, что цифра была опредѣлена, показана ему, а за тѣмъ вокругъ него все жило по размѣру не настоящихъ, а *возможныхъ* доходовъ. Было ли въ немъ это великодушіемъ или безпечностью и незнаніемъ, лѣнью ознакомиться и

вникнуть въ настоящее положеніе своего состоянія, но только его легко было склонять на щедрыя дарственныя, въ пользу близкихъ и дальнихъ родственниковъ, старыхъ слугъ, никогда ему не служившихъ, разныхъ лицъ, которымъ почему-то слѣдовало благодѣтельствовать, и такъ какъ онъ изъ кармана своего, который никогда не могъ быть туго набитъ, ничего не вынималъ, а только *подписывалъ*, такъ какъ подписывать труда большаго не стоитъ и къ тому же ему нѣкогда было думать, ему вѣчно нужно было куда нибудь ѣхать, вѣчно спѣшилъ онъ, а тутъ ему надоѣдали и удерживали его: онъ бралъ перо и подписывалъ. Онъ даже иногда самъ любовался, какъ бойко расчеркнулся перомъ въ словахъ „Михаилъ Демьяновъ“. Вообще онъ отлично выучился писать фразу: „къ сему дарственному акту, заемному письму и проч. Михаилъ Демьяновъ руку приложилъ“. Почеркъ у него вообще былъ небрежный и шаткій, но эту фразу онъ рѣшительно отчеканивалъ,—такъ часто приходилось писать ее.

А чтобы онъ не просыпался, ему всѣ говорили, что у него неисчерпаемое богатство, ему льстили и внушали ему, что онъ *баринъ*, то есть какое-то привилегированное существо, хотя въ сущности вся его барская воля наблюдалась только въ томъ, что безъ его приказанія изъ конюшни не выводилась и не закладывалась ни одна лошадь; во всемъ же остальномъ онъ былъ, стараньями дядюшекъ, невѣденьемъ хранимъ, а потому и упражнять своей воли ни надъ чѣмъ не могъ. Правда, иногда у него, шестнадцатилѣтняго мальчика, вдругъ спрашивали позволеніе дать лишній балъ и обѣдъ, поставляя притомъ на видъ необходимость выдать замужъ сестеръ, которыхъ было много, а для обѣда или бала необходимо было разрѣшить выдачу денегъ, о чемъ и подпишется приказъ ко-

тому нибудь изъ управляющихъ. Демьянову это дѣтски ль тило, и потому онъ на все соглашался и ни во что не входилъ.

Съ четырнадцати лѣтъ онъ отдался любовнымъ похожденіямъ, героинями которыхъ были всѣ, отъ какой нибудь грязной Таньки, перелетающей черезъ барскій дворъ съ грузомъ накрахмаленныхъ барышниныхъ юпокъ на плечѣ, до сестриной подруги и до ловкой барыни кокетки, ѣздившей часто къ его матери; онъ безъ различія дарилъ свой портретъ и барынѣ, и Танькѣ, и каждую умолялъ носить его и помнить объ оригиналѣ. За этимъ тоже никто не слѣдилъ: пусть забавляется юноша, а въ какую складку отъ этихъ забавъ складывается душа его, глохнутъ или развиваются его понятія, кому какое дѣло!..

Будь у него въ характерѣ, что нибудь своеобразное, онъ бы дорось по крайней мѣрѣ до Донъ-Жуана а такъ, онъ просто развратился, размѣнялъ лучшія силы души своей на грошевую монету и разбросалъ ихъ безсознательно.

Надоѣли ему профессора, ходившіе къ нему и получавшіе по 5 р. за часъ урока, отъ котораго ничего не оставалось въ его головѣ; къ тому же ему захотѣлось снять съ себя званіе мальчика, прикрыться плащемъ юношества и найдти себѣ товарищей, — и онъ по своему желанію вступилъ въ университетъ.

Но въ томъ смыслѣ, въ какомъ искалъ онъ тамъ товарищей, онъ не обрѣлъ ихъ, и вышелъ изъ университета едва заглянувъ въ него. Примѣривъ случайно, какой-то кавалерійскій мундиръ и посмотрѣвшись въ зеркало, которое отразило его смуглое, съ юношескимъ румянцемъ, съ первымъ пухомъ черныхъ какъ смоль усовъ, правильное, тонкихъ очер-

тавій, лицо, онъ рѣшилъ, что лучше всего поступить въ полкъ. Съ нимъ вмѣстѣ поступили въ полкъ четверо окончившихъ курсъ студентовъ, которые полюбили его, или лучше сказать подчинились тому необъяснимому обаянью, какое Демьяновъ производилъ на каждаго. Богъ знаетъ, отъ чего казался онъ всѣмъ безхитростнымъ такимъ и мягкимъ, что вдругъ его почему-то жаль становилось. Былъ ли то блескъ юности и красоты, или та ласковость и ясность, съ какими онъ относился къ каждому, точно будто сердце его открыто всѣмъ, и готово и вѣрить, и любить; даже самая его невѣжественность была какая-то милая, потому что она казалась болѣе способностью легко относиться ко всему, нежели невѣжественностью. Глядя на него, всякій думалъ, что сердце его на ладони, такъ и увидишь, осязательно увидишь это сердце, и что въ этомъ сердцѣ все добро и ласка. Онъ безгранично былъ веселъ, потому что ни дума, ни забота, ни даже хоть минутное размышленіе не посѣщали его,—все это было удалено отъ него, и самыя трудныя минуты, озабочивавшія его были тѣ, когда появлялись письма отъ кого нибудь изъ управляющихъ, начинающіяся слѣдующими безотрадными словами: „воля ваша Михаилъ Сергѣевичъ, денегъ у меня въ конторѣ нѣтъ, а служащимъ всѣмъ еще не роздано жалованье, корму тоже не хватитъ для скотоводства, которое есть обширно!...“

Тутъ Демьяновъ поникалъ головой; но дядюшка его говорилъ, что управляющій вретъ и что онъ, дядюшка, укажетъ ему, управляющему, откуда взять деньги, а наконецъ и занять можно будетъ, и онъ устроитъ заемъ. Такимъ образомъ дядюшка являлся благодѣтелемъ; управляющій, по приказанію Михаила Сергѣевича, писавшаго подъ диктовку, или подъ внушеніе дядюшки, заключалъ раззорительные и безтолковые

контракты и условія, лишь бы получить половину денегъ впередъ, а заемныя письма росли своимъ чередомъ: за то дума и забота отлетали отъ Демьянова; онъ мчался къ какой нибудь барынѣ поблистать въ ея гостиной своею красотой, щеголеватостью, аристократизмомъ своихъ замашекъ, и, если можно, *полакомиться* ея улыбками, взглядами и ласками,—въ этомъ проходила вся его жизнь. Когда онъ пріѣзжалъ въ городъ изъ полка, съ цѣлой вереницей товарищей, нажитыхъ имъ въ полку, которые всѣ къ нему относились какъ-то подобострастно,—весь городъ принималъ праздничный видъ и нѣсколько лишнихъ баловъ давалось по этому случаю. Демьяновъ танцовалъ превосходно и заправлялъ баломъ отлично съ семьнадцати лѣтъ, и почти съ надѣтаго имъ юнкерскаго мундира.

Подъ шумокъ подобной жизни, онъ выдалъ каждой изъ своихъ сестеръ письменныя обязательства—надѣлить приданымъ вдвое противъ законной части; переписалъ на свое имя выданныя не имъ заемныя письма и совершилъ дарственныя въ пользу каждаго дядюшки; да кромѣ того, по просьбѣ своихъ домашнихъ, дарилъ избы и десятки десятинъ земли вѣрнымъ слугамъ, службы которыхъ онъ не зналъ и не испыталъ, а когда заглядывалъ въ имѣнія, то изъ отчетовъ, которые ему подавались, онъ разворачивалъ только „денежную книгу“, т. е. книгу прихода и расхода, быстро отыскивалъ въ ней глазами цифру остатка, и если она собою представляла хоть сотни рублей, бралъ тотчасъ къ себѣ и уѣзжалъ на другой же день; этимъ оканчивались всѣ его хозяйственныя распоряженія по имѣніямъ. Управляющіе кряхтѣли и молчали, боясь, чтобы дядюшка не посовѣтовалъ смѣнить ихъ,—да и имъ подъ шумокъ тоже жилось не дурно.

Вокругъ него всѣ его жалѣли, жалѣли это безрасчетно истрачиваемое состояніе, эту размѣненную на вздоръ жизнь, убиваемыя силы, отвергаемое развитіе, но въ глаза ему никто ничего не говорилъ; его избалованность доходила до того, что ему было бы скучно слушать и думать, а страсть забавляться была доведена въ немъ до такихъ размѣровъ, что онъ высказалъ бы всѣ эти постороннія воззрѣнія передъ тѣмъ, кого они осуждали, только для того, чтобы позабавиться смущеніемъ этихъ лицъ. Ему нравилось, его забавляло подобострастіе къ нему домашнихъ въ мелочахъ, а что за этимъ скрывалось, скучно и заботливо было бы ему отгадывать; своихъ друзей онъ любилъ тоже, но только пока ему было съ ними весело, и друзья понимали это, и не пробуждали его, чтобы скукой дѣльнаго разсужденія не оттолкнуть его отъ себя. Такъ прожилъ онъ годъ... Что дальше?—Дальше—ему захотѣлось въ Петербургъ. Онъ былъ тщеславенъ и идея его службы въ гвардіи прежде всего представлялась ему идеей того неоспоримаго авторитета, который онъ будетъ имѣть, когда будетъ изъ Петербурга пріѣзжать сюда, въ провинцію.

Онъ перешелъ въ гвардію юнкеромъ. То было время тяжкое для юнкеровъ... Не имѣть своего экипажа и даже вовсе въ экипажѣ не ѣздить, не бывать въ театрахъ, на балахъ, въ обществѣ и, идучи по улицѣ, становиться на всякихъ пяти шагахъ во фронтъ, носить толстое платье и морозить голову подъ полупудовой солдатской каской,—въ такую-то жизнь попалъ Демьяновъ изъ жизни барича-повѣсы и сердцеѣда по преимуществу

Передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, кто-то изъ общихъ его и Надежды Ивановны друзей привезъ его къ Надеждѣ Ивановнѣ, и она съ тѣхъ поръ относилась къ нему съ тѣмъ

оттѣнкомъ ласковости и баловства, съ какимъ относятся къ существу, требующему участія и снисхожденія. Не смотря на его красоту, богатство, веселье и юность, ей было жаль его, и все въ душѣ и въ мысли ея звучало надъ нимъ слово— *сирота!* Никто не приложилъ ни до чего, до него касающагося, ни малѣйшей сердечной заботы — вотъ что значило въ ея пониманіи *сирота.* Къ тому же красота его нравилась художественной сторонѣ ея души, обаяніе его привѣтливости было сильно. Стала она надѣятся, что жизнь разовьетъ его, что сердце въ немъ скажется хорошими силами, что все то, чего не сдѣлала для него среда, въ которой онъ жилъ и выросъ, сдѣлаетъ среда, въ которую онъ, можетъ быть, попадетъ. А онъ попалъ въ среду гвардейскихъ юнкеровъ того времени, гдѣ, не зная куда дѣться и какъ съ собой распорядиться, онъ пилъ, и пилъ безъ просыпу въ промежутокъ между двухчасовымъ ученьемъ каждаго дня. Снисходительные къ этой слабости героини цирка были единственныя женщины, посѣщавшія ихъ общество и напивавшіяся съ ними до безчувствія. Нѣкоторые изъ юнкеровъ пробовали завести игру. Были между юнкерами, впрочемъ, и такіе, которые не всякій вечеръ приходили въ веселую компанію, а зачитывались у себя дома, но къ числу ихъ не принадлежалъ Демьяновъ; онъ обнимался съ дамами цирка и пилъ, и такъ провелъ все время до производства своего въ офицеры.

Надѣвъ эполеты, онъ съ жадностью бросился ѣздить всюду, гдѣ танцовали, и до изступленья танцовалъ; отторгнутый на время отъ приличнаго общества и отъ порядочныхъ женщинъ, онъ теперь съ какимъ-то неистовствомъ сталъ влюбляться въ каждую порядочную женщину; попалъ въ руки одной плаксенной старушки, которая писала ему „mon bel archange!“ и,

вспоминая его настойчивыя ласки съ нимъ наединѣ, вспыхивала заревомъ, когда онъ входилъ при ней въ чью нибудь гостиную. Потомъ ему сдалъ на руки какой-то товарищъ надоѣвшую ему самому русскую камелію. Русская камелія была барышня *благородная*, получившая воспитаніе, случайно, неудавшимся романомъ попавшая на дорогу, ей какъ-бы несвойственную, но удержавшаяся на ней потомъ по вкусу и по полученнымъ уже ею привычкамъ.

Роздавъ, по обыкновенію, свои портреты предметамъ своей любви и позволивъ имъ писать къ нему, онъ уѣхалъ показать свои эполеты роднымъ своимъ и знакомымъ. Тамъ, въ родномъ городкѣ, онъ произвелъ фуроръ, влюблялся по очереди въ каждую изъ красавицъ тамошняго общества и не шутя сталъ оказывать Надеждѣ Ивановнѣ сердечное влеченіе. Онъ рѣшился экспромтомъ поцѣловать ее. Она не разсердилась, пожала плечами, какъ-то грустно вздохнула и начала ему объяснять, что онъ вовсе не влюбленъ въ нее и не можетъ влюбиться, что ее послѣднюю онъ выбралъ бы для любви своей,—а такъ, молодое волненіе крови... но дни бѣгутъ и стынетъ кровь...

Онъ съ упрямствомъ началъ ее увѣрять, что любитъ *ее одну* и никогда никого такъ не любилъ,—тогда она придумала куда-то уѣхать на время его отпуска,—и уѣхала.

Въ слѣдующій его пріѣздъ онъ пересталъ ей говорить своей любви, за то не выходилъ почти отъ нея, разсказывалъ ей о своихъ похожденіяхъ и прислушивался къ ея сужденьямъ; онъ былъ съ нею милъ и задушевенъ, но какъ-то по товарищески.

Потомъ еще пріѣхалъ онъ — и тутъ уже излилъ передъ нею какую-то страстную исповѣдь; онъ ее любилъ, *ее одну*,

а только притворялся, что не любитъ, чтобы она опять не отогнала его, чтобы опять не уѣхала....

Ей тяжка была борьба потому, что онъ ей внушалъ живой интересъ съ самаго начала ихъ знакомства, но она осилила себя и опять уѣхала, и когда онъ пріѣхалъ въ отпускъ снова, она вовсе не показывалась въ городѣ. Онъ вздыхалъ, тосковалъ и даже писалъ къ ней, и писалъ часто,—чего онъ ни для кого не дѣлалъ,—письма безграмотныя и безсвязныя, но которыя ей были милы. Прошло три года — они не видѣлись.

Въ эти три года, онъ поселился на одной квартирѣ съ княземъ Дольскимъ, съ которымъ въ одинъ день произведенъ въ офицеры. То была натура развитая, сердце, сохранившее себя ревниво отъ мелкихъ ощущеній, воображенье чистое. Его слабое здоровье служило ему отговоркой отъ товарищескихъ пировъ: онъ могъ жить нѣсколько особнякомъ, не оскорбляя никого. Отъ него перваго Демьяновъ услышалъ о достоинствѣ человѣка, и что кромѣ того есть еще поговорка noblesse oblige, которою не пренебрегаютъ свободные лорды Англіи; что дружба не ограничивается одной готовностью пьянствовать вмѣстѣ, что есть на свѣтѣ любовь другаго рода, чѣмъ та, которой предавался Демьяновъ, и что такая любовь не смѣшна. Услышалъ тоже Демьяновъ, что въ жизни долженъ быть порядокъ, въ истрачиваемыхъ деньгахъ счетъ, что управлять самому своими имѣньями не тривіально, и никогда не должно быть порядочному человѣку скучно. Новыя рѣчи, непонятныя рѣчи, но все равно Демьяновъ сталъ уважать Дольскаго и дорожить его мнѣніемъ, и поотсталъ слегка отъ тѣхъ своихъ товарищей, которые продолжали водиться съ циркомъ и безъ просыпу пить шампанское.

Демьяновъ разъ заговорилъ съ Дольскимъ о Надеждѣ Ивановнѣ, и далъ ему прочесть ея письмо. Крѣпко задумался Дольскій; дочтя до конца, онъ началъ читать снова, потомъ вздохнулъ и, складывая письмо, сказалъ: — Боже мой, какъ эта душа тебя любитъ!..

Демьяновъ встрепенулся.

— Помилуй, любезный другъ, она меня вовсе не любитъ. Это дружба, товарищескія почти отношенія. Я бы ее любилъ совсѣмъ иначе, чѣмъ другихъ женщинъ, если бы она хотѣла. Въ ней огня, огня, до безконечности много огня!

— И благородства, добавилъ Дольскій.—Какая прямота, продолжалъ онъ, глядя на прочтенное имъ письмо: — какая женская бдительность, какъ ей хочется видѣть въ тебѣ все прекрасное. Когда бы мнѣ такая душа и такая любовь, я былъ бы гордъ и счастливъ на всю жизнь!

Этихъ словъ Дольскаго было довольно, чтобы зажечь всѣ чувства въ Демьяновѣ и всѣ воспоминанья его о Надеждѣ Ивановнѣ облечь страстностью. На другой же день онъ выѣхалъ изъ столицы, съ трудомъ, впрочемъ, вырвавшись изъ объятій одной великосвѣтской рыжей и наглой барыни, прослышавшей о его богатствѣ и заполонившей его очень безцеремонно, въ надеждѣ современемъ женить его на себѣ.

Демьяновъ летѣлъ домой. Смѣнивъ запыленное платье на свѣжее, онъ черезъ два часа послѣ своего пріѣзда входилъ въ дверь Надежды Ивановны. Она никого не ждала и чуткое ея ухо не слышало на этотъ разъ ни шаговъ, ни грому палаша и шпоръ по длинной, стеклянной галлереи, на которую выходили окна внутреннихъ комнатъ. Она сидѣла и писала, когда Демьяновъ отворилъ дверь и остановился на порогѣ, едва переводя дыханіе, улыбающійся, съ румянцемъ страстнаго

счастья, съ привѣтомъ любви во взорѣ. Онъ такъ былъ свѣтелъ и хорошъ въ эту минуту, что вся комната Надежды Ивановны какъ будто озарилась, будто влился въ нее горячій лучь.

— О, Мишинька! воскликнула невольно Надежда Ивановна; руки ея крѣпко обвились вокругъ его шеи и она, какъ брата, поцѣловала его въ лобъ.

Онъ покрывалъ ея руки поцѣлуями и говорилъ много, весело, горячо и безсвязно. Она отодвинулась, поглядѣла на него.

— Какъ вы похорошѣли, у васъ какъ будто въ душѣ что-то хорошее, сказала она: — мы вѣдь не видѣлись три года!

Потомъ вспомнивъ, что въ эти три года онъ могъ сдѣлаться совсѣмъ инымъ человѣкомъ, — имѣть другіе взгляды, въ свою очередь, стать судьей, и что, можетъ быть, онъ не пойметъ ея искренняго движенья и осудитъ ее, что дѣйствительно, для подобной короткости обращенья, онъ слишкомъ хорошъ (въ эти три года она почти забыла, какъ онъ хорошъ); она вдругъ покраснѣла. Вспомнилось ей тоже его письмо передъ самымъ выѣздомъ сюда, на которое она еще не успѣла ему отвѣтить, полное любви и страсти, и она покраснѣла еще болѣе: что-то необъяснимое сковало ея веселость. Но Демьяновъ твердилъ: — ничего мнѣ не говорите, ни о чемъ не разсуждайте сегодня! Любите, ласкайте меня, побалуйте добрымъ словомъ пріѣзжаго и давнишняго гостя! Три года мы не видѣлись: развѣ вамъ жаль для меня улыбки и добраго слова?—ну, улыбнитесь!

Легкость, съ которою Демьяновъ относился ко всѣмъ чувствамъ, ко всѣмъ положеньямъ и отношеньямъ, невольно овладѣвала въ его присутствіи самыми серьезными натурами. Вся-

кій вѣровалъ въ искренность и доброту его сердца: въ этомъ и заключалось главное его обаянье. Когда онъ уходилъ, являлось разсужденье: зачѣмъ я это сдѣлалъ? зачѣмъ я это сказалъ?—глупо это и дурно; но въ его присутствіи дѣлалось многое и глупо, и дурно, да ужь обаянье его было такъ велико, что какъ будто все это такъ и должно быть.

Когда онъ ушелъ, Надежда Ивановна сказала себѣ, что и то-то и другое было глупо и дурно,—зачѣмъ она именно то-то сдѣлала, то-то сказала. Но потомъ рѣшила, что вѣдь впрочемъ это Демьяновъ, и что къ Демьянову никакъ нельзя серьезно относиться въ жизни, да и его самого нельзя понимать серьезно. Только какъ-то свѣтло и весело было при немъ, и въ ея вдумчивой, труженической жизни, жизни глубокаго долга и строгаго порядка, Демьяновъ имѣлъ обаянье свѣта и улыбки,—игриваго свѣта, безпричинной улыбки.

Онъ почти всѣ дни просиживалъ у Надежды Ивановны, тѣмъ болѣе, что всѣ лучшіе его друзья, прежніе товарищи по арміи, составляли тотъ интимный кружокъ Надежды Ивановны, который собирался у нея въ предвечернюю пору и нерѣдко заявлялъ о себѣ *поштучно*, какъ они сами выражались въ теченіе утра. Демьяновъ, наслушавшись ихъ сужденій, если недостаточно понималъ и оцѣнялъ Надежду Ивановну, то выучивался вѣровать въ нее. Къ тому же, его вкусу она нравилась, какъ женщина: любилъ онъ ея страстные и умные глаза, стройность фигуры, живость походки и безукоризненно-изваянныя плечи, которыя онъ видѣлъ не разъ обнаженными на балѣ и помнилъ ихъ подъ плотно застегнутымъ платьемъ. А для Надежды Ивановны Демьяновъ получалъ постепенно такое значеніе, что она узнавала его походку, считала его шаги напряженнымъ ухомъ, сначала галлереи

до самой двери, и, приложивъ руку къ сердцу, считала ихъ сердцемъ, и улыбка глубокаго блаженства, горячей отрады озаряла ея лицо, когда его болтовня и смѣхъ раздавались въ передней съ горничной, снимавшей съ него шинель, а затѣмъ щеголеватый, изящный и веселый, входилъ онъ самъ и крѣпко жалъ и цѣловалъ ей руки, шепталъ ей шаловливо на ухо страстныя рѣчи.

Такъ, незамѣтно для себя самой, въ этотъ разъ Надежда Ивановна отдалась всѣмъ существомъ своимъ любви, хотя лукавя еще съ самой собой и убѣждая себя, что это не любовь, а дружба, участіе душевное; тутъ отчасти платила она дань художнической воспріимчивости, которая поневолѣ присуща натурѣ каждаго поэта, а она была поэтъ и даже печатающійся поэтъ. Конечно, многое и отъ этого... думала она. Къ тому же онъ сирота, всѣ отъ него пользовались и никто его не любилъ, не берегъ; жалость и нѣжность онъ возбуждалъ въ ней всегда своимъ положеніемъ, а потому и не имѣла она силы отъ него отвернуться.

ГЛАВА II.

А между тѣмъ, рыжая барыня безъ устали писала Демьянову самыя страстныя письма и намекала на свое желаніе пріѣхать туда, гдѣ онъ находился, не смотря на громадность разстоянія. Съ отличавшимъ ее и въ нашъ циническій вѣкъ цинизмомъ, она объясняла одной изъ своихъ пріятель-

ницъ что она могла бы любить Демьянова сильнѣе, нежели всѣхъ прежнихъ близкихъ своихъ, ses intimes, только потому, что онъ былъ такъ черенъ, а она такъ рыжа,— до души и ума его ей рѣшительно не было дѣла; да вотъ, говорятъ, состоянье у него огромное, она бы даже и замужъ за него вышла!..

Да, это была женщина безстрашная, ознакомленная со всякой грозой, даже съ грозой уголовныхъ процессовъ. Если бы князь Дольскій зналъ, что Демьяновъ въ связи съ этой барыней, онъ бы пришелъ въ ужасъ за него, потому что и въ глазахъ Дольскаго Демьяновъ былъ милый невѣжда, человѣкъ непробужденныхъ, но прекрасныхъ свойствъ. Дольскій любилъ Демьянова, никакъ не воображая себѣ, что любилъ въ немъ свое же собственное отраженье, только въ болѣе мягкихъ и игривыхъ очеркахъ; до сихъ поръ еще никто не подмѣчалъ въ Демьяновѣ способности отражать и какъ бы усвоивать себѣ свойства и идеи всѣхъ лицъ, съ которыми онъ живалъ, и когда Демьяновъ сталъ выражать невольно въ своихъ разговорахъ сужденія, взгляды и чувства Дольскаго, то и Дольскій, и Надежда Ивановна, каждый отдѣльно и незнакомые другъ другу, повѣрили, что это не отраженіе, а развитіе, и сами себя въ Демьяновѣ не узнали. Напротивъ того, они вообразили, что это отвѣтность въ немъ на тайныя складки души ихъ, серьезнѣе на него взглянули и сильнѣе только привязались къ нему оба.

Демьянова смущали письма рыжей барыни; вдали отъ нея онъ чувствовалъ, что не онъ ее искалъ, что она сама взяла его какъ-то самоправно, и презиралъ ее, даже чувство досады, ненависти, почти охватывало его душу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ея боялся, хотя самому было совѣстно себѣ въ

этомъ признаться. Онъ, странно, менѣе всѣхъ въ мірѣ совѣстился Надежды Ивановны, и ей давно уже разсказалъ, что могъ и насколько могъ свои отношенія къ рыжей барынѣ.

Что думала или чувствовала при этомъ открытіи Надежда Ивановна, намъ неизвѣстно. Огорчиться она себѣ не позволила, или скорѣе не сознала за собою права огорчиться и претендовать на него. Принимать Демьянова за серьезный вопросъ своей жизни она не рѣшалась и, владѣя еще вполнѣ сама собой, сама себѣ вполнѣ принадлежа, — она осилила и грусть и боль сердца, если только онѣ въ ней проснулись, и продолжала относиться къ Демьянову съ тою же нѣжной дружеской заботой, но только съ нѣкоторой сдержанностью. Демьяновъ долго не рѣшался говорить ей о письмахъ и, въ особенности, о смущавшемъ его намѣреніи рыжей барыни пріѣхать; но, наконецъ, не вытерпѣлъ, пришелъ къ ней съ письмомъ, и сначала осыпалъ Надежду Ивановну упреками, что ея холодность, ея безотвѣтность бросила его съ досады въ объятія такой рѣшительной и страшной госпожи, а потомъ просилъ Надежду Ивановну прочесть письмо и дать ему совѣтъ.

Она читала и густая краска женской стыдливости заливала ей щеки: тамъ были такія выраженія, такія воспоминанія, что, не поднимая глазъ на Демьянова и складывая письмо, — написанное по-французски, съ подписью: Adrienne de Cardoril и частыми повтореніями mon Djalma, — она какимъ-то глухимъ, задушенымъ голосомъ произнесла:

— Надо поставить между вами разстояніе, если вы искренно хотите покончить. Эта женщина умна, и если въ ней есть благородство, гордость и хоть сколько нибудь удержалось женской стыдливости, то она сама пойметъ васъ въ са-

мой бездѣлицѣ, хоть въ томъ, когда вы вмѣсто mon Adrienne, поставите въ письмѣ—madame.

Демьяновъ обрадовался; онъ тутъ же сѣлъ къ столу Надежды Ивановны, началъ словомъ Madame, и написалъ такое почтительное и короткое письмо, что, казалось, льдомъ отъ него вѣяло за сто верстъ.

Покуда онъ писалъ, Надежда Ивановна вышла подышать воздухомъ и ходила по обширному двору, обнесенному высокой стѣной, съ вѣчно запертыми воротами и полуотворенной калиткой.

Ничего не могло быть уединеннѣе этого низенькаго и длиннаго домика, который она занимала вмѣстѣ со своей пріятельницей; онъ пріютился въ самомъ углу двора, а дворъ былъ большой, поросшій низенькой зеленой травой, и у воротъ на цѣпи громадная собака бурой шерсти, изъ породы пастушьихъ собакъ.

Надежда Ивановна подошла и погладила ее.—Голова горѣла, сердце прерывисто билось и въ горлѣ давили слезы. Письмо рыжей барыни отравило ея сердце и воображенье; оно жгло и давило ее своими безцеремонными картинами и выраженіями... Ночь была теплая, полная нѣжнаго трепета и льющая какіе-то сладостные матовые лучи отъ луны и дрожащихъ звѣздъ ей прямо въ грудь.

Надежда Ивановна обошла весь дворъ, завернула за домикъ, который окномъ ея кабинета глядѣлъ въ разрушенный палисадникъ, гдѣ росли и трепетали два забытые клена и четыре акаціи, подняла засохшую вѣтку и, ломая ее, подошла къ отворенному окну, за которымъ писалъ Демьяновъ свое ледяное посланіе.

Демьяновъ увидѣлъ ее.

— Милый авторъ, это вы! сказалъ онъ, поднявъ свое довольное въ эту минуту и до крайности веселое лицо.

Надежду Ивановну всѣ ея друзья называли авторомъ, за ея литературную дѣятельность, и шутя говорили о ней въ третьемъ лицѣ—*онъ*.

Она стояла приподнявшись, упираясь локтями въ подоконникъ и невольно залюбовалась Демьяновымъ.

— Да, это я, отвѣчала она.

— Прочтите!—И онъ подошелъ къ окну, держа передъ ея глазами раскрытое письмо, все состоявшее изъ шести строчекъ — не больше.

Она прочла и улыбнулась.

— Довольны вы?

— Да, хорошо.

— А если хорошо, такъ.... Демьяновъ близко придвинулъ свое лицо къ ней,—такъ поцѣлуйте!..

Прежде нежели она успѣла что либо ему отвѣтить, онъ обѣими руками крѣпко схватилъ ея голову, быстро откинулъ ее назадъ и жаркимъ поцѣлуемъ обжегъ ея губы.

Она вырвалась и отшатнулась. Ей было тяжело и сладко, и она прислонилась къ клену, скрывая въ полумракѣ ночи свое пылающее лицо. Ахъ, этотъ поцѣлуй еще больше отравилъ ея сердце, нежели письмо отважной госпожи!

Все перепуталось теперь въ ея головѣ и совѣстно стало ей, что она давала ему совѣтъ какъ писать, будто душой покривила; и теперь она чувствовала, что не можетъ ужъ быть безпристрастнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ, что ближе и дороже ей Демьяновъ, и что вотъ, какъ она ни боролась, а все же ни въ чемъ не успѣла, и весь ея умъ, и вся ея во-

ля — ослабѣли, — только жарко, жарко ей и томительно на сердцѣ...

Демьяновъ вышелъ къ ней съ фуражкой и готовымъ письмомъ въ рукѣ, а она пошла ему навстрѣчу.

— Не сердитесь! Вѣдь вы меня не любите, я это знаю, да когда же я васъ люблю, когда мнѣ съ перваго дня нашего знакомства хочется вашей любви. Не сердитесь, дайте ручку и прощайте!..

Онъ поцѣловалъ у ней руку и пошелъ черезъ весь дворъ; она, противъ обыкновенія, не провожала его до калитки, а все стояла и думала, глядя ему въ слѣдъ, думала о себѣ съ тоской и осужденіемъ. Потомъ ей сдѣлалось досадно — зачѣмъ онъ думаетъ, что она его не любитъ; ей хотѣлось позвать его, броситься ему на шею, заплакать и отдать ему его горячій поцѣлуй.

Но нѣтъ, еще разъ ея воля осилила все и она осталась неподвижная и молчаливая, какъ прикованная къ своему мѣсту, покуда не затихъ шумъ его шаговъ въ концѣ переулка. Потомъ вошла въ спальную и начала также молча и пасмурно раздѣваться.

Ея пріятельница поглядѣла на нее подозрительно.

— Боюсь я за тебя, Надя! невольно выговорила она.

Надежда Ивановна вздрогнула.

— Въ какомъ случаѣ? спросила она сухо и насмѣшливо.

— А въ томъ, если ты полюбишь Демьянова: не пойметъ онъ тебя, разобьетъ твою душу. Это не человѣкъ, это балованный баричъ, и ужасно какъ много и о себѣ, и о красотѣ своей мечтаетъ. Онъ будетъ тебя любить какъ султанъ рабу, невольницу; нѣтъ, не такъ тебя любилъ Николай Алек-

сандровичъ, — ты для него была божество недоступное, — и ты разбила его сердце.

— Молчи, молчи! проговорила Надежда Ивановна. — Я не искала Демьянова, ты сама знаешь... Онъ, впрочемъ, увѣренъ, что я не люблю его.

— А ты увѣрена въ этомъ?

— Ахъ, замолчи!..

Она съ четверть часа ходила по комнатѣ, распустивъ свои длинные, почти черные, густые и лоснящіеся волосы и вздрагивая всякій разъ, когда по нимъ пробирался теплый вѣтерокъ этой изумительной ночи.

Наконецъ она остановилась противъ своей пріятельницы и сама заговорила.

— Послушай, Катя: не мѣшай мнѣ, брось меня, только не серди ни совѣтами своими, ни нападками на него. Онъ.. бѣдненькій, — всѣ его обижали, не развивали его, ничему не научили и, то тотъ, то другой, его запутываютъ. Я не буду счастлива? — Да кто тебѣ сказалъ, что мое счастье написано на землѣ? Полезность моя написана — вотъ что. Я всѣмъ была полезна — всѣмъ: отчего же мнѣ ему не быть полезной? развѣ ты думаешь, что судьба даромъ толкаетъ меня на его дорогу? — судьба его пожалѣла! Я сама не знаю, въ чемъ я ему буду полезна, только, повѣрь, онъ не даромъ мнѣ милъ, мнѣ дорогъ. Посмотри: онъ пожилъ съ порядочнымъ человѣкомъ, съ княземъ Дольскимъ, и уже въ немъ другой, болѣе развитой и хорошій человѣкъ. Мнѣ такъ тяжело, когда онъ сдѣлаетъ что нибудь дурное, скажетъ что нибудь не такъ какъ слѣдуетъ, — мнѣ давно ужъ это больно, такъ сердце и защемитъ, и зла я становлюсь тогда на всѣхъ тѣхъ, которые бы могли его иначе развить, и все мнѣ ка-

жется, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, а все другіе за него виноваты. Согласись, должно же быть въ немъ что нибудь хорошее и даже очень хорошее, если такъ всѣ кричатъ про его сердце! значитъ, есть же это сердце, кто нибудь видѣлъ его,—и сердце хорошее... Рабой я буду? рабски я буду его любить, говоришь ты? — ну пусть и рабой, такъ вѣдь не всякаго же можно любить рабой, и рабски любить—своего рода наслажденіе. По твоему вѣдь и мать рабски любитъ большаго ребенка, который въ припадкѣ неудержимаго каприза царапаетъ и бьетъ ее, а она его руки цѣлуетъ, тогда какъ къ другимъ, хорошимъ и здоровымъ дѣтямъ, она относится строго. Иныя натуры способны любить только тѣхъ, кто въ нихъ нуждается; я чувствую, что онъ во мнѣ нуждается, что я за него стоять должна, если только онъ меня дѣйствительно любитъ, то-есть не такъ, какъ онъ всякихъ женщинъ любилъ до сихъ поръ, а любитъ душою. Когда его нѣтъ, я объ немъ думаю и мнѣ его жалко, жалко; когда онъ при мнѣ, я любуюсь имъ, ничѣмъ не смущаюсь отъ него и все ему прощаю. Не хочу я, чтобы эту страшную женщину онъ любилъ: она оборветъ всѣ молодые листья его души, только что распустившіеся, благодаря Дольскому. Какъ я люблю Дольскаго, Катя! Не знаю, а люблю, уважаю за Мишеля. Чувствую, что онъ рыцарь и поэтъ въ душѣ, разумный человѣкъ въ жизни; хотѣла бы все это сказать ему и скажу когда нибудь...

Все это Надежда Ивановна говорила лихорадочно и звучно.

— Да что у васъ было? спросила Катя.

— Не спрашивай; а только мнѣ страшно, жутко и сладко, точно какъ будто я отреклась отъ самой себя. Ахъ—

будь что будетъ! добавила она, страстно вперивъ глаза вдаль на синѣющую за окномъ ночь, и замолчала.

Но Демьяновъ еще недѣли три не подозрѣвалъ происшедшаго въ ней переворота и ея рѣшеніи — будь что будетъ; однимъ словомъ, до тѣхъ поръ не подозрѣвалъ, покуда не прочелъ ей еще одного письма все той же мнимой Адріенны, которая положительно увѣдомляла о днѣ своего выѣзда, и что ѣдетъ она за-границу, но на городъ ....

Блѣднѣе полотна было лицо Недежды Ивановны, когда она читала это письмо изъ рукъ Демьянова: сердце надорвалось, и крупнымъ, тяжелымъ дождемъ слезы залили бумагу.

Ужъ какже горячо за это прижалъ ее къ груди своей Демьяновъ, какъ клялся, что любилъ ее, *одну ее, всегда, съ первой встрѣчи;* что она сама, своей холодностью, бросила его во всѣ эти пошлые романы, и что онъ будетъ ее любить вѣчно, вѣчно, и наложитъ на себя проклятье, если когда нибудь пойдетъ искать другаго сердца.

И началась жизнь иная.

Теперь съ большимъ еще наслажденьемъ считала она милые шаги по стеклянной галлереѣ; а если вечеромъ пріѣзжалъ онъ, и вечеръ былъ потемнѣе, и тишь стояла вечерняя на улицахъ, она слышала и узнавала поворотъ его легкихъ дрожекъ въ этотъ короткій и пустынный переулокъ,—и въ нѣсколько прыжковъ была у калитки, сама отворяла ее, придерживая рукой цѣпную собаку, Капитана, и едва входилъ онъ, въ тѣни воротъ уже встрѣчала его крѣпкими объятіями.

У ногъ его, и часто на колѣняхъ передъ нимъ, простаивала она долго и задумчиво, и когда онъ говорилъ ей: „зачѣмъ ты такъ стоишь, Надя?“ —она всегда ему отвѣчала:— чтобы чувствовать твое дыханье на лицѣ, въ немъ вѣетъ ка-

кая-то добрая ласка. Да и кромѣ того, въ твоихъ глазахъ болѣе нѣжности, когда ты смотришь внизъ и когда твое лице наклоняется, вѣдь я художникъ! Тебя немножко портитъ наклонъ лба назадъ, а въ наклоненномъ положеніи головы этого невидно и тогда еще больше благородства въ лицѣ твоемъ.

Бывало часа три не видѣлись всего, а Демьяновъ не наговорится; ей все, все разсказываетъ: гдѣ былъ, что говорилъ, что дѣлалъ. И разбираютъ они вмѣстѣ, что хорошо, что худо, и онъ такъ прекрасно судитъ, такъ хорошо чувствуетъ, и до мелкихъ подробностей, не конфузясь, ей о себѣ разсказываетъ хорошее и дурное, вѣчно прибавляя: „о, вы у меня славная; вамъ все, все позволено, радость моя!“

Боже мой, какъ она гордилась этимъ словомъ *радость!* онъ увѣрялъ, что онъ его никогда никому не говорилъ. Она же ему во всемъ безгранично вѣрила: такъ безхитростенъ и сердеченъ онъ ей казался.

Когда онъ уходилъ, она провожала его въ самую переднюю, отсылала горничную и непремѣнно сама подавала ему шинель, набрасывала ее на плечи и заботливо закутывала его, и потомъ, гордо полюбовавшись имъ, отпускала его вздохомъ счастія.

Сначала это его конфузило, потомъ онъ привыкъ и ужъ не бралъ у ней шинели изъ рукъ, а даже шутя и повелительно говорилъ: „ну, чтожъ!“

Надежда Ивановна ему растолковала, что она хочетъ сама ему служить, что никому не позволитъ, что это ея счастье и гордость.

Скоро ихъ общіе друзья безъ всякихъ поясненій поняли, что крѣпко и свѣтло они другъ друга любятъ; Демьяновъ

получилъ отъ этого огромную цѣну въ ихъ глазахъ, они его какъ будто больше полюбили, вообще взглянули на него съ большимъ довѣріемъ, даже стали признавать за нимъ нѣкоторый авторитетъ. Къ Надеждѣ Ивановнѣ они всѣ стали относиться еще съ большимъ уваженьемъ и съ глубокой нѣжностью.

Составился нѣмой заговоръ, помогать, выручать, ограждать Демьянова и *милаго автора* отъ сплетень городскихъ, злословія и отъ выслѣживанья, догадокъ и преслѣдованья родныхъ Демьянова.

Нѣтъ надобности пояснять, какъ ревниво берегли его въ семействѣ, отъ всякаго серьезнаго чувства, какъ этого серьезнаго чувства боялись, и какъ особенно боялись, чтобы выборъ его не палъ на Надежду Ивановну.

О томъ, что онъ довольно часто у ней бываетъ, они слышали, но вѣдь всѣ его товарищи тамъ часто бывали, могли и они его туда затягивать. Объ умѣ Надежды Ивановны тоже была составлена колосальная репутація: этого ума боялись. Боялись тоже ея независимости, но надѣялись, что Демьяновъ такъ вѣтренъ, такъ мало развитъ и такъ скучаетъ всѣмъ серьезнымъ, что если и понравится ему она, то скоро надоѣстъ, и именно потому, что она слишкомъ умна и серьезна.

Однако все же надо было къ ней поближе приглядѣться. Сначала съ ней познакомились его сестры, потомъ мать, не смотря на то, что слыла за гордую барыню, очень любезно пригласила ее раза три.

Поставленные лицомъ къ лицу въ этомъ домѣ, Демьяновъ и Надежда Ивановна съ успѣхомъ выдержали осмотръ и ни въ чемъ себѣ не измѣнили. Надежда Ивановна должна была сознать, что даже Демьяновъ гораздо ловче держалъ себя,

нежели она, никакой натяжки, она восхищалась этимъ и не задалась ни разу вопросомъ—что это, сила воли, или способность обманывать!..

Родные Демьянова поуспокоились, что однако не мѣшало дядюшкѣ не упускать случая въ присутствіи его разбирать по косточкамъ Надежду Ивановну и говорить про нея ужасы, съ прибавленіемъ неизбѣжнаго и всеоправдывающаго слова—*говорятъ*.

Такимъ образомъ, она часто бывала предметомъ разговоровъ за пышнымъ столомъ, въ присутствіи многочисленныхъ гостей; многое говорилось про нее, но отважнѣе и грязнѣе всѣхъ клеветъ сочинялась про нее клевета за этимъ столомъ дядюшкой Демьянова, имѣвшимъ претензію на остроуміе и хуже смерти боявшемся серьезнаго чувства для Демьянова, да статскимъ совѣтникомъ Куклавинымъ, присланнымъ туда изъ Петербурга на довольно видное мѣсто.

Господинъ Куклавинъ, заявившій себя въ домѣ Демьяновыхъ въ качествѣ искателя невѣстъ, на первый взглядъ ничѣмъ не поражалъ, кромѣ страннаго выраженія на лоснящемся челѣ, которое легко можно было перевесть словами—„я сегодня имянинникъ!“ Эта фраза такъ ярко вычитывалась во всей его праздничной физіономіи и во всей фигурѣ, выкатывавшей несоразмѣрно, для пущаго достоинства, грудь впередъ, что невольно хотѣлось ему сказать—позвольте васъ поздравить! Но такъ какъ господинъ Куклавинъ сохранялъ всякій день такое же выраженье и такую же фигуру, а именинникомъ всякій день быть невозможно, то никто и не поздравлялъ его.

Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ эту осанку прежде или принялъ ее съ производства своего въ статскіе совѣтники, когда

вообразилъ себя не шутя генераломъ, по крайней мѣрѣ близкимъ къ генералу, хотя и статскому, для чего и изучилъ генеральскую осанку. Онъ носилъ крестъ на шеѣ, прилизывалъ свой жиденькій хохолокъ, полуоткрывалъ ротъ для показыванья вычищенныхъ до бѣла зубовъ, и надѣвалъ свою высокою шляпу отчаянно, какъ выражаются иные, *на бекрень*. Было видно, что ему лѣтъ пятьдесятъ, но что онъ хорошо сохранился, за что одинъ изъ друзей Демьянова прозвалъ его *консервой*, а Демьяновъ постоянно увѣрялъ, что въ немъ очень удачно слита важность офиціанта съ осанкой биліардnаго героя. Демьяновъ чувствовалъ къ Куклавину антипатію, доходящую до болѣзненной раздражительности, и чѣмъ любезнѣе принимали въ его домѣ Куклавина, тѣмъ болѣе холоднаго пренебреженья выказывалъ ему Демьяновъ. Но Куклавинъ ничѣмъ не смущался; у него была цѣль, а онъ привыкъ все глотать, лишь бы дойти до своей цѣли, вотъ отчего онъ почти съ Чичиковской любезностью относился всегда къ Демьянову и вообще оказывалъ способность вести себя передъ нимъ какъ велъ себя Чичиковъ передъ Бетрищевымъ. Онъ даже, не зная иногда, какъ завязать разговоръ, предлагалъ Демьянову партійку *въ палки*, и такъ какъ въ числѣ способовъ нравиться начальству, Куклавинъ, искусный игрокъ, употреблялъ иногда способъ ловко проигрывать *нарочно*, то онъ и съ Демьяновымъ прибѣгалъ къ этому способу, лишь бы понравиться ему хоть чѣмъ нибудь. Демьяновъ, не имѣвшій почти никакого понятія о карточной игрѣ, не понималъ этого, и тѣшился какъ ребенокъ своими выигрышами, а Куклавинъ достигалъ хоть того, что Демьяновъ переносилъ его присутствіе съ меньшей гримасой. У Куклавина была одна цѣль — жениться на одной изъ сестеръ Демьянова. Онъ зналъ

петербургскую чиновничью жизнь вдоль и поперекъ, и зналъ, что въ нѣкоторыхъ чинахъ необходимо почти быть женатымъ. Посредствомъ жены можно иногда сойтись съ семействомъ начальствующаго лица, стать на степень домашняго человѣка, и тогда служба службой, а дружба дружбой, очень можетъ пойти все легко и хорошо, и въ особенности есть возможность узнать *норовъ обожаемаго начальника.* Для этой цѣли всего больше годилась меньшая Демьянова, семнадцатилѣтняя недоучившаяся институтка, черноглазенькая, но съ чрезвычайно красивымъ и въ особенности оригинально красивымъ лицомъ.

Сначала онъ было подумалъ о старшей, дѣвушкѣ, лѣтъ 23, некрасивой, но умной; пожалуй, это было бы и лучше, но капиталу, капиталу требовалось, а въ свѣтѣ говорили, что у Демьяновыхъ приданаго по пятидесяти тысячъ, а пріучены они жить на четыреста. Если бы можно было завести въ Петербургѣ une maison montée, зажить открыто, принимать у себя и перезнакомиться со всѣми, раздобыть этимъ способомъ для себя связей, тогда бы даже лучше была старшая. Но этого нельзя безъ капитала, такъ нуженъ личный интересъ, нужно, чтобы жену его замѣчали, и его замѣчали по женѣ; вотъ, напримѣръ, такая оригинальная и въ пользу ея предупреждающая физіономія, какъ у Лидіи; къ тому же она молода, можно сейчасъ попросить для нея покровительства у супруги начальника и... проникнетъ Куклавинъ въ домашнюю жизнь, да кромѣ того, ей, какъ молоденькой женщинѣ, прилично быть искательной и прикидываться простодушнымъ до неловкости ребенкомъ... Все это можетъ вывезть, очень... Да и наконецъ, какъ знать... но о дальнѣйшихъ

надеждахъ своихъ онъ самъ себѣ не рѣшался даже мысленно говорить.

Куклавинъ былъ побочный сынъ Кукленьева, того самаго Кукленьева, который съѣлъ и проигралъ нѣсколько состояній, съ юнкерскаго чина утопалъ въ развратѣ, увезъ чужую жену, именно мать Куклавина, имѣлъ съ нею полдюжину дѣтей, которымъ, благодаря связямъ этой несчастной женщины, успѣлъ дать хоть имя Куклавиныхъ, и рядомъ съ этими дѣтьми имѣлъ еще такихъ же незаконныхъ дѣтей, только носившихъ фамилію Фадѣевыхъ, Васильевыхъ, Петровыхъ; наконецъ похоронилъ эту чужую жену, внесъ отчаянье не въ одно семейство, тысячу разъ опозорилъ себя самыми гадкими поступками, по картамъ бывалъ въ страшныхъ передѣлкахъ и, наконецъ, спасаясь отъ голодной смерти, подъ старость лѣтъ женился на помѣщицѣ, имѣвшей изрядную деревушку. Молодая Кукленьева была не дурна собой; какой нибудь годъ и два она наряжалась, ѣздила въ свѣтъ, но тутъ у ней родился первый ребенокъ, а вслѣдъ за этимъ она узнала, что мужъ ея хотя и женился, но не угомонился. Съ горечью она бросила всѣ свои наряды и заперлась въ деревнѣ, гдѣ вся отдалась съ печальной горячностью хозяйству, загрубѣла и какъ будто отупѣла.

Внутренно всѣ презирали Кукленьева, разумѣя его, какъ человѣка, съ самой дурной стороны; но по родству допускали его въ весьма хорошіе дома. Онъ умѣлъ говорить красно и сердечно, читалъ много и многое позаимствовалъ изъ общества талантливыхъ людей, съ которыми любилъ и имѣлъ случай водиться большую часть своей жизни.

Сынъ его Куклавинъ, Александръ Ильичъ, по выраженью Кукленьева, удался. Росъ онъ при отцѣ и вмѣстѣ съ нимъ

хаживалъ иногда въ гости къ аристократическимъ родственникамъ, которые допускали его играть съ своими дѣтьми. Онъ игралъ съ ними, но даже будучи ребенкомъ, *не забывался*, что очень нравилось и родителямъ и дѣтямъ, хотя, можетъ быть, и не съ одинаковой точки зрѣнія. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ, гдѣ продолжалъ туже точно систему обращенья, и этимъ держался въ кругу сынковъ значительныхъ людей.

Онъ узналъ рано, почему его папенька Кукленьевъ, а онъ только Куклавинъ, но это его нисколько не сконфузило; напротивъ того, онъ съ какой-то гордостью называлъ Кукленьева папенькой, и громко сознавался, что вѣдь Кукленьевъ могъ бы и не признавать его своимъ сыномъ. Другой братъ Куклавинъ, Павелъ, былъ совсѣмъ не то, за то и не вышелъ въ люди; онъ былъ угнетенъ своими отношеньями и къ обществу и отцу, имени котораго онъ не носилъ, былъ подавленъ тѣмъ именемъ, которое ему дали, и которое ярко звучало своей незаконностью: онъ съежился, ушелъ отъ общества, ушелъ въ самаго себя, и остался прозябать въ невидныхъ чинахъ донынѣ.

Но Александръ Ильичъ пошелъ по торной дорожкѣ. Кончивъ курсъ въ университетѣ, онъ вступилъ на службу, гдѣ ловко умѣлъ становиться въ положеніе домашняго человѣка у начальства; въ особенности же онъ старался знакомиться съ тѣми камеліями, которымъ покровительствовало его насальство или на которыхъ раззорялись его бывшіе университетскіе товарищи, а нынѣ великолѣпные гандены, и относился къ этимъ госпожамъ съ такой почтительностью, которая была бы на своемъ мѣстѣ у гордой герцогини, за что всѣ эти госпожи его очень любили; изрѣдка онъ совершалъ имъ

приношенія рѣдкихъ цвѣтовъ, канареекъ, попугаевъ, собачекъ, всегда охотно исполнялъ ихъ порученія, вообще дѣлался имъ пригоднымъ, и подвигался, и подвигался онъ все впередъ по службѣ, подъ ихъ благоволеньемъ и замолвленнымъ отъ нихъ словечкомъ.

Но что было хорошо въ юности и мелкихъ чинахъ, то начинало нѣсколько стѣснять Куклавина, вошедшаго въ лѣта и въ чины. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга поправить фортуну доходнымъ мѣстечкомъ, но оставаться въ провинціи не хотѣлъ, за то хотѣлъ перемѣнить свое положеніе къ возврату въ Петербургъ, для чего положилъ жениться.

Домъ Демьяновыхъ былъ на виду, онъ рѣшился искать въ домѣ Демьяновыхъ; Демьяновъ самъ служилъ въ Петербургѣ въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ полковъ гвардіи, могъ быть со временемъ флигель-адъютантомъ, слылъ богачемъ; признавался всѣми за порядочнаго человѣка и былъ замѣтенъ своей красотой. Тутъ, можетъ быть, можно будетъ зацѣпиться и за аристократію!.. Мы знаемъ уже, что для плановъ и цѣлей Куклавина ему всего болѣе приходилась меньшая Демьянова, Лидія. Съ ловкостью бывалаго человѣка онъ понялъ легко, что идоломъ матери была старшая дочь, Нина Сергѣевна, и онъ сталъ удивляться, поклоняться уму Нины Сергѣевны, разжегъ ея самолюбіе и пріобрѣлъ въ ней союзника. Затѣмъ онъ повелъ свою аттаку на самую Марью Петровну; не жалѣлъ ониміама ничему: отъ бантика, приколотаго къ ея чепцу, до повара. Ухаживалъ за дядюшкой, кормилъ конфектами тетушку.

Былъ въ домѣ Демьяновыхъ еще одинъ родственникъ, графъ Дюссеръ; къ этому человѣку поддѣлаться Куклавинъ никакъ не могъ: онъ только мычалъ, грубо отворачивался и

мѣшалъ угли въ каминѣ всякій разъ, какъ Куклавинъ пытался съ нимъ заговорить.

У Куклавина тоже были родственники, со стороны его отца, въ этомъ городѣ, и эти родственники разсказывали Марьѣ Петровнѣ, что Саша (они пятидесятилѣтняго Куклавина величали Сашей) удивительно идетъ по службѣ и теперь уже *смотритъ въ министры*. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ Куклавинъ смотрѣлъ въ министры, то-есть всю жизнь свою его предназначеньемъ было съ чина статскаго совѣтника смотрѣть въ министры, но только смотрѣть; и то, что онъ смотритъ въ министры, было растолковано молоденькой Лидіи Сергѣевнѣ.

Въ этомъ семнадцатилѣтнемъ существѣ никогда не было сердца, а въ домѣ и въ институтѣ она пріучилась давно уважать чины, мѣста, карманы, имена; она понимала все значеніе жениха, партіи, а до человѣка ей не было дѣла. Ей всѣ говорили, что она будетъ имѣть большой успѣхъ въ Петербургѣ, что у нея красота оригинальная, что тамъ такой черноты волосъ и глазъ не видали. Тщеславная, самолюбивая, сухая сердцемъ, алчная и полная развивающагося кокетства, она безъ содроганья рѣшилась принять предложеніе Куклавина. Ни его пятьдесятъ лѣтъ, ни его карикатурный видъ ее не смутили; ей даже нравился въ то время одинъ молодой человѣкъ, и знала она, что сама нравится многимъ — но если Куклавинъ *смотрѣлъ въ министры*!!! Вѣдь, этакъ, года черезъ два, черезъ три, ей будетъ всего двадцать лѣтъ — и она будетъ *министерша!*

Ее представятъ ко Двору; братъ еще прежде введетъ къ ней въ домъ товарищей своихъ, блистательныхъ гвардейцевъ, флигель-адъютантовъ; она будетъ бывать на балахъ у всѣхъ

посланниковъ, вся аристократія будетъ ее знать; она раньше всѣхъ своихъ сестеръ выходитъ за-мужъ и дѣлаетъ партію, которой онѣ, быть можетъ, позавидуютъ.

Въ головѣ семнадцатилѣтней тщеславной институтки, ступени отъ теперешняго мѣста, занимаемаго Куклавинымъ, до министра, пробѣгались съ волшебной быстротой. Много, много соблазнительнаго грезилось ея пустой и эгоистической натурѣ въ готовящейся ей жизни петербургской, и когда Марья Петровна рѣшилась, съ нѣкоторыми приготовленіями, передать Лидочкѣ предложеніе Куклавина, Лидочка не шутя стала увѣрять свою мамашу, что она давно уже *влюблена страстно* въ Куклавина.

Всѣ немного удивились такому сознанію, даже сама мать; но Лидія Сергѣевна принялась такъ серьезно за роль влюбленной въ жениха невѣсты, что пришлось ей повѣрить: только положено было Демьянову ничего не говорить, подождать его отъѣзда, кстати срокъ отпуска приходилъ къ концу; онъ же не скрывалъ своей антипатіи къ Куклавину, и если пойдетъ на упрямство, то съ приданымъ и со всей обстановкой свадьбы выйдетъ плохо. — Демьяновъ былъ громадно упрямъ, — упрямъ съ тою слѣпотою и съ тѣмъ ожесточеніемъ, до которыхъ можетъ дойдти въ своемъ упрямствѣ только слабый характеръ.

Но Демьянову было не до того: онъ не могъ себѣ представить, какъ это онъ уѣдетъ въ Петербургъ и не будетъ видѣть Надежду Ивановну; ему сказалась вся пустота и грязь его жизни теперь, когда дни и часы его проходили не въ попойкахъ и не въ любовныхъ грязныхъ похожденіяхъ; теперь онъ слушалъ и наслушаться не могъ, говорилъ и наговориться не могъ. Откуда въ немъ бралось все такое хо-

рошее, благородное, гордое и доброе! Получалъ ли онъ письма, — онъ не вскрывалъ безъ нея; спрашивались приказаній, не отдавалъ, не переговоривъ съ ней; разсказывалъ ей все про себя, безъ лжи и утайки, и чтобы имѣть наслажденье разсказывать о себѣ только хорошее, онъ дѣлалъ много хорошаго и вообще сталъ обсуждать всѣ свои дѣйствія. Она была не только любовью его жизни — она сдѣлалась его совѣстью. Какъ же будетъ онъ безъ нея, вдали отъ нея, и опять въ эту грязь!.. Можно иногда изрѣдка, но зачѣмъ всегда — выходитъ потомъ все такъ глупо, нехорошо и вѣрить никому нельзя: ей одной онъ вѣрилъ!..

И сталъ умолять Демьяновъ Надежду Ивановну, чтобы она тоже ѣхала въ Петербургъ, твердилъ, что жить безъ нея не можетъ.

— Правда ли это? думала она, слушая его: — вотъ, что я не могу жить безъ него, покуда онъ меня любитъ, это правда. Долго ли будетъ любить, быть можетъ очень недолго, но когда перестанетъ, Богъ сжалится, можетъ быть, надо мной, и я умру. Во всякомъ случаѣ, при первомъ его охлажденіи я уѣду. Куда? Сюда не будетъ уже возврата, мнѣ стоитъ только уѣхать въ одно время съ нимъ, чтобы очнулись его родные и разорвали на части мое доброе имя, закидали бы грязью самую память обо мнѣ... Мать, сестры, всѣ вы, мои милые родные, и ваши интересы, для которыхъ я жила десять лѣтъ, и моя забота о васъ, и цѣль моей жизни, — прощайте! Не будетъ моего больше возврата къ вамъ. А впрочемъ, я почти выполнила все: десять лѣтъ была съ ними и за нихъ; теперь тамъ, въ Петербургѣ, выиграю тяжебное дѣло, надобно закончить его, отправить имъ всѣ деньги. Да, съ матеріальной стороны они не будутъ страдать отъ

моего отсутствія, а чувства... чувства можно сначала утѣшать обѣщаньями, потомъ время затянетъ память, а тамъ — утѣшатся забудутъ...

Все это грустно думала Надежда Ивановна, пока Демьяновъ, сильно обнявъ ее, съ крупно струившимися по чернымъ усамъ медленными и рѣдкими слезами, какимъ-то крѣпкимъ полушотомъ доказывалъ ей невозможность разлуки и говорилъ: — ты вѣдь не дашь мнѣ одному уѣхать, не бросишь меня одного! О ты, моя жизнь, моя радость, не могу я жить безъ тебя! Не думалъ я никогда жениться, а теперь мнѣ хочется, чтобы ты была моей женою, только для того, чтобы взять тебя, увезти, чтобы ты и права никакого не имѣла не ѣхать! Говори же мнѣ: хочешь, обѣщаешь ли, будешь ли моей женой!..

Надежда Ивановна содрогнулась, отодвинулась и невольно воскликнула: — никогда!

Демьяновъ быстро отеръ глаза и вскочилъ съ своего мѣста.

— Прекрасно; такъ-то вы меня любите! заговорилъ онъ съ негодованіемъ. — Тебѣ ничего — разстаться, не видаться никогда, никогда; посовѣтуешь забыть другъ друга, — не правда ли?

— Ахъ, Миша, меня не оскорбляй! произнесла чуть слышно Надежда Ивановна и поблѣднѣла какъ полотно.

Но Демьяновъ продолжалъ говорить злыя, капризныя и ѣдкія фразы, а она слушала ихъ долго блѣдная, сдержанная, тоскливо прислушиваясь подъ звукъ его, полнаго дѣтскаго гнѣва, голоса къ внутреннему своему голосу.

И шли передъ ней всѣ прожитые ею дни, всѣ передуманныя мысли, всѣ перечувствованныя чувства, всѣ принесенныя ею жертвы; и гордость ея, и правила, и укоренившаяся въ

ней мысль, что назначеніе ея быть полезной каждому, кто столкнется съ нею въ жизни, а счастья не просить, не требовать, не искать! Да, вспомнилось ей, что только и было у ней радости до сихъ поръ, что ласки Демьянова — и жаль ей было огорчать его долѣе...

— Что-жъ мнѣ жалѣть себя для него! рѣшила она, — а тамъ будь, что будетъ...

Надежда Ивановна принудила себя улыбнуться и взяла его за руку.

Въ это время входилъ ихъ общій и искренній другъ — Петръ Ивановичъ Силуяновъ, любившій Демьянова съ самой университетской скамейки до обожанія и вѣровавшій, что Демьяновъ безконечно сердеченъ и добръ, даже влюбившійся въ его сестру, Лидію Сергѣевну, за то, что она, чернотой своихъ волосъ и смуглостью кожи, была похожа, какимъ-то обманчивымъ сходствомъ, на своего брата.

Силуяновъ слышалъ входя, какъ Надежда Ивановна говорила Демьянову:

— Женой твоей никогда не буду, не хочу: съѣдятъ меня, оторвутъ тебя рано или поздно, научатъ тебя меня ненавидѣть!... но я поѣду, непремѣнно поѣду въ Петербургъ; я именно тебѣ хотѣла сказать, что я поѣду, что это для меня нужно...

Демьяновъ прильнулъ къ ея рукѣ губами.

— Петръ Ивановичъ, обратилась къ входящему Силуянову Надежда Ивановна, — объясните ему, что я не для него ѣду, что мнѣ о тяжебномъ дѣлѣ пишутъ: надо быть тамъ; что я еще вчера вамъ говорила и денегъ просила 300 руб. взаймы, что у меня трехсотъ рублей не хватало, когда мы съ вами считали...

Она говорила все это весело и спокойно, вдругъ овладѣла собой, выразительно глядѣла на Силуянова, который растроганнымъ взглядомъ слѣдилъ за нею, какъ будто хотѣлъ сказать; „ахъ ты душенька, душенька, гордая и любящая!..“

Для Силуянова Надежда Ивановна всегда была совершенство нравственное и сила, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ зналъ, что она любитъ Демьянова, она стала ему вдвое дороже.

— Да, поддержалъ онъ,—вы у меня спросили, могу ли я дать вамъ взаймы триста рублей, если понадобятся; вотъ, я принесъ ихъ!—И Силуяновъ досталъ свой бумажникъ.

— Что-жъ это значитъ, воскликнулъ обиженнымъ тономъ Демьяновъ,—отчего вы это у него берете?

— Оттого, что я у него *одного* только всегда беру, и больше ни у кого. Это мой постоянный кредиторъ; все равно, редакція мнѣ должна: пріѣду, получу и вышлю, отвѣчала Надежда Ивановна серьезно.—И такъ, Мишель, продолжала она,—я вотъ вамъ при Петрѣ Ивановичѣ говорю:—вы мнѣ ничѣмъ не обязаны; я ѣду не для васъ, я ѣду по дѣламъ семейства; будемъ видѣться и тамъ, какъ здѣсь видѣлись, покуда это будетъ для васъ пріятно. Дѣла мои будутъ окончены и когда я вамъ надоѣмъ—я уѣду! Только я васъ прошу: не обманывайте меня, поберегите мою гордость, не давайте мнѣ догадываться, что я надоѣла, а такъ лучше придите, да прямо и скажите мнѣ. — Такъ, Силуяновъ, не правда ли?

У Силуянова сдавило въ горлѣ и потому онъ ничего не отвѣчалъ.

Демьяновъ слушалъ и ничего не понималъ кромѣ того, что Надежда Ивановна ѣдетъ въ Петербургъ,—больше ему ничего и не нужно было въ эту минуту.

Демьяновъ уѣхалъ тотчасъ отъ нея куда-то счастливый и довольный совершенно.

— Зачѣмъ вы все это дѣлаете? спросилъ ее оправившійся отъ волненья Силуяновъ, когда они остались вдвоемъ.—Зачѣмъ вы хотите, чтобы онъ не зналъ, что вы для него дѣлаете и чѣмъ онъ вамъ обязанъ?.. Я люблю его, вотъ какъ люблю! и онъ хорошій, сердце у него милое, только лучше, чтобы онъ зналъ все, всю правду. Для него нехорошо, что вы всякую ношу снимаете съ его плечъ, ужъ я чувствую, что это по его характеру нехорошо. Онъ выучится васъ не беречь, а когда разлюбитъ, такъ и оскорблять будетъ: онъ вѣтренъ и все же немножко эгоистъ,—вы сами это знаете. За что же вы, бѣдненькая, должны всю жизнь терпѣть?

Надежда Ивановна его остановила.

— Я ничего отъ него не хочу, ничего, Петръ Ивановичъ: слышите, понимаете ли вы меня? проговорила она шопотомъ и крѣпко стиснула руку Силуянова.

— А если... и Петръ Ивановичъ заикнулся—а если онъ не оцѣнитъ васъ, замотается опять въ Петербургѣ, ну... ну и... разлюбитъ, напримѣръ?

— Уѣду за границу въ какой нибудь нѣмецкой городокъ.

— Значитъ не сюда?

— Не сюда.

— И этакъ мы васъ никогда не увидимъ? И какже это вы одне безъ друзей, родныхъ, безъ участія и ласки будете?.. допрашивалъ Силуяновъ.

— Въ гробу вѣдь лежать одиноко, люди вѣдь тогда не нужны!

— Такъ! И Силуяновъ поникъ головой: его честному сердцу стало до нестерпимости грустно.

— Петръ Ивановичъ, я имѣю право оттого-то и поѣхать за нимъ и для него, что я его не свяжу никогда собой матеріально — сказала спокойно размышляя, Надежда Ивановна; — цѣль матеріальная, это худшая изъ цѣпей, не для того, который связанъ, а по моему характеру для того, который поневолѣ собой связываетъ. Я свободна съ этой стороны: меня прокормитъ мой литературный трудъ и въ Петербургѣ, и въ нѣмецкомъ городкѣ. Зачѣмъ же мнѣ связывать его благодарностью и обязывать его какой нибудь жертвой?.. Если есть съ моей стороны жертва—онъ ее не увидитъ. Ничего я не хочу отъ него, кромѣ любви, кромѣ вѣры, что и не было, да и не будетъ у него другаго сердца такого. И если любовь пройдетъ, авось вѣра останется... Разлюбитъ—уйду въ нѣмецкой городокъ, а душа моя все будетъ при немъ. Будетъ несчастливъ, станетъ дурнымъ человѣкомъ — буду хуже мучиться, хуже страдать, чѣмъ отъ его измѣны. Такъ вотъ всю жизнь онъ и взялъ у меня!... Голосъ ея зазвучалъ глубокой грустью.

— Грѣхъ, грѣхъ ему будетъ, если онъ не пойметъ васъ — прервалъ ее Силуяновъ. Когда же вы ѣдете?..

— Сначала поѣду къ роднымъ, проститься и объяснить имъ свою поѣздку какъ слѣдуетъ, знаете этимъ тяжебнымъ дѣломъ...

Она дѣйствительно уѣхала въ Крымъ, а Демьяновъ поѣхалъ по своимъ помѣстьямъ, чтобы не тосковать о ней.

Съ нимъ поѣхалъ Глоковъ, бѣлокурый и болѣзненный юноша, влюбленный въ меньшую сестру Надежды Ивановны, печально и неудачно скрывавшій свою неудачную любовь и во-

сторженно прозвавшій Демьянова Ainsi soit-il, за его догадливость и рѣшительность приговоровъ при недоговоренныхъ словахъ и тонкихъ намекахъ. Съ нимъ также поѣхалъ Ридель, прелестный, черноволосый, высокій молодой человѣкъ, сгаравшій страстью къ одной изъ пріятельницъ Надежды Ивановны, счастливый ея хотя неполною взаимностью.

Они любили, уважали, восторгались Надеждой Ивановной, а подъ прикрытіемъ ихъ писемъ Демьяновъ могъ писать къ ней безпрестанно, не возбуждая ни подозрѣній, ни выслѣживаній со стороны своихъ домашнихъ.

Положено было не видѣться два мѣсяца, и сначала все шло хорошо. Но вотъ письма и эстафеты (тогда еще не вездѣ были телеграфы), эстафеты и письма пошли чаще и чаще. Демьяновъ требовалъ ея возврата, Демьяновъ боялся, что ея родные отговорятъ ее ѣхать, что она сама раздумаетъ, впадетъ въ нерѣшимость; онъ замучился и заболѣлъ не на шутку. Лихорадочное состояніе, упадокъ силъ приковали его къ постелѣ. Докторъ его закармливалъ хиной и терялся отъ своей неудачи.

Силуяновъ, Глоковъ и Риделѣ, да еще четвертый такой же надежный другъ обоихъ, сослуживецъ по арміи Демьянову, Гранилевичъ, писали безпрестанно Надеждѣ Ивановнѣ, хоромъ требуя ея возврата и описывая ей состоянье Демьянова. Она испугалась, все оставила, и съ первымъ пароходомъ возвратилась; Демьяновъ такъ былъ слабъ, что не могъ встрѣтить ее на пристани, но ждалъ въ ея квартирѣ и послалъ ей на встрѣчу нѣсколько безумно-радостныхъ строкъ съ Силуяновымъ и Гранилевичемъ, которые поѣхали ее встрѣчать и проводить до дому.

Него описывать ихъ встрѣчи.—На другой же день Демья-

новъ былъ совершенно здоровъ и докторъ больше прежняго убѣдился въ томъ, что у него была потайная, упорнаго свойства лихорадка. Но съ этой минуты Демьяновъ и слышать не хотѣлъ, чтобы Надежда Ивановна ѣхала, какъ было сначала положено, только черезъ два мѣсяца послѣ него. Онъ ничему не вѣрилъ и ничего знать не хотѣлъ; онъ требовалъ, чтобы она выѣхала раньше его, чтобы онъ могъ убѣдиться, что она не осталась, и могъ убѣдиться, что она пріѣхала, догнавъ ее потомъ въ Москвѣ: внѣ этого условія для него не было скокойствія; онъ говорилъ, что заболѣетъ, что умретъ, да и видя его безпокойство, всѣ чувствовали, что онъ говоритъ правду.

Надежда Ивановна на все согласилась, хотя знала, что ея отъѣздъ, почти одновременный съ отъѣздомъ Демьянова, откроетъ вдругъ глаза его роднымъ, и что имя ея будетъ растерзано прежде, нежели она доѣдетъ до Петербурга.

— Будь, что будетъ!.. повторила она себѣ съ грустью, и рѣшилась все сдѣлать такъ, какъ требовалъ отъ нея Демьяновъ. Отреченье ея отъ всякой заботы о себѣ самой было самое полное.

Демьяновъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню за недѣлю до ея отъѣзда. Силуяновъ, Ридель, Гранилевичъ и Глоковъ обѣдали у ней въ самый день ея отъѣзда и поѣхали провожать ее за заставу. Отъѣхавъ версту за заставу, они подошли съ ней проститься: она крѣпко обняла каждаго по товарищески и просила написать, какъ будутъ теперь терзать ее. Она говорила ровно и спокойно, въ глазахъ ея было неизмѣримое море грусти, но ни одной слезы: блѣдна только была она. Ни радости, ни торжества, ни раскаянья, ни пренебреженья не было въ ней, а было тяжелое спокойствіе человѣка, сознаю-

щаго, что онъ кончаетъ съ прошлымъ своимъ и отрекается отъ самого себя, чтобы идти въ безвѣстную даль, съ обязательствомъ все идти впередъ, съ невозможностью возвратиться назадъ. Карета ея поѣхала въ гору, лошадь упала, она выскочила изъ кареты и оглянулась, оглянулись и на нее молодые люди: они ей махнули шляпами и фуражками и скрылись. Она сѣла въ карету и стала молиться, горничная машинально поцѣловала у ней руку и тоже перекрестилась. Чудныя звѣзды зажглись сначала, но потомъ къ полуночи надвинулись тучи, разразился громъ и поднялась одна изъ страшныхъ южныхъ грозъ, которыя извѣстны на югѣ подъ именемъ воробьиной ночи; только ей не было страшно, ей было все равно и тутъ она также все думала: будь, что будетъ!

Случилось такъ, какъ она предвидѣла. Отъѣздъ ея былъ замѣченъ первымъ Куклавинымъ и выведено было сближеніе съ послѣдовавшимъ за тѣмъ отъѣздомъ Демьянова. Куклавинъ ненавидѣлъ ее, воображая, что антипатія Демьянова имѣла свои причины въ инстинктивномъ презрѣніи, которое къ нему почувствовала съ перваго взгляда Надежда Ивановна и которое даже имѣла неосторожность выразить громко. Куклавинъ лучше многихъ зналъ любовь Демьянова къ Надеждѣ Ивановнѣ. Привыкнувъ темными путями узнавать все и до всего доходить, Куклавинъ вошелъ въ дружбу съ камердинеромъ Демьянова, чрезвычайно ловкимъ и смѣлымъ плутомъ, и кромѣ того ставилъ караульщиковъ въ переулкѣ. Демьяновъ самъ говорилъ, что видѣлъ тѣни и слышалъ шорохъ вдоль стѣны, когда поздно возвращался, бывало, отъ Надежды Ивановны пѣшкомъ, и съ тѣхъ поръ сталъ непремѣнно выходить со двора, какъ съ кастетомъ, который носилъ въ карманѣ своей военной шинели.

Кастетъ этотъ ему подарилъ графъ Дюссеръ, проворчавъ: — ходишь одинъ, возвращаешься поздно, не мое дѣло, возьми!..

Надежда Ивановна любила Дюссера за этотъ кастетъ. Демьяновъ любилъ Дюссера за то, что всякій разъ, какъ Надежду Ивановну у нихъ въ домѣ и нарочно при немъ, испытуя его, разбирали по косточкамъ; Дюссеръ, ворочая уголья, отзывался: чудная она дѣвушка, и плечи у ней чудесныя, и руки славныя!.. Это былъ единственный голосъ за нее во всемъ домѣ.

Что же говорилось теперь тамъ—легко можно себѣ представить, а главная тема была та, что вѣдь вотъ она его опутаетъ, да какъ онъ женится!..

Марьѣ Петровнѣ дѣлалось дурно: кровь приливала къ головѣ, начинался звонъ въ ушахъ, барышни ажитировались, а дядюшка и Куклавинъ всякій день изобрѣтали новую и гнусную, все грязнѣе и грязнѣе, клевету, прибавляя, что почерпнули это происшествіе изъ *ея прошедшаго.*

Силуяновъ и Ридель, которые приглашались въ домъ, въ качествѣ дорогихъ друзей Демьянова, не вынесли и перестали бывать, чтобы не слышать какъ терзали Надежду Ивановну.

Къ Демьянову писались письма, въ которыхъ безъ церемоніи отдѣлывали Надежду Ивановну; наконецъ, зная его слабѣйшую сторону тщеславія, попробовали убить ее въ его глазахъ насмѣшками и загрязнить разсказами изъ исторій, сочиненныхъ Куклавинымъ и дядюшкой.

Нашлась однако одна дама, которая писала Демьянову: „on veut vous prendre par le ridicule“, не поддавайтесь. Любовь такой женщины, какъ Надина, дѣлаетъ честь порядочному человѣку. Всѣ въ ужасѣ, въ особенности дядюшка,

чтобы вы не женились на ней, потому что она одна такая жена, какую вамъ нужно, чтобы разобрать хаосъ вашихъ дѣлъ и ихъ исправить!..“

Надежда Ивановна одна ничего не знала объ этихъ письмахъ; Демьяновъ по прежнему ѣздилъ къ ней и любилъ ее.

Между тѣмъ Куклавинъ женился и почти по пятамъ ихъ пріѣхалъ съ женой. Лидія не предупредивъ брата, прямо съ желѣзной дороги прилетѣла на его квартиру, цѣловала его руки, просила его благословенья, просила любить ея мужа, Александра Ильича, son chér Aléxandre, а между тѣмъ пытливымъ окомъ оглядѣла всю квартиру и убѣдилась, что это холостая квартира изъ двухъ комнатъ, съ передней и комнатой для лакея.

Все это не скрылось отъ Демьянова, пріученнаго къ лукавству и хитростямъ.

Онъ разсказалъ Надеждѣ Ивановнѣ это посѣщеніе и прибавилъ: хотѣлъ было ей подарить что нибудь, да обойдется; чортъ знаетъ за кого вышла!..

Потомъ онъ отдалъ визитъ сестрѣ и больше не ѣздилъ. Ошиблась въ разсчетѣ,—сказалъ онъ Надеждѣ Ивановнѣ:—думала, что я буду возить къ ней и знакомить ее съ моими товарищами. Куда какъ лестно толковать каждому, *что такое* Куклавинъ!.. въ какой кругъ попала, пусть тамъ и сидитъ!..

Такимъ образомъ съ самаго начала установился холодный пренебрежительный тонъ со стороны Демьянова съ Куклавинымъ. Куклавинъ повезъ жену во всѣ дома, гдѣ его изстари принимали *между прочими;* но быть знакомымъ съ Куклавинымъ домомъ, большая разница; многіе вовсе не отдали визита, нѣкоторыя послали мужей, двѣ или три забросили

карточку. Куклавина съ своей хорошенькой наружностью могла бы стать на виду посредствомъ мужскихъ похвалъ; но ту молодежъ, которая бывала въ свѣтѣ и которая могла бы вывести ее изъ тьмы неизвѣстности, одинъ братъ могъ только съ нею познакомить; но братъ не знакомилъ. Глухая злость накипала въ ея сухомъ, тщеславномъ сердцѣ и весь ядъ этой злости падалъ на Надежду Ивановну. Она все еще питала сладкую надежду, что братъ ея скоро, скоро оставитъ *эту ужасную женщину*, она съ наслажденьемъ прислушивалась, когда ей говорили, что братъ кутитъ.

Долго, однако, не могли Куклавины открыть, гдѣ жила Надежда Ивановна и часто ли у ней бываетъ Демьяновъ. На улицѣ ихъ никогда никто не встрѣчалъ вмѣстѣ, общихъ знакомыхъ у нихъ было два дома, куда они никогда не пріѣзжали и откуда не уѣзжали вмѣстѣ; въ театрѣ онъ не сидѣлъ съ ней въ ложѣ; изъ товарищей полковыхъ онъ ей никого не представлялъ, никому объ ней не говорилъ, и разъ только она, встрѣтивъ его на улицѣ въ толпѣ офицеровъ, узнала князя Дольскаго по описанію а еще больше по инстинкту, и невольно проводила взоромъ эту веселую толпу. Демьянова встрѣчали у Надежды Ивановны въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ знакомыхъ ей случайно изъ петербургской молодежи; но обращеніе ихъ было дружественно, безъ малѣйшей короткости, и никакихъ подозрѣній не приходило никому на ихъ счетъ.

Этого только Надежда Ивановна и хотѣла: она радовалась, что Демьяновъ не чувствовалъ себя ни въ чемъ обязаннымъ передъ нею и обществомъ; она берегла свою гордость и его любовь.

Демьяновъ былъ вѣчно безъ денегъ, не смотря на слухи

объ его громадномъ состояніи, брошенные кѣмъ-то по городу и подстрекнувшіе нѣсколько домовъ на ловлю этого жениха, и потому онъ никогда не спрашивалъ Надежду Ивановну объ ея матеріальныхъ средствахъ. Напротивъ того, она угадывала по его озабоченному виду, когда онъ бывалъ безъ денегъ, спрашивала его и заставляла брать у ней взаймы.

— А ты возьмешь у меня? всегда спрашивалъ онъ при этомъ, нерѣшительно, совершая заемъ.

— Непремѣнно, если окажется надобность! Впрочемъ, ты можешь занимать: ты богатъ и всегда можешь быть увѣренъ, что отдашь, а мнѣ этого нельзя, говорила ему въ успокоеніе Надежда Ивановна.

Петербургъ отнималъ много часовъ жизни Демьянова у Надежды Ивановны: полковыя ученья, на которыхъ онъ являлся однимъ изъ первыхъ и уходилъ изъ послѣднихъ, балы большаго свѣта, гдѣ танцовалъ до изнеможенія силъ и, наконецъ, ужины, отъ которыхъ, по словамъ его, не возбуждая подозрѣній, онъ не могъ отказываться послѣ той жизни, которую всѣ за нимъ прежде знали; а на этихъ ужинахъ присутствіе камелій, наглыя ихъ рѣчи, наглыя улыбки, грязныя шутки—все это не только отнимало его самого у Надежды Ивановны, но и обрывало цвѣты поэзіи съ ихъ урывчатыхъ свиданій.

За то у Надежды Ивановны много, много было времени оставаться съ самой собой наединѣ. Она усердно старалась скорѣе покончить съ тяжебнымъ дѣломъ, а мысль о нѣмецкомъ городкѣ все чаще и чаще мелькала въ ея гордой головѣ.

Демьянову она ни слова не говорила и ни въ чемъ не измѣняла своихъ къ нему отношеній: ласкалась еще болѣе, еще нѣжнѣе, слушала съ смѣхомъ его разсказы, хотя жгучая боль по временамъ поднималась въ ея душѣ и не смотря

на то, что объ ужинахъ своихъ съ кокотками онъ всегда разсказывалъ съ презрѣньемъ и омерзѣніемъ—ей непріятнѣе всего были эти ужины. Она это искренно и высказывала, понимая только сама ясно, что онъ былъ ея кумиръ, предметъ ея служенія. и что этотъ предметъ вдругъ переносился изъ свѣтлаго храма ея души въ такое грязное мѣсто; но Демьяновъ такихъ тонкостей чувства не понималъ, а думалъ просто, что она по женски его ревнуетъ, и въ успокоеніе ея разсказывалъ ей все, что тамъ говорилъ, какъ и гдѣ сидѣлъ онъ самъ.

Когда она узнавала, что Дольскій присутствовалъ на ужинѣ, она успокоивалась, зная, что Демьяновъ дорожилъ мнѣніемъ Дольскаго и что въ присутствіи Дольскаго, конечно, *велъ себя съ достоинствомъ — она мирилась съ этимъ ужиномъ*.

Но Дольскій выбылъ изъ полка. Когда Надежда Ивановна объ этомъ узнала, сердце ея сжалось за Демьянова, даже за его любовь къ ней, и она была права. Она понимала все значеніе *среды* для Демьянова. Среда, въ которой онъ жилъ, должна была отразиться на немъ рано или поздно и, хотя она не знала личностей, изъ которыхъ состояла эта среда, но, по многимъ недостаткамъ Демьянова, угадывала ея недостатки, равно какъ угадывала достоинства Дольскаго по нѣкоторымъ рыцарскимъ порывамъ Демьянова.

Также, какъ она понимала вліяніе среды на Демьянова, также точно понимала она и вредъ для любви его къ ней въ томъ, что жизнь ея въ Петербургѣ шла совершенно за рубежемъ его жизни. Тамъ, *въ ихъ городѣ*, они всюду встрѣчались, они принадлежали къ одному обществу, у нихъ были общія удовольствія, общіе знакомые, звуки одного и

того же Iuristen—Walzer вливались имъ въ одно и тоже время въ уши, и если не другъ съ другомъ они танцовали то, по крайней мѣрѣ, видѣли другъ друга несущимися подъ эти звуки въ той же залѣ; тамъ непремѣнно они танцовали на каждомъ балѣ четвертую кадриль, все подъ звуки одного и того же Bijouterie quadrille; тамъ знали они, кого въ какіе часы можно встрѣтить на бульварѣ, тамъ узнавали они другъ друга, ѣздили въ театръ,—тамъ, въ этихъ мелочахъ, равно какъ и въ часахъ ихъ уединенья и скрытой любви, ихъ жизнь сливалась и шла вмѣстѣ.

Нѣтъ, здѣсь было не то. Этого положенья она не сообра, зила и не обдумала! Здѣсь жизнь Демьянова шла такъ, что Надежда Ивановна могла бы и не быть, а для его тщеславной души это удаленіе отъ всего, это самоуничтоженіе, эта безвѣстность любимой имъ женщины не могли не подѣйствовать на него. Когда пріѣзжалъ онъ къ Надеждѣ Ивановнѣ-то былъ по прежнему весь любовь, страсть и ласка, но не забывалъ онъ и не пропускалъ ни одного приглашенья, и даже не засиживался долѣе минуты, въ которую ему слѣдовало ѣхать туда, куда онъ былъ званъ. Когда потомъ онъ разсказывалъ подробности своихъ удовольствій, она старалась думать, что это изъ потребности пріобщить ее къ своему міру—и утѣшалась этимъ. Но чаще и чаще ныло въ ней сердце и больше высказывались передъ ней съ отсутствіемъ Дольскаго въ Демьяновѣ—эгоизмъ и пустота, а легкость, съ которою онъ относился къ нѣкоторымъ ея чувствамъ, доходила иногда до безсознательной жестокости.

Пріѣхалъ въ Петербургъ Ридель измученный своей любовью; Демьяновъ привезъ къ ней Риделя—это была первая ея великая радость въ Петербургѣ. Покуда Ридель оставался въ

Петербургѣ, Демьяновъ всѣ часы свои проводилъ съ Риделемъ у Надежды Ивановны, а съ тѣмъ вмѣстѣ вдругъ его вновь охватилъ приливъ къ ней нѣжности и страсти. Рѣдко оставалась она и Ридель одни: у Демьянова хватило мужества даже отказаться отъ одного бала и вовсе не ѣздить въ это время на ужины—и Надежда Ивановна совсѣмъ ожила. Между прочимъ она однажды съ восторгомъ разсказала Риделю наединѣ, что Демьяновъ съ ней такъ искренен, такъ искренен, что вотъ ужъ по крайней мѣрѣ онъ не солжетъ и никогда не обманетъ, никогда не дойдутъ они до этой пошлой роли двухъ лицъ, живущихъ будто однимъ сердцемъ и обманывающихъ другъ друга. Въ доказательство она ему привела какъ Демьяновъ ей показалъ и разорвалъ при ней записку барышни-камеліи, которая, его звала къ себѣ, и потомъ записку рыжей госпожи, которая проѣздомъ изъ-за-границы въ Москву, звала его повидаться съ нею хоть на желѣзной дорогѣ.

— Что же онъ, поѣхалъ?.. спросилъ Ридель.

— Нѣтъ, къ барынѣ онъ не поѣхалъ, а къ той поѣхалъ, но только для того, чтобы ей сказать, чтобы она его оставила въ покоѣ, потому что онъ *женится*,—отвѣчала она улыбаясь.

Ридель ничего не отвѣчалъ, но подумалъ, что онъ бы не показалъ записокъ, можетъ быть, но ужъ навѣрно ни по одной бы запискѣ не позволилъ себѣ поѣхать, хотя бы и съ благовидной цѣлью.

Когда Ридель уѣзжалъ изъ Петербурга, Надежда Ивановна жестоко плакала; Демьяновъ даже разсердился на нее, обидѣлся и упрекнулъ ее въ излишней нѣжности къ Риделю.

Спустя два мѣсяца пріѣхалъ Силуяновъ. Онъ былъ уже женатъ и привезъ свою жену къ Надеждѣ Ивановнѣ, потому

что въ его глазахъ ничего не было лучше, выше и нравственнѣе Надежды Ивановны. Опять и это произвело приливъ любви въ Демьяновѣ и еще сильнѣе, чѣмъ въ пріѣздъ Риделя.

На смѣну Силуяновымъ пріѣхала та пріятельница Надежды Ивановны, въ которую Ридель былъ влюбленъ. Она видѣлась часто съ Надеждой Ивановной, еще чаще съ Демьяновымъ и первая стала уговаривать Надежду Ивановну обвѣнчаться съ Демьяновымъ, если только онъ объ этомъ опять заговоритъ, а отнюдь не отказываться. Она не слушала никакихъ доводовъ Надежды Ивановны и представила ей убѣдительнѣйшій изъ всѣхъ, именно тотъ, что жизни ихъ разъединяясь все болѣе и болѣе, непремѣнно приведутъ Демьянова къ охлажденью, а что если онъ разойдется съ Надеждой Ивановной, то пропадетъ, бросится въ такой грязный омутъ, что изъ него выйдетъ ужасный человѣкъ; наконецъ, что Надежда Ивановна только въ роли его жены можетъ быть ему полезной, потому что займется его дѣлами на правахъ жены и спасетъ отъ раззоренья.

Какъ ни спорила съ нею Надежда Ивановна, но передъ возникшимъ давно уже въ ней самой сознаньемъ, что разъединенье ихъ жизни поведетъ къ уничтоженью любви въ Демьяновѣ, она вдругъ ослабѣвала и, кромѣ жгучаго чувства отчаянья и боли душевной, ничего не чувствовала. Передъ страхомъ потерять его любовь, увидѣть его охлажденье, тогда какъ въ ней все таже любовь, да еще и сильнѣе въ силу привычки, и въ силу ея отреченья отъ прежняго своего міра, и въ силу разрыва съ самой собой, нѣмѣли всѣ прочія опасенія и предубѣжденія. Ужъ онъ и теперь сталъ въ этой ихъ разъединенной жизни въ положеніе того человѣка, кото-

рый ее *дарилъ* своимъ присутствіемъ, а не отъ нея требовалъ присутствія,—и она это чувствовала, хотя не сознавалась.

Не могла тоже она не видѣть разницы въ обращеніи съ нею Демьянова въ самой любви его и въ способѣ выраженья ея, когда Надежда Ивановна была затерта его Петербургской жизнью и когда поочередно появленіе ихъ общихъ друзей опять ее вызвало къ участью во времени его дня. Пустая вещь, но на Демьяновѣ ярко высказались вліянія этой жизни.

Опять съ новой силой заговорило въ немъ чувство, и въ этотъ разъ ярче прежняго опредѣлилась въ головѣ его рѣшимость жениться. Ему самому захотѣлось всѣмъ, всѣмъ дѣлиться въ своей жизни съ Надеждой Ивановной, и сталъ онъ настаивать на этомъ соединеніи. Надежда Ивановна, напуганная возможностью его охлажденья, сознавая, какъ опасно жить внѣ его жизни и за рубежемъ всѣхъ его интересовъ, перестала сопротивляться.

Иногда только воспоминанье о ненависти его родныхъ къ ней холодомъ сжимало ея душу, и она съ ужасомъ говаривала своей пріятельницѣ: „оторвутъ они его отъ меня: рано ли, поздно, а вотъ увидишь, оторвутъ!“

Но пріятельница говорила, что это вздоръ, и что она оскорбляетъ Демьянова сомнѣньемъ.

Много, много пришлось Надеждѣ Ивановнѣ перенесть разныхъ, утѣснительныхъ для ея достоинства испытаній при выполненіи предбрачныхъ формальностей; страшна ей была малѣйшая задумчивость въ лицѣ Демьянова, возмущали ее выслѣживанья Куклавиныхъ, которыя прибѣгали ко всѣмъ средствамъ и источникамъ, даже къ слухамъ изъ лакейской, чтобы узнать истину; мучительно было для нея многое, но Демьяновъ настаивалъ и все шло своимъ порядкомъ къ концу.

Вотъ тутъ только, за нѣсколько дней до свадьбы, Надежда Ивановна высказала разъ ему весь свой душевный ужасъ при мысли, что его рано или поздно оторвутъ отъ нея его родные, что они ей никогда не простятъ его любви, и она тогда не вынесетъ и что все это могло бы быть иначе;—разсказала ему свои планы на счетъ нѣмецкаго городка и даже предлагала ему ихъ исполнить, пока есть еще время, и предлагала искренно все это, забывая вполнѣ о себѣ самой.

Демьяновъ былъ растроганъ и хотя не далъ себѣ труда понять всю мѣру ея самоотверженья, но взволнованнымъ голосомъ произнесъ ей: „глупый ты мой цуцъ!“ и по привычкѣ ущипнулъ ее за щеку.

Впрочемъ съ той минуты, какъ начали заготовлять всѣ бумаги и вести дѣло къ концу, Демьяновъ еще болѣе выказывалъ любви и веселья, когда пріѣзжалъ къ Надеждѣ Ивановнѣ; но ни въ полку, нигдѣ не знали его намѣреній.

Со стороны Надежды Ивановны знала Крагина, та хорошенькая брюнетка, которую мы видѣли въ церкви. Передъ Крагиной, съ которой Надежда Ивановна была всегда дружна и которая у ней часто бывала, Демьяновъ высказывалъ къ *нему*, къ *милому автору*, такую любовь и нѣжность, что Крагина считала счастье Надежды Ивановны застрахованнымъ этимъ бракомъ на всю жизнь. При слабости характера Демьянова, при его робости передъ родными, при его вкусахъ къ пустой жизни Петербурга, это было самое вѣрное и сильное доказательство его любви, и Крагина сильно сердилась на Надежду Ивановну за ея грусть и налетавшія на нее сомнѣнія.

Но перешагнула она черезъ всѣ эти внутреннія волненія: бракъ совершился, смѣлѣе и веселѣе взглянули они оба во-

кругъ себя, почувствовали, что начинается иная жизнь, жизнь дѣла, а не мечтаній; даже Демьянову казалось, что въ немъ новый человѣкъ, все новое и вокругъ него, а Надежда Ивановна радостно готовилась теперь на все и за все для него, и, увѣренная въ своемъ счастіи, просила у Бога для себя не счастія, а силы разумѣнья и полезности.

Однимъ словомъ она наложила на себя долгъ храненія добра и развитія въ немъ нравственности вокругъ его довольства и успѣховъ; она вошла всѣмъ своимъ естествомъ въ идею единства ихъ чести и ихъ интересовъ, и съ той минуты, какъ онъ и она стали передъ лицомъ всего міра, подъ однимъ именемъ, Демьяновъ былъ для нея уже не предметомъ любви, а предметомъ служенья, и не на время, а на всю жизнь.

Бракъ въ ея глазахъ всегда былъ святыня, какъ таинство церкви и какъ важное учрежденіе въ мірѣ гражданскомъ, честь домашняго очага, единство семейства—все это доросло до громадныхъ размѣровъ въ душѣ ея; она не заблуждалась, думая что порядокъ семейный порождаетъ порядокъ государственный и на оборотъ... Но она ошиблась, думая что ея понятія, понятія общія, понятія большинства.

Со всѣхъ сторонъ кричатъ и пишутъ, что женщину надо такъ воспитать, чтобы поднять ея всѣ чувства до подобнаго пониманія ея роли въ семействѣ. Вотъ женщина, которая выработала въ себѣ это пониманіе: что же найдетъ она въ обществѣ и даже какія права въ мірѣ гражданственности она обрѣтетъ?.. Писать и кричать легко о томъ, какимъ образомъ надо развить и подготовить для семейства жену и мать, такъ если же она необходимое звено въ гражданскомъ обществѣ, то дайте ей и гражданскія права, дайте не обманчивыя, не уклончивыя теоріи, а практическую силу и покровительство

законовъ *правамъ* этой *жены* и *матери*. *Женъ* и *матерей* можно у насъ приготовить, но готовы ли *мужья* и *отцы*? Готова ли жизнь для этихъ женъ и матерей, и чѣмъ ограждены онѣ отъ произвола того, кому отдается въ руки вся жизнь женщины, и все въ ней самой отъ нравственнаго ея спокойствія и душевныхъ силъ до ея физическаго здоровья. Возлагать отвѣтственность во всемъ этомъ на одну только мужскую совѣсть, значитъ не давать женамъ и матерямъ мѣста въ гражданской жизни государства. Конечно, въ законахъ упоминается объ обязанностяхъ супруговъ, но приглядитесь ближе къ практической сторонѣ отысканія женою и матерью гражданскихъ правъ ея, нарушенныхъ мужемъ, и вы поймете, что она совершенно въ рукахъ произвола и также точно зависитъ отъ перемѣны вкуса своего мужа, какъ и женщины на востокѣ отъ прихоти своихъ повелителей.

ГЛАВА III.

Демьяновы возвратились изъ своего путешествія вмѣстѣ; съѣхались они подъ самымъ Харьковымъ; да и то Демьяновъ выѣхалъ изъ Харькова на встрѣчу женѣ, тревожный, нетерпѣливый, полубольной и не зная самъ, какъ дождаться свиданія съ нею. Но изъ Крыма онъ ея къ себѣ въ домъ не вызвалъ — отчего?.. Характера въ немъ было такъ мало и избалованность его была такъ велика, что онъ испугался при одной мысли о всѣхъ тѣхъ семейныхъ сценахъ, семейныхъ

разговорахъ, истерикахъ матери и слезахъ сестеръ, которыя должны были встрѣтить его признаніе въ женитьбѣ. Онъ ошибался, думая, что о женитьбѣ его никто не зналъ: Куклавины выслѣдили даже часъ, въ который ихъ вѣнчали и дали знать и о сватьбѣ ихъ, и о днѣ ихъ отъѣзда.

Дядюшка предложилъ домашнимъ избѣжать всѣхъ объясненій, которыхъ одинаково боялись всѣ въ семействѣ. Боялись задѣть самолюбіе, зайти черезъ-чуръ далеко и пріобрѣсть въ Демьяновѣ врага. Положено было лучше устроиться сначала матеріально внѣ его вліянія, а то рассорившись сводить послѣдніе денежные счеты всегда невыгодно. Однимъ словомъ, дядюшка былъ геній въ своемъ родѣ: онъ возбудилъ въ нихъ сомнѣнія и предложилъ геніальную мысль: притвориться ничего незнающими, и предоставить ему, дядюшкѣ, устранить всякую откровенность по этой части со стороны Демьянова.

У дядюшки былъ свой личный разсчетъ; запутавъ взаимнымъ притворствомъ семейныя отношенія, онъ разсчиталъ безошибочно, что успѣетъ на прощаньи съ состояніемъ Демьянова, которымъ такъ самоправно распоряжался, въ мутной водицѣ рыбку изловить. Онъ рѣшилъ, что даже можно будетъ, ужь такъ на прощаньи, не церемониться, да и большую рыбу изловить — *на память о племянникѣ*. Для приведенія своего плана въ исполненіе, онъ выѣхалъ на встрѣчу племяннику въ самое отдаленное имѣніе, и тамъ въ сопикахъ объявилъ ему, что семейство все собралось за границу, и что вотъ какъ кстати пріѣхалъ Мишель *проститься и покончить всѣ счеты по раздѣлу;* мать очень нездорова, да и жизнь разсорительная, накладно для Мишеля, пора и ему самому независимо всѣмъ распоря-

жаться... Мишель знаетъ, что есть долги по имѣнью: надо ихъ уплатить... право, ему накладно, должно быть все это!.. Къ тому же вѣдь ему 25 лѣтъ: можетъ же онъ и жениться, и право, лучше бы женился!..

Это мастерское вступленіе сняло разомъ многіе страхи и сомнѣнья съ души Демьянова.

— Ѣдутъ за границу и все уже готово къ отъѣзду, объясненія будутъ короче! Подумалъ Демьяновъ:— меньше сценъ, слезъ и колкостей, даже можно будетъ не поссориться вовсе.

Подумавъ съ минуту, Демьяновъ, вызванный такимъ образомъ ловкимъ дядюшкой на откровенность, рѣшился сказать:— да, я женатъ!..

— Женатъ?..

И дядюшка отлетѣлъ, какъ резиновый мячь въ сторону, а затѣмъ пустился быстро впередъ по дорогѣ мелкими шагами. Они шли въ это время въ гору пѣшкомъ; коляска Демьянова ѣхала за ними.

Демьяновъ, глядя на бѣгущаго рысью дядюшку, забылъ всю важность первой минуты этого объясненія, и помиралъ со смѣху, потѣшаясь эфектомъ сцены и убѣжденный, что поразилъ дядюшку неожиданностью. А дядюшка отбѣжалъ просто для того, чтобы на ходу состроить изумленное, разстроганное и вообще взволнованное лицо и представиться уже въ такомъ видѣ племянику.

Пробѣжавъ съ четверть версты, не переводя духу, дядюшка быстро обратился назадъ и пошелъ на встрѣчу хохотавшему Демьянову.

— Чего вы испугались? спросилъ его Демьяновъ:— я не убилъ никого, и никого не обокралъ,— и торопясь разомъ покончить съ объясненіемъ, онъ прибавилъ:— я женился, и вы

жену мою всѣ знаете: это Надежда Ивановна, я пріѣхалъ собственно, чтобы объявить всѣмъ роднымъ и чтобы не было никакихъ недоразумѣній. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кому это не понравится! Дядюшка какъ будто обидѣлся.

— Отчего же не понравится? возразилъ онъ: — ты сдѣлалъ для себя *преполезный* выборъ: жена твоя умна, она займется твоими дѣлами, и какъ это кстати, потому что, mon chér, вѣдь я тоже уѣзжаю за границу. Я вѣдь больной, совсѣмъ больной человѣкъ, и признаюсь тебѣ, убилъ свое здоровье твоими дѣлами! Да, дѣла плохи!.. Знаешь, долговъ ужасно много, а между тѣмъ прекратить этотъ train de maison только и можно отъѣздомъ за границу; капиталу вѣдь у тебя ни гроша, хозяйство безъ денегъ вести трудно, хозяйство въ особенности здѣсь, гдѣ такъ мало рукъ безъ денегъ, вести вовсе нельзя. Деньги, между тѣмъ, у васъ всѣ идутъ на пріемы, на наряды, на балы. Ты послушай моего совѣта: тамъ они всѣ кромѣ того надѣлали еще долговъ по магазинамъ; ужь ты mon chér пожертвуй: вѣдь это въ послѣдній разъ!.. Прими все на себя, а то чтобы препятствія не было къ отъѣзду. Однимъ словомъ, въ твоемъ теперешнемъ положеніи, *въ вашемъ общемъ положеніи*, для тебя самое лучшее, чтобы они уѣхали за границу; ты долженъ всѣмъ жертвовать, чтобы только это устроить. Ты вотъ самъ разсуди, такъ только окинь взоромъ вокругъ себя и разсуди, ты вѣдь ихъ всѣхъ знаешь — ну, вотъ и разсуди!.. Дядюшка умиленно глядѣлъ на Демьянова; Демьяновъ разсуждать не любилъ, а потому, не разсуждая, согласился съ дядюшкой, что надо способствовать этому отъѣзду за границу. Затѣмъ дядюшка, обрадованный легкостью, съ какою Демьяновъ принялъ его первую идею, приступилъ ко второй.

— Не смѣю совѣтовать тебѣ, и не знаю примешь ли мой совѣтъ? Но если ты благоразуменъ, то ты его примешь и не оскорбишься. Дядюшка самъ сознавалъ, что тутъ можно оскорбиться. — Я бы на твоемъ мѣстѣ вовсе не говорилъ мамà, что женатъ. Дай ты имъ уѣхать! Я поѣду потомъ черезъ мѣсяцъ къ нимъ, за границу, и тамъ все объявлю, и тогда все обойдется прекрасно, а теперь это поведетъ только къ непріятнымъ объясненіямъ, семейнымъ сценамъ, между вами поселится раздоръ, и хуже всѣхъ отъ этого будетъ твоей женѣ. Я знаю, что ты самъ разсудишь!.. Къ тому же мамà очень больна, знаешь что-то въ родѣ приступа удара: она полнокровна, приливъ къ головѣ, ну, вотъ и сюрпризъ. Ты понимаешь, какъ это было бы весело твоей женѣ и лестно! Послѣдній аргументъ опять сильно подѣйствовалъ на Демьянова, и онъ положительно не зналъ, какъ ему быть. Онъ вспомнилъ о женѣ, и въ какомъ-то уголкѣ его сознанія пошевелилась неясная мысль, что она бы не допустила его лгать, что подобная ложь не охраняетъ, а оскорбляетъ ее, что лучше всего сказать правду, вытерпѣть первую грозу и тотчасъ послѣ этого вызвать жену *къ себѣ въ домъ*, въ среду своего семейства, чтобы все тогда разомъ кончилось, а главное, достоинство его самаго и его жены было бы сохранено, и послѣ этого разстались бы съ опредѣлившимися отношеніями: тѣ за границу, а они въ Петербургъ.

Если бы его понятія могли сложиться въ эти слова — жена, другъ, хозяйка, второе *я*, нераздѣльное со мною, и ея мѣсто тамъ, гдѣ мое мѣсто, — то онъ удержался бы на высотѣ пошевелившагося въ немъ сознанья; но аргументы дядюшки давали и ему возможность спрятаться за нихъ со своей изба-

лованностью, себялюбіемъ и слабостью, и потому, откинувъ эти призраки сознанья и совѣсти, онъ ухватился за лживые аргументы дядюшки и сталъ слушать его даже внимательно.

Дядюшка понялъ это и торжествовалъ! Одно только коробило немножко Демьянова: онъ видѣлъ, что при такомъ ходѣ дѣла ему нельзя вызвать жену; слѣдовательно, онъ не скоро ее увидитъ; а онъ любилъ ее, скучалъ по ней, и его избалованность, привычка не отказывать ни въ чемъ своимъ желаньямъ, возставала одна громко противъ плана дядюшки. Впрочемъ, можно будетъ сократить время моего пребыванія... подумалъ онъ.

Этого-то и нужно было дядюшкѣ, да еще чтобы Надежда Ивановна не пріѣхала. Засуетить Демьянова, не дать ему времени что либо разглядѣть и во многое вникнуть, подогнать счеты и распоряженья по имѣньямъ къ самому отъѣзду (обыкновенно такъ и дѣлалъ всегда дядюшка, а тутъ еще мутная водица лжи и притворство съ обѣихъ сторонъ)—все это представляло выгоды для задуманнаго имъ плана нагрѣть, какъ говорится, руки уходя. Оставаться же не было никакой возможности; царство дядюшки должно было окончиться: онъ слишкомъ былъ тонкій господинъ, чтобы этого не понять; оттого-то онъ такъ и выразился о *полезности* Надежды Ивановны, а самъ думалъ: выбралъ же, женился вотъ на комъ! Не дуракъ!.. Хитрая штука!.. Не удалось мнѣ женить его, а ужъ какъ я хлопоталъ, пріискивая ему все дуръ, которыя бы были рады брилліантовымъ сережкамъ да баламъ, и ни во что бы не мѣшались! Ужъ какъ бы я свернулъ ей охотно шею!— Да что, живи я въ Петербургѣ—вѣдь Мишеля я знаю,—я бы подвелъ его скоро такъ, что онъ ее бросилъ бы; устроилъ бы ему какую нибудь страстишку, а тамъ только стоитъ

взломать ледъ, и пойдетъ потѣха! Чортъ бы ее побралъ, съумѣла таки выйдти за него замужъ!..

Въ глазахъ всѣхъ родныхъ Демьянова, Надежда Ивановна была просто ловкая интригантка, *сбумѣвшая выйти за него замужъ*. Имъ не понять ни души ея, ни любви, ея, ни мысли ея о нѣмецкомъ городкѣ, ни упорства ея *не выходить за Демьянова замужъ*. Не будь ужаса этой разъединенной ихъ жизни въ Петербургѣ и страха за любовь его, то не ослабѣла бы эта женщина и не вышла бы за него замужъ, а уѣхала бы отъ него какъ только стихло чувство, но однако такъ стихло бы оно, чтобы могло обратиться въ дружбу. Это положеніе она бы могла еще перенесть; а вотъ оторванную вдругъ отъ сердца любовь, да еще оторванную грязью жизни: разъединеніемъ, болью, оскорбленьемъ и печалью души, — не въ силахъ, не въ силахъ она была даже себѣ представить! Не будь въ ней душевнаго испуга при мысли о возможности такого положенія, она бы не вышла за него замужъ; но вышедши замужъ, ея впечатлительному уму представилось тотчасъ новое положеніе, новый долгъ, новая задача гордости — не дать Демьянову раскаяваться въ томъ, что онъ женился, а потому воздвигнуть вокругъ него всѣ блага, всѣ удачи, сдѣлать ему столько матеріальной пользы и добра, чтобы когда въ душѣ его пройдетъ любовь, то остались бы благодарность и уваженіе. Мужчина не легко разстается съ свободой: на этомъ основаніи онъ считаетъ всегда женитьбу величайшею жертвою; потомъ найдутся друзья, товарищи или родные, которые незамѣтно проведутъ идею, что можно со свободой и не разставаться, даже и при женитьбѣ. Любовь слабѣетъ, избалованность, эгоизмъ и порочныя наклонности прислушиваются къ этой идеѣ,—за тѣмъ возжи брошены,—

и пошла потѣха!—Выходитъ, что лучшіе мужья—это честолюбцы: жажда карьеры и страхъ общественнаго мнѣнья держатъ ихъ постоянно на возжахъ, и тѣмъ спасаютъ ихъ семейный бытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ личное достоинство; но предоставленные одной любви къ женѣ, сдерживаемые только мыслью, что *совѣстно ее обидѣть*, и между тѣмъ живущіе въ средѣ товарищей или родныхъ, мужья становятся современемъ жупарами до полнѣйшаго опошленія самихъ себя, летятъ безъ оглядки и ломаютъ себѣ шею, а что всего хуже—губятъ свое семейство, то семейство, которому они положили начало, принявъ на себя долгъ покровителя и защитника его передъ Богомъ и людьми.

Гдѣ же эти подготовленные *отцы?*.. Гдѣ тѣ, которыхъ цѣль — матеріальное благосостояніе, нравственное воспитаніе, умственное образованіе дѣтей и честное направленіе юношества?.. Бываютъ!—И мы скажемъ утѣшительное — бываютъ!—но рѣдко, а большинство играетъ въ семействѣ роль самца, а не отца. Виноваты, конечно, многіе сами, но виновата еще болѣе та среда, въ которую попадаютъ они, въ которой вращаются *мужья и отцы*. Нельзя не замѣтить, что утѣшительныя явленія только и бываютъ между тѣми, которые живутъ особнякомъ и не принадлежатъ къ какому либо обществу, составляющему какъ бы семью, а также между тѣми, которые не живутъ въ одномъ городѣ съ своими родными. Отчего? — Оттого, что къ женѣ все относится враждебно. Женщина можетъ имѣть друзей, *жена* имѣетъ только враговъ: враги ей домашніе ея мужа — это вѣрно, въ какихъ бы отношеніяхъ она къ нимъ ни находилась; враги ей *товарищи* ея мужа, то-есть члены той среды, въ которой онъ

жилъ и вращался и которые теперь меньше могутъ имъ располагать.

Эти всѣ домашніе, родные, товарищи смотрятъ на жену какъ на существо, захватившее у нихъ ихъ собственность и измѣнившее ихъ привычки: отсюда жажда оторвать мужа отъ жены и получить опять его въ свое владѣнье, хотя, въ сущности, онъ никому не нуженъ особенно,—но такъ сладко опрокинуть вліяніе, поколебать силу, потѣшиться тревогой, слезами, отмстить этой женѣ, если она слыветъ любимой, за ея минутное нравственное торжество,—показать ей, что трудно съ ними бороться и что вѣчно бороться невозможно. Родные и домашніе идутъ еще далѣе: имъ просто хочется отравить *ея* счастіе. Онъ и она никогда не сливаются въ ихъ мысляхъ и въ ихъ чувствахъ, а если дѣти есть—ну такъ родные позаботятся: на то они и родные!!. Только забываютъ они, что роднѣе отца и матери нѣтъ ничего для дѣтей, что есть одно сердце въ мірѣ, которое никогда не устаетъ отъ заботы о нихъ—это сердце матери,—что убивъ счастье жены, они и счастье мужа разрушаютъ, потому что тѣ, что для нихъ рѣзно, то въ очахъ Бога едино. Они не думаютъ, что убивъ силы души и силы здоровья матери семейства, они отнимаютъ лучшую опору у дѣтей и лучшаго стража у ихъ нравственнаго развитія.

Дядюшка ужъ внутренно покушался на семейное счастіе Надежды Ивановны; онъ бы такъ и повелъ войну противъ нея, не сейчасъ, а выждалъ бы—и уходилъ бы, уходилъ бы ее непремѣнно! Умерла бы—Богъ съ ней, а не умерла, такъ все равно ничего бы не значила она для Мишеля; а только стѣитъ ей ничего не значить для Мишеля, такъ онъ возвратится въ объятія ихъ, да еще съ озлобленіемъ противъ жены:

слѣдовательно съ большимъ довѣріемъ отдастся онъ прежнему вліянію въ руки, и тогда ужъ нѣтъ ему возврата, не выпутаться болѣе ему.....

Дядюшка при этой блаженной мысли широко улыбнулся и подумалъ: не мѣшаетъ провести эту идею въ формѣ утѣшенья, передъ отъѣздомъ за-границу, тамъ, на семейномъ совѣтѣ....

Между тѣмъ коляска поднялась на гору и остановилась.

Демьяновъ прервалъ молчаніе.

— Такъ какже это, дядя, сказалъ онъ, усаживаясь и давая мѣсто подлѣ себя дядюшкѣ,—какже это—прикинуться не женатымъ?

— То-есть какъ ты хочешь, mon chér! заговорилъ осторожный дядюшка, видя, что рыбка клюетъ;—я предоставляю твоему разсужденію. Мое дѣло представить тебѣ все, что можетъ у васъ произойдти. И знаешь ли, дѣйствительно твоя мама́ такъ слаба, такъ ненадежна: ее надо поберечь отъ волненій... Со временемъ я ее подготовлю осторожно, а то какже вдругъ?.. самъ посуди!

И Демьянову показалось, что онъ самъ посудилъ, и что это его личное сужденье.

Затѣмъ искусный дядюшка перешелъ къ разнымъ анекдотцамъ и сплетнямъ, острилъ и забавлялъ ужасно Демьянова, потомъ вскользь представилъ, какое у него теперь будетъ пикантное положеніе, какъ его будутъ считать за не-женатаго и, по обыкновенію, ловить какъ жениха; при этомъ онъ взглянулъ, какъ бы мимоходомъ, на руку Демьянова, который снялъ перчатку, чтобы закурить папироску, — и посовѣтовалъ ему снять и спрятать вѣнчальное кольцо.

Демьянова немножко передернуло: къ душѣ его привились нѣкоторыя воззрѣнія Надежды Ивановны; снять вѣнчальное

кольцо было въ глазахъ его неловко, точно оскорбленіе святыни, но онъ побоялся показаться слабымъ передъ дядюшкой, который проповѣдывалъ ко всему пренебреженье: снялъ кольцо, и на первой же станціи надѣвъ его на цѣпочку, на которой носилъ крестъ и образокъ, совершенно успокоился.

Послѣ этого путь продолжался очень весело съ обѣихъ сторонъ.

Демьяновъ пробылъ время своего кратковременнаго отпуска подъ фирмой неженатаго, и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ домахъ его ловили какъ жениха, а дядюшка, одинъ бывшій его конфидентомъ, еще болѣе прибралъ его къ рукамъ.

Демьянову очень было весело. За это время онъ роздалъ матери и сестрамъ всѣ наличныя деньги, собранныя по деревнямъ, принялъ и переписалъ на свое имя нѣсколько новыхъ векселей; онъ видѣлъ въ дядюшкѣ истиннаго друга, умѣвшаго такъ ловко уберечь его отъ объясненій, что во всемъ слѣдовалъ его совѣтамъ. Демьяновъ ничего въ мірѣ такъ не боялся какъ объясненій, потому что размышлять, разсуждать, давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не былъ пріученъ и боялся словъ пуще всего: слова его утомляли, ему было скучно слушать ихъ, потому что онъ не умѣлъ отвѣчать и не могъ защищаться противъ нападеній. Трудъ мысли и особенно трудъ выразить сложившуюся мысль—былъ для него самымъ тяжкимъ трудомъ; оттого-то онъ обыкновенно выслушивалъ охотно только тѣхъ, которые говорили съ нимъ заодно: съ этими только лицами онъ и говорилъ, а отъ другихъ отмалчивался, разсѣянно глядя въ сторону и пуская дымъ своей папироски въ пространство, да придумывая только какъ бы уйдти поскорѣе отъ докучныхъ разсужденій.

Демьяновъ писалъ къ Надеждѣ Ивановнѣ, успокоивая ее,

умоляя потерпѣть, не пріѣзжать, и высказывая такую радость о томъ, что всѣ, всѣ уѣзжаютъ, что сердце у Надежды Ивановны сжималось. Его радость, его трусость оскорбляли ее:—точно будто стыдится меня!—подумала она съ болью и печалью въ душѣ.

Но любя его и свято вѣруя, что въ немъ есть сердце, она проклинала только тотъ образъ воспитанія, который дали ему, проклинала его непривычку отчета передъ самимъ собой, застой и сонъ лучшихъ силъ души его. И думалось ей, что семейная жизнь научитъ его разсуждать, что любя, онъ выучится цѣнить, что объединившись жизнью съ нею, онъ станетъ беречь въ ней себя и научится уважать честь своего имени и достоинство своего дома. Лживое изгладится, доброе разовьется,—думала она,—немножко болѣе труда мысли, немножко болѣе отчета себѣ и развитія своему достоинству!

Надежда Ивановна не знала среды, въ которую она сама попадала; она знала Демьянова внѣ этой среды и не предвидѣла борьбы и вражды, а вѣрила, что ее ждетъ жизнь вдвоемъ, то есть—нравственная поддержка со стороны дорогаго ей существа и что ей посланъ душевный отдыхъ за всю ея полезную жизнь.

Демьяновъ ей писалъ уклончиво, не высказываясь и не сознаваясь, что выдалъ себя за неженатаго, что даже припряталъ вѣнчальное кольцо; это признаніе онъ оставилъ до личнаго свиданія: онъ только просто отклонялъ ея пріѣздъ, по случаю скораго отъѣзда семейства за границу.

Дѣйствительно, Демьяновъ тосковалъ о женѣ и отводилъ свою душу тѣмъ, что съ утра до ночи толковалъ о ней съ Силуяновымъ, Риделемъ, Глотовымъ и Гранилевичемъ.

Наконецъ онъ остался одинъ въ своемъ домѣ съ опоро-

женными карманами и тотчасъ заторопился ѣхать на встрѣчу Надеждѣ Ивановнѣ, которой далъ знать, чтобы она выѣзжала изъ Крыма обратно въ Петербургъ. Этой-то минуты и дожидался дядюшка. Лошади закладывались въ дорожную коляску и человѣкъ Демьянова выносилъ послѣдній сундукъ, когда дядюшка принесъ кипу бумагъ. Онъ раскладывалъ ихъ по столу и, подавая перо, предлагалъ Демьянову подписать.

Въ головѣ Демьянова въ эту минуту преобладала мысль, что онъ скоро, скоро увидитъ жену, и какъ крѣпко обниметъ ее, и какъ ей пораскажетъ все, между прочимъ и объ одномъ франтѣ, который даже вызвалъ его на дуэль изъ страха, чтобы Демьяновъ не отбилъ у него невѣсты... и мало ли еще какой вздоръ ни болтался въ его головѣ. Онъ наливалъ шампанское Риделю и Гранилевичу, шутилъ, болталъ и *подписывалъ*, изрѣдко только спрашивая: а это что?...

Дядюшка отвѣчалъ... „инструкція управляющему, право продать шерсть, контрактъ на пшеницу съ евреемъ, и такъ далѣе“... Одна бумага какъ-то сверкнула своимъ слишкомъ высокимъ достоинствомъ въ глаза Демьянову, но дядюшка быстро перевернулъ листъ и, не ожидая вопроса, самъ сказалъ:

— А это актъ сестрѣ твоей Нинѣ Сергѣевнѣ; вѣдь ты не знаешь: она-то актъ свой затеряла; подпиши, дружокъ!

И дружокъ подписалъ.

— Господа, потрудитесь черкнуть свидѣтелями, обратился дядя къ друзьямъ Демьянова.

Тѣ взглянули вопросительно, но Демьяновъ кивнулъ имъ головой — и они росписались свидѣтелями.

— А вотъ это, mon chér, прошеніе еще подписать — и

конецъ: это въ уѣздный судъ, чтобы засвидѣтельствовали твою руку на всѣхъ бумагахъ, которыя я за отсутствіемъ твоимъ представлю имъ съ твоей подписью; рука твоя ужь извѣстна, и знакомые люди сдѣлаютъ, а тебя незачѣмъ для этого задерживать.

Демьяновъ подписалъ, потомъ весело произнесъ: — ухъ! и повернулся къ своимъ друзьямъ.

Дядюшка торопливо подобралъ всѣ бумаги и, сіяющій, вышелъ изъ кабинета.

— Помните, дядюшка, что я уѣзжаю съ пустыми карманами, что мнѣ съ женой ѣсть нечего: продайте скорѣе шерсть и пришлите деньги, твердилъ Демьяновъ, усаживаясь въ коляску.

— Непремѣнно продамъ шерсть, повторилъ ему дядюшка вслѣдъ, и какъ-то странно улыбнулся.

И вотъ съѣхались Демьяновы послѣ этой первой разлуки: она измученная, онъ больной. Мало по малу онъ ей разсказалъ все; тогда тяжелый свинецъ налегъ на ея душу, — не того она ожидала, и жизнь семейная совсѣмъ не такъ сказалась ей, какъ она имѣла право надѣяться. Между прочимъ, Демьяновъ признался ей, что далъ слово поѣхать тоже за границу на два мѣсяца, и непремѣнно одинъ, но не теперь, а потомъ, зимой какъ нибудь.

— Зачѣмъ это они вызываютъ его? подумала она, но спросить боялась: въ мучительномъ ожиданіи всего дурнаго замерла ея душа. Скоро, впрочемъ, она поняла, зачѣмъ его вызывали: въ Парижѣ они свели знакомство, самое интимное и дружеское съ той самой отважной, рыжей барыней; прошлыя отношенія ея къ Демьянову были хорошо извѣстны ея роднымъ, она была лукава, ловка, не останав-

ливалась въ выборѣ средствъ; они безъ словъ всѣ поняли другъ друга—и сблизились съ одной и той же цѣлью. Но эта цѣль проявилась и дала себя узнать въ письмахъ родныхъ къ Демьянову; женскимъ чутьемъ и сердцемъ поняла ее Надежда Ивановна: въ ихъ настоятельныхъ приглашеніяхъ пріѣхать за границу такъ и высказывалась надежда, оторвать его отъ нея, вырвать изъ ея міра, посредствомъ прежней связи.

Молчала Надежда Ивановна и припрятывала всѣ эти письма, до поры до времени, какъ только Демьяновъ бросалъ ихъ по прочтеніи.

Родился у нея первый ребенокъ: въ отчаянной борьбѣ съ видимой смертью пришла ей эта радость. Демьяновъ имѣлъ случай измѣрить всю силу любви своей къ женѣ мучительнымъ чувствомъ страха потерять ее. Онъ такъ измѣнился, какъ будто вынесъ жестокую горячку, и Надеждѣ Ивановнѣ сталъ за то вдвое дороже.

— Когда же ты ѣдешь? спросила она его, когда совсѣмъ уже выздоровѣла.

— Куда?

— Въ Парижъ.

— Ахъ да, въ Парижъ! И онъ захохоталъ. — Нѣтъ, этого теперь ужь отъ меня не дождутся. На что я имъ?

— Прочти и узнаешь на что, отвѣтила ему Надежда Ивановна, подавая собранныя письма.

Демьяновъ въ недоумѣніи поглядѣлъ на нее, но потомъ углубился въ чтеніе, и когда окончилъ, обнялъ крѣпко жену и бросилъ письма въ топившійся каминъ.

Не было сказано между ними ни слова; но эти письма, прочтенныя подъ-рядъ, краснорѣчивѣе всякихъ словъ высказали оскорбительные планы: въ каждомъ письмѣ говорилось

о рыжей г-жѣ Д..., повторялись ея фразы, намекалось на ея неостывшія чувства, передавались отъ нея поклоны.

И такъ, съ перваго дня моего вступленія въ это семейство, думала съ горечью Надежда Ивановна,—у нихъ одна мысль: разъединить насъ, разлучить, вырвать его у меня!

Демьяновъ такъ далеко не проникалъ, но чувствовалъ однако ненависть своего семейства къ женѣ, оскорблялся за жену, жалѣлъ ее, и оттого какъ будто нѣжнѣе любилъ ее; впрочемъ, ни тотъ ни другой никогда не касались въ разговорахъ своихъ этого предмета и о родныхъ его между собой не говорили.

Послѣ рожденья ребенка, онъ рѣшился объявить роднымъ, наконецъ, все вдругъ, и получилъ въ отвѣтъ самыя жестокія, самыя оскорбительныя для жены своей письма. Ожидая противнаго, онъ началъ читать эти письма вмѣстѣ съ женой, но глаза ея дочитали быстрѣе страницу: смертельная блѣдность разлилась по ея лицу, и на его вопросительный и испуганный взглядъ она проговорила, заикаясь отъ волненья: — я не читала, увѣряю тебя Мишель, я не читала: я не могу разобрать!..

Демьяновъ понялъ, сколько великодушія было въ этомъ желаніи скрыть свою смертельную обиду: онъ припалъ къ ея ногамъ и заплакалъ какъ ребенокъ; потомъ медленно бросилъ письмо въ каминъ—и болѣе ужъ никогда, никогда не писалъ самъ и не распечатывалъ передъ нею даже тѣхъ писемъ, которыя къ нему присылались изъ-за-границы.

Онъ такъ легко въ жизни ко всему относился, что ему стоило только разъ принять намѣреніе или положить какой нибудь способъ дѣйствія, а затѣмъ онъ уже не мѣнялъ пути; не сходилъ съ этой дороги, не по характеру, а чтобы не

давать себѣ труда вновь пересматривать тотъ же предметъ и то же положеніе, и такъ онъ шелъ впередъ, покуда какое нибудь новое и неожиданное обстоятельство не выводило его вдругъ на совсѣмъ другую дорогу.

Прекратилъ онъ переписку и всякое сношеніе съ родными не для того, чтобы имъ дать понять любовь свою къ женѣ, не для того, чтобы высказать степень единства своего съ нею, и степень оскорбленія за нее, а такъ просто: враждебность ихъ къ ней ему надоѣла, *все это ему было скучно*, и онъ рѣшилъ лучше покончить съ ними, чѣмъ переубѣждать ихъ и заставлять уважать жену и себя.—Никто этого не понялъ: Надежда Ивановна подумала, что для него невыносима, мучительна ея обида; родные подумали, что она его забрала въ руки и что, слѣдовательно, все, что только произойдетъ для нихъ непріятнаго отъ него, будетъ отголоскомъ ея мщенія и выполнится подъ ея вліяніемъ. Затѣмъ они стали ее немножко бояться, а она ихъ всѣхъ всегда боялась до смерти, но боялась въ чемъ?—она предчувствовала, что рано или поздно изъ ихъ среды выйдутъ ея разлучники.

Рѣшивъ прекратить переписку, Демьяновъ не страдалъ, не сердился, не оскорблялся; онъ *покончилъ* съ этой стороной своихъ отношеній на время, и такъ легко вычеркнулъ ихъ изъ своей памяти, какъ будто ихъ никогда у него и не бывало. Это озадачивало Надежду Ивановну; подобныхъ способностей души его она не понимала и потому воображала, что онъ сильнѣе ея самой чувствуетъ нанесенныя ей оскорбленія. Усиливаясь за это замѣнить ему всѣ привязанности, она за всѣхъ, за всѣхъ одна, и не такъ какъ другіе любили, а какъ казалось ей должны бы его были любить, любила его.

Она часто думала, что изъ-за нея онъ лишилъ себя се-

мейныхъ привязанностей; и она какъ всегда ошибалась: онъ вовсе ни о комъ и ни о чемъ не думалъ; гораздо болѣе, досадливѣе и горьче думалъ онъ о томъ, что дядюшка надулъ его напослѣдкахъ: продавъ шерсть, онъ взялъ деньги для себя, воспользовался вполнѣ безотчетностью своего управленія и уѣхалъ тоже за границу *на счетъ Демьянова*. Это его взорвало и показало ему цѣну родственныхъ его отношеній; только и тутъ Демьяновъ остался вѣренъ своей привычкѣ: безъ объясненій покончилъ; онъ бранилъ дядюшку наповалъ, отмѣчалъ его самыми крѣпкими прилагательными, но ни объясненьемъ, ни дѣломъ не потревожилъ себя.

Сознавая въ себѣ полнѣйшее незнаніе законности и незаконности общественныхъ правъ, чувствуя, что ни о какомъ порядкѣ гражданственномъ и житейскомъ онъ не имѣетъ даже самаго темнаго понятія, боясь напутать въ дѣлахъ, не желая учиться, стыдясь выказать свое невѣжество, не пріученный размышлять, обсуждать и вдумываться, знакомый только съ удовольствіями жизни и не знакомый съ ея трудностями, боящійся потерять славу доброты и ангельскаго характера, пріобрѣтенную безспорнымъ согласіемъ въ дѣлахъ, неслыхавшій никогда истиннаго значенія словъ: правило, порядокъ, послѣдовательность,—не умѣющій примѣнить ихъ къ жизни, онъ все состояніе свое передалъ въ полную власть жены, и тутъ только успокоился, что наконецъ онъ не будетъ обманываемъ, обворовываемъ и раззоряемъ преднамѣренно, что, наконецъ, всѣ мародеры, бродившіе по его громадному и раззоренному состоянію въ лицѣ разныхъ дядюшекъ, повѣренныхъ, управляющихъ, совѣтниковъ и друзей всякаго рода, отстанутъ поневолѣ, видя что теперь уже поживы не вѣрна.

Случилось это постепенно и незамѣтно для обоихъ. При-

званіе ея быть полезной близкимъ своимъ, гордость, выразившаяся въ жаждѣ доказать милому, что онъ лучшаго и полезнѣйшаго выбора не могъ сдѣлать, память оскорбленій, нанесенныхъ ей семействомъ, глупое слово mésalliance, брошенное ими, тогда какъ въ жилахъ ея было болѣе аристократической крови, нежели у нихъ всѣхъ, правила дворянской чести, выработанное, сознательное достоинство, наконецъ ея любовь, сильная, самоотверженная, невыразимая, ея заботливая нѣжность, чтобы ему было хорошо, во всемъ хорошо, чтобы вокругъ него были всѣ утѣхи жизни, всѣ прихоти барства и роскоши, всѣ средства удовлетворять ихъ, всѣ успѣхи и игрушки самолюбія, и чтобы это все было черезъ нее, отъ нея, и чтобы онъ за это ее любилъ, любилъ бы и жить не могъ бы безъ нея, и не на словахъ, а въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ бы, что жизнь не въ жизнь безъ нея и что никто не съумѣетъ такъ беречь его и такъ баловать,—вотъ что заставило ее незамѣтно все больше и больше принимать на себя и нести житейскую ношу, все глубже и глубже заходить въ дѣла, все усиленнѣе работать, и наконецъ вдругъ стать за все одной своей головой.

Когда же передъ нею развернулся грозный свитокъ всѣхъ дѣлъ, тяжбъ, взысканій, когда въ первую и вторую поѣздку свою съ мужемъ по имѣньямъ, она увидѣла цвѣтущія имѣнія безпомощно брошенными, обобранными, обезсиленными, когда она услышала укорительныя рѣчи кредиторовъ и дѣйствительно убѣдилась, что многіе изъ нихъ терпятъ крайность, льютъ горькія слезы и шлютъ къ небу жаркій ропотъ *на нихъ, счастливыхъ*, тогда душа ея омрачилась, и новая задача стала рядомъ съ первой задачей, двойная задача — создать жизнь сладкую, жизнь довольства и утѣхъ для милаго, и снять

съ него ропотъ и слезы, которыхъ онъ былъ невольной причиной.

Глубокая забота задавила ея яркое, увлекающее веселье; у ней явились двѣ цѣли:—чтобы вокругъ него все было лучшее и всего было больше и чтобы за нимъ и вслѣдъ ему его не проклинали и не жаловались на него. И она достигла: *на него* не жаловались, *его* не проклинали!—Онъ пріѣзжалъ въ деревни на нѣсколько недѣль, улыбался всѣмъ такъ ласково, говорилъ со всѣми такъ привѣтливо и всѣмъ такъ легко все обѣщалъ! Выполняла же она;—а выполнять было трудно, и никто не цѣнилъ ея труда, ея усилій, и даже, чѣмъ болѣе платила она долговъ мужа, тѣмъ нетерпѣливѣе становились другіе неудовлетворенные кредиторы, и тѣмъ громче бранили ее, превозносили всеобѣщавшаго Демьянова, а жену его, которая всегда послѣ него оставалась выполнять его блистательныя и опрометчивыя обѣщанія, въ глаза грубо упрекали, за глаза ее одну во всемъ обвиняли.

Съ неутомимой силой воли, несла она всю эту тяжкую ношу, лишь бы любилъ онъ, не лгалъ ей, не обманывалъ ее.

Она вѣрила, что онъ не обманываетъ ее. Вѣдь онъ зналъ, что вся ея жизнь въ любви его, въ довѣріи къ нему, вѣдь она за него и для него трудилась и терпѣла, вѣдь онъ самъ посылалъ ее на битву. За то онъ ей писалъ, что такъ тяжко переноситъ разлуку съ нею, такъ любитъ дѣтей, такъ *серьезно* къ ней привязанъ, такъ считаетъ жизнь свою безъ нея невозможной, и, наконецъ, писалъ онъ ей по числамъ каждый день и описывалъ *всѣ* часы этого дня такъ подробно, какъ будто не могъ не пріобщить ее къ каждому мгновенью своей жизни, хотя она была и далеко. Отчего же ей было не вѣрить? Отчего ей было думать, что онъ лжетъ и обманываетъ?

Вѣрила она глубоко, несомнѣнно, и каждое письмо давало ей силы переживать разлуку съ нимъ для заботы о немъ, переносить возмущающія столкновенія, дерзкія рѣчи, всю гадость нападеній, и даже самой защиты, переносить отвратительныя плутни служащихъ по имѣньямъ, стачки ихъ съ жидами, наушничанье этихъ самыхъ жидовъ, явную жадность къ барышамъ и утомительные торги при куплѣ и продажѣ продуктовъ. Какъ будто изъ омута вырывалась потомъ Надежда Ивановна, наладивъ дѣло кое-какъ, и спѣшила, летѣла обратно въ Петербургъ. Чѣмъ больше ей удавалось привезти съ собой денегъ, тѣмъ счастливѣе чувствовала она себя: она знала, какъ этому порадуется Мишель, а возможность его порадовать была ей дороже всего. Разсказывать ему все то, что она вынесла, не приходилось; она знала, что слушая ее, онъ будетъ думать о другомъ, именно объ употребленіи, которое онъ сдѣлаетъ изъ привезенныхъ ею денегъ, и будетъ думать усиленно объ этомъ, даже хоть для того, чтобы не слышать какъ трудно эти деньги достались, и чтобы безъ всякаго угрызенія совѣсти подвергнуть ее вновь на слѣдующій, и еще на слѣдующій годъ той же самой пыткѣ, тому самому труду.

Вотъ потому-то она мало разсказывала, потому-то онъ и не зналъ всего; а чтобы не прискучить ему сложившеюся помимо ея воли въ душѣ ея серьезностью, она поддѣлывалась подъ тонъ его безпечности, веселости и самоувѣренности.

Благодаря ея усиліямъ, Демьяновъ съ каждымъ годомъ больше барствовалъ... Онъ щеголялъ лошадьми и экипажами, былъ элегантнѣйшій офицеръ въ полку, зазывалъ къ себѣ гостей ежедневно, поилъ и кормилъ до-нельзя; денегъ не считалъ, а если иногда жена — передъ которой вставали поневолѣ мучительныя, перенесенныя ею сцены — и рѣшалась напомнить

ему, чтобы онъ былъ осмотрительнѣе—онъ отвѣчалъ, что, кажется, при его состоянiи, онъ можетъ все это себѣ позволить!

Однако то, что онъ считалъ себя въ правѣ позволять себѣ, примѣняясь къ своему состоянiю и не примѣняясь вовсе къ долгамъ, накопившимся на этомъ состоянiи, было такъ значительно, что Надежда Ивановна, огорченная подобной его фразой, задумывалась, не зная, какъ вразумить его.

Онъ, замѣтивъ ея печаль, ласкался и заговаривалъ о постороннихъ предметахъ, и она тотчасъ говорила себѣ: что же, если будетъ труднѣе — я это вынесу, какъ нибудь преодолѣю, лишь бы только ни лжи, ни обмана, лишь бы любилъ онъ меня, вѣрилъ мнѣ, и чувствовалъ что нѣтъ и не будетъ такой другой любви и такого другаго друга у него!..

Его любили, и полковое товарищество соблюдалось ненарушимо въ полку съ однимъ только Демьяновымъ изъ всѣхъ женатыхъ товарищей: то было полковое товарищество, въ которомъ исчезаетъ человѣкъ и исчезаютъ всѣ его качества и обязанности, исчезаетъ всякая его роль, кромѣ роли *офицера*...

Онъ не былъ, впрочемъ, изъ числа офицеровъ, которыхъ разговоръ преимущественно вертится на томъ, какъ ходила на ученьи такая-то лошадь, подъ такимъ-то унтеръ-офицеромъ, какъ знаетъ свое дѣло вахмистръ такого-то эскадрона, какъ крадетъ квартирмейстеръ и пьянствуетъ писарь; — подобные разговоры попадались у него иногда, но очень рѣдко, и то въ тиши кабинета, съ какимъ нибудь, зашедшимъ къ нему съ ученья или съ ѣзды, товарищемъ, въ грязныхъ сапогахъ и вылинявшемъ пальто.

Интересы Демьянова сосредоточивались на жизни офицерской собственно: какъ такой-то подъѣзжалъ на ординарцы,

какъ того-то распекли, какъ такой-то наряженъ на дежурство, почему этотъ не пріѣхалъ на ученье, сколько такой-то заплатилъ за лошадь, какую именно кокотку такой-то обогналъ на Морской и Невскомъ на своихъ рысакахъ, какъ N N попалъ въ исторію и какъ надо бы его поддержать и хорошо поставить въ полку, а М... осадить, и сколько Т... задолжалъ уже у Дюссо и отчего Б... вдругъ началъ играть и проигрываетъ порядочно, а С... ужасно заискиваетъ у начальства.—Внѣ этихъ интересовъ и этого міра его ничто не занимало серьезно.

Надежда Ивановна видѣла въ его горячности и участіи въ дѣлахъ холостой молодежи ребяческую, безотчетную привязанность къ людямъ, съ которыми онъ сжился и сблизился. Что же это были за люди, не вмѣстѣ, а каждый отдѣльно? могли-ль они имѣть на него вліяніе, и какое вліяніе,—вотъ что̀ хотѣлось ей узнать. Кромѣ того, открывъ имъ гостепріимно двери, она этимъ угождала вкусамъ мужа и думала, пріобщая этихъ людей къ своей домашней жизни, давая у себя въ домѣ мужу все то, что любилъ онъ—удержать его въ предѣлахъ этой домашней жизни. Къ тому же она полагала, что ей бояться нечего, маскироваться незачѣмъ передъ этими гостями; она воображала, что молодое сердце проститъ недостатки и оцѣнитъ достоинства ея характера, и что даже уважать и беречь ее будутъ, и никто никогда не разрушитъ ея счастья.

Да и что̀ она имъ сдѣлала? что̀ отняла она у нихъ?.. Она на нихъ глядѣла какъ на людей одной семьи, на не чужихъ ей, чувствовала, что къ ихъ неудачамъ и огорченьямъ она не будетъ безучастна, а если порой и высказывала кому нибудь изъ нихъ въ глаза правду, то за глаза, передъ посто-

ронними, то-есть передъ лицами не этого заколдованнаго круга, скрывала тщательно ихъ недостатки и указывала на одни достоинства. Она думала, что въ этомъ многолюдномъ кружкѣ молодежи найдутся люди, которымъ ея искренній нравъ и рыцарскія понятія придутся по сердцу.

Она ошибалась.

Жили или не жили эти сердца, думали-ль и что думали эти головы, но дѣйствія ихъ и самые даже взгляды были подведены подъ одну и ту же однообразную форму, какъ мундиръ...

Сближеніе Надежды Ивановны съ ними не повело къ добру ни ее, ни ея счастья. Искренность и смѣлость ея сужденій не нравились тамъ, гдѣ всѣ чувства были прилично сдержаны и гдѣ полагалось говорить какъ можно меньше, чтобы не проговориться. Не смотря на всю ея сдержанность, къ ней относились недовѣрчиво, оттого что признавали въ ней проницательный умъ, чувствовали невольный судъ этого ума надъ собою, хотя простота и прямота ея обращенія должны бы были ихъ разувѣрить и успокоить.

Красота даетъ женщинѣ враговъ въ женщинахъ, но умъ дастъ женщинѣ враговъ и въ мужчинахъ, и въ женщинахъ; а такъ какъ въ каждой самой умной женщинѣ останется всегда слабая сторона—ея сердце, то все, чѣмъ можно было пришибить до смерти это бѣдное сердце, было пущено въ ходъ людьми, ставшими противъ Надежды Ивановны во враждебныя отношенія.

За умъ, за проницательность, за невольное отгадываніе слабостей, за то, что она должна была знать, понимать и открывать невольно, хоть для себя самой, въ нихъ разныя пятнышки,—люди, которыхъ она встрѣчала дружескимъ по-

жатьемъ руки, глядѣли на нее подозрительно и упорно становились во враждебныя къ ней отношенія. Она думала, что они будутъ ее считать *своимъ* человѣкомъ, а они видѣли въ ней зрителя, зритель ихъ стѣснялъ:—они рѣшились вытѣснить этого зрителя своей жизни. Хотя она никогда ни въ чемъ не проговаривалась, но они всѣ были убѣждены, что Демьяновъ разсказываетъ ей все, что она знаетъ все: зачѣмъ ей знать все? — надо разорвать эту излишнюю интимность мужа съ женой!...

Случалось ей подмѣтить, что на нее не такъ смотрятъ, какъ бы она хотѣла, только не въ первый, не во второй и даже не въ третій годъ супружества. Первые года Демьяновъ былъ хорошъ со всѣми въ полку, но близокъ былъ только съ товарищами своего юнкерства. Эти товарищи съ каждымъ годомъ становились зрѣлѣе, отодвигались отъ массы, принимали своеобразную жизнь; а Демьянову нужна была масса, ему нуженъ былъ шумъ, лишающій возможности разсуждать, для него, по русской пословицѣ, была на людяхъ и смерть красна. Демьяновъ оставался въ массѣ и тѣмъ отодвигался отъ своихъ болѣе зрѣлыхъ товарищей, которые, ознакомленные съ Надеждой Ивановной въ первую пору самой сильной любви Демьянова, привыкли смотрѣть на нее какъ на существо для него дорогое—и не подрывались подъ ея счастье; эти люди чувствовали уже и сознавали цѣну своему счастью, понимали, что у каждаго человѣка *есть свое счастье*, и что счастье хрупкая вещь—лучше его не трогать.

Масса прибывала изъ разныхъ военно-учебныхъ заведеній, и въ жизнь вносила привычки школьной скамьи: приставать другъ къ другу, дразнить и портить веселье. Въ глазахъ массы Демьяновъ, бражничавшій съ ними постоянно, былъ ду-

ша-человѣкъ, и съ нимъ было весело, а Демьяновъ дорожилъ всегда любовью большинства; вотъ тогда-то и проскользнула у всѣхъ мысль, что Надежда Ивановна ничто иное, какъ докучливый зритель. Школярская замашка подразниванья началась надъ Демьяновымъ; къ нему приставали, что онъ, должно быть, боится жены, должно быть онъ того-то и того-то не посмѣетъ сдѣлать.

У Демьянова не хватило ни силы, ни сердца, ни умѣнья разомъ остановить эти попытки, смѣло сказать, что дѣйствительно *страшно ему оскорбить*, убить и обмануть единственное сердце, которое его никогда не обманетъ и для котораго онъ не мужъ, не любовникъ, а предметъ служенья на всю жизнь. Демьяновъ сталъ поддаваться на эти приставанья, и когда его брала злость, онъ сгонялъ эту злость на женѣ, какъ на невинной причинѣ всего того, что его раздражало.

Потомъ ему становилось жаль ее и сыпались на нее ласки наединѣ. Иной разъ Надежда Ивановна понимала, что нѣчто враждебное къ ней носится среди ея посѣтителей; но чаще думала она, что это ей кажется, и боясь, не слишкомъ ли она серьезна, старалась поддѣлаться подъ ихъ веселье, потому что подъ гнетомъ заботъ и веселье ея погасло давно. Иногда ей хотѣлось другихъ людей — посерьезнѣе, другихъ рѣчей — пообдуманнѣе, другихъ сужденій — поопытнѣе, другихъ взглядовъ, болѣе проникнутыхъ и сердцемъ и житейской мудростью, но она боялась, что Демьянову будетъ не по себѣ въ такомъ обществѣ — и она не смѣла желать его. Для нея не было жизни внѣ жизни ея мужа; удовольствіе, котораго она не могла съ нимъ раздѣлить, не было для нея удовольствіемъ, и то, что не нравилось ему, теряло цѣну въ ея гла-

захъ; тѣмъ болѣе не желала она того, что могло бы стѣснить его и сдѣлать для него домъ чуждымъ и скучнымъ.

На этомъ основаніи она отреклась отъ своей литературной дѣятельности. Не легка была для нея жертва, но и эта жертва прошла незамѣченной Демьяновымъ и ничто никогда не напоминало ему о ней.

На вопросъ одного литератора, почему она выбыла изъ ихъ среды: не потому ли, чтобы въ гостиной у нея Демьяновъ былъ королемъ самъ, а не мужемъ королевы?—она сердито отвернулась и покраснѣла отъ досады. Вообще, когда ее хвалили въ ущербъ качествамъ ея мужа, она отвергала эти похвалы съ негодованіемъ.

Но рѣдки стали ея встрѣчи съ тѣми, которые бы ее такъ похвалили. Напротивъ того, она такъ стушевывалась передъ своимъ мужемъ, такъ искусно выдвигала его впередъ, такую цѣну придавала ему своей неизмѣримой любовью, что ей нецеремонясь говорили похвалы наружности ея мужа такимъ тономъ, какъ будто-бы яркостію этихъ похвалъ хотѣли ее совсѣмъ стереть съ лица земли. Легкій оттѣнокъ уваженія оказывали ей только тѣ изъ товарищей мужа, которые уже отдѣлились отъ массы, и оттого Надежда Ивановна радостнѣе встрѣчала ихъ а впрочемъ ничего нельзя было замѣтить, повидимому и ей жилось весело и шумно.

Слухъ объ этой веселой жизни о томъ, что домъ ея всегда полонъ гостей, наконецъ встрѣча на балѣ, гдѣ Куклавина, не смотря на свое красивое лице, просидѣла въ своемъ грозелевомъ штофномъ, скупо сшитомъ платьѣ въ углу залы, какъ незамѣченная никѣмъ кукла, тогда какъ Надежда Ивановна, уступавшая ей молодостью и красотой, танцовала всѣ кадрили съ лучшими танцорами, была встрѣчена и окружена во время

всего бала блистательной молодежью; потомъ, встрѣча на улицѣ неуклюжей извощичьей кареты, или саней съ синей сѣткой на уродливыхъ лошадяхъ Куклавиной, со щегольскими экипажами и рысаками Демьяновой, распалили до красна неумолимой ненавистью завистливую душу Куклавиной.

Въ театрѣ, въ оперѣ, Демьяновы постоянно сидѣли въ бель-этажѣ, а Куклавина и во французскомъ театрѣ сидѣла *надъ* бель-этажемъ, а что всего хуже — Демьянова ее тамъ видѣла: за это одно Куклавина ее до неистовства возненавидѣла! Да и наконецъ рядомъ съ Демьяновой постоянно ея мужъ—красивый, ловкій, элегантно одѣтый, въ формѣ одного изъ самыхъ блистательныхъ полковъ: положимъ, онъ и братъ Куклавиной, да онъ не съ нею, и едва при разъѣздѣ ей поклонится: никогда въ ложу не зайдетъ, рядомъ съ Куклавиной: ея мужъ, неуклюжій и облысѣвшій, съ вѣчно раскрытымъ ртомъ и выставленными на показъ зубами чиновникъ, хотя и произведенный въ дѣйствительные статскіе, да вѣдь этого на лбу у него не написано!.. И Куклавина разрывалась отъ зависти и злости, а лицо ее все также невинно и кротко улыбалось; за то языкъ ея твердилъ гдѣ только могъ, что бѣдный братъ ея несчастливъ, что Надежда Ивановна *заставила* его жениться, что онъ сдѣлалъ *честный* поступокъ, но вовсе ужъ не любилъ ее тогда, и что она, ужасная женщина, разстроила его со всѣми родными, и что бѣдная Куклавина жестоко отъ него терпитъ, потому что *обожаетъ* своего брата!

При встрѣчахъ съ Демьяновымъ, Куклавинъ унижался всячески передъ нимъ и въ немъ заискивалъ, а Куклавина глядѣла на брата какими-то влюбленными глазами, но и эти ло-

вушки не удавались: Демьяновъ къ нимъ не ѣздилъ и жены своей съ ними не знакомилъ.

Демьянову тогда была противна вся эта комедія, и онъ обыкновенно говоривалъ: — чего они отъ меня хотятъ? вѣдь больше ничего не дамъ, баста!.. довольно и такъ получили! А тебя бы они съѣли!—прибавлялъ онъ, цѣлуя жену.

Они хотѣли не того; они хотѣли больше: мысль оторвать его отъ жены, разлучить ихъ, вырвать у ней ея счастье—непокидало ихъ; это были лучшія и любимѣйшія грезы самой Куклавиной. Мужъ же ея, осуществивъ посредствомъ ея давнишнія мечты свои—сближенія съ семействомъ начальника, и кромѣ служебныхъ надеждъ и карточнаго выигрыша не мечтавшій никогда ни чемъ, охотно раздѣлялъ стремленія своей жены, расчитывая, что тогда Демьяновъ попадетъ имъ въ руки, и тогда можно будетъ съ него при этомъ случаѣ попользоваться, также какъ попользовались дядюшки, пока *онъ* находился подъ ихъ вліяніемъ.—*Главное—пріобрѣсти* надъ нимъ вліяніе!

ГЛАВА IV.

И такъ, ни петербургская жизнь, ни жизнь въ деревнѣ, не были легки для Надежды Ивановны; но въ деревнѣ ей силы давало сознаніе, что она одна только и можетъ, не смущаясь ничѣмъ, распутывать запутанный мотокъ долговъ и тяжбъ. Тутъ, кстати, появилась новая тяжба: дядюшка подалъ искъ на сто тысячъ, и значеніе акта, даннаго такъ

ловко Демьянову для подписи подъ шумокъ, подъ именемъ затеряннаго акта Нины, и подписаннаго по приглашенію дядюшки въ присутствіи самаго Демьянова лучшими его друзьями, Риделемъ и Данилевичемъ, — объяснилось.

Демьяновъ пришелъ въ ужасъ. Надежда Ивановна въ ужасъ не пришла, но рѣшилась бороться и оспаривать искъ до послѣдней возможности.

А спустя годъ, и другой дядюшка, подговорившій Демьянова, по незнанію законовъ, замѣнить дарственную заемнымъ письмомъ, и поставившій въ заемномъ письмѣ сумму всю безъ вычета совершенныхъ уже уплатъ, подалъ ко взысканію тоже это заемное письмо и, не смотря на представленныя ему его росписки, упорствовалъ въ показанной первоначально суммѣ. Одновременно съ этимъ, кто-то еще взявшій вексель такъ, *для памяти только*, и давшій слово не представлять его,— подалъ тоже ко взысканію. Въ теченіе того же времени кто-то другой взыскивалъ по поручительству, а доходы съ имѣній всѣ были взяты впередъ за четыре года безъ вѣдома и согласія Демьянова. У него голова кружилась, и онъ бы растерялся, если бы жена не твердила ему, что надо бороться, надо не поддаваться, и, въ особенности, надо не показывать противникамъ, какъ много онъ озадаченъ.

Послѣ ея словъ онъ успокаивался, но боролся не самъ, а все ее посылалъ бороться, твердя ей: ты лучше это сдѣлаешь; я не съумѣю, меня ни чему не учили, меня всякій можетъ обмануть!

Надежда Ивановна думала про себя, что ее этому тоже не учили, но что всегда можно научиться, если кто сознаетъ долгъ или нужду въ знаніяхъ такого рода.

Она не отказывалась и вѣрила, что тотъ, кто посылаетъ

ее за себя на битву и работу, побоится суда своей собственной совѣсти, если и придетъ ему искушеніе, а чтобы искать искушенія самому—этого она и не воображала!.. Она просто вѣрила въ честность мужа.

Не останавливаясь ни передъ какой жертвой для мужа, когда мать Демьянова, которая возвратилась въ Россію и, проѣздомъ черезъ Петербургъ, сошлась съ ней, стала къ ней даже ласкова и попросила сына и невѣстку, чтобы они позволили Куклавинымъ бывать у нихъ, — Надежда Ивановна согласилась тотчасъ, хотя Михаилъ Сергѣичъ дѣлалъ ей знаки отрицанія и самъ упорно отвѣчалъ: — право мы можемъ отлично жить другъ безъ друга, между нами ничего нѣтъ общаго! Мѣсто Куклавина не въ нашемъ семействѣ ужъ по одному его рожденью, а сестру я едва знаю: я былъ въ полку, когда она поступила въ институтъ!

Марья Петровна плакала, слушая эти рѣчи, настаивала, умоляла, обращаясь къ невѣсткѣ, — и Надежда Ивановна, убѣжденная въ любви своего мужа, отважная этой любовью, не побоялась вторженія Куклавиныхъ въ ея домъ, и дала свекрови своей согласіе на свиданіе съ ними.

Они свидѣлись; Куклавинъ былъ почтительно-важенъ, Куклавина облобызавъ руки брата съ кошечьей невинностью и змѣиной кротостью протянула руку Надеждѣ Ивановнѣ, глядя въ сторону, какъ пойманная. Демьяновъ смотрѣлъ раздраженно и холодно; Надеждѣ Ивановнѣ было тяжело: это короткое свиданіе не сблизило ихъ и ничего не измѣнило въ ихъ чувствахъ и отношеніяхъ, только стали ѣздить они другъ къ другу въ два, три мѣсяца разъ.

Все шло отличнымъ порядкомъ. Надежда Ивановна платила кредиторамъ, переписывалась съ управляющими и забо-

тилась постоянно о томъ, чтобы домъ ея былъ домомъ довольства и чтобы все дѣлалось безъ малѣйшаго стѣсненія и пожертвованія со стороны ея мужа.

Демьяновъ увѣрялъ жену, что съ каждымъ днемъ больше ее любитъ, что если бы жену можно было создать на заказъ, то онъ для себя ничего бы лучшаго не придумалъ; и она ему вѣрила потому, что не чувствовала за собой причины ему не вѣрить.

Иногда только ей въ тягость становилось его безконечное бражничанье, да тоску наводила пустота разговоровъ съ дѣвицами Турбиными, которыя такъ себя держали, какъ будто ходятъ не къ ней и не для нея, и которыхъ онъ ввелъ къ ней въ домъ, заставивъ ее съ ними познакомиться съ помощью друга своего Вуцинскаго, насказавъ приэтомъ съ нимъ вмѣстѣ множество ѣдкихъ шутокъ на счетъ ея мнимой ревности ей въ глаза и передъ другими.

Въ первый разъ слово *ревность* было выведено на сцену; до той поры Надежда Ивановна была далека отъ мысли, чтобы кто либо могъ ее заподозрить и упрекнуть въ ревности.

Дѣйствительно, душа ея была чужда животной ревности: она не допускала мысли, чтобы ея мужъ, бранившій такъ нецеремонно вслухъ всѣхъ дурныхъ мужей, могъ оскорблять ея сердце обманомъ и подвергать физическое здоровье матери своихъ нѣжно любимыхъ дѣтей и такой преданной, его же любовью выбранной жены вѣроятнымъ случайностямъ своихъ *удовольствій*; она не допускала, чтобы, наконецъ, какъ честный человѣкъ, онъ, посылая ее на трудъ, заботу и битву за него же — платилъ ей въ это время обманомъ. А потому его возвращенія подъ утро съ попоекъ, его отлучки

изъ дому по вечерамъ и ужины по ресторанамъ — не возбуждали въ ней никакихъ подозрѣній. Зная его способность увлекаться и его безсиліе противиться, она говорила только, что частое бражничанье несовмѣстно съ достоинствомъ семьянина; она боялась за здоровье его, просила его, но получала въ отвѣтъ нетерпѣливый жестъ и нетерпѣливое восклицаніе. Онъ не занимался, какъ и чѣмъ кончитъ Демьянова и не думалъ что она худо кончитъ.

Боялась она и за вѣрность, но совсѣмъ иначе: боялась она въ немъ увлеченья до страсти, до чувства; она помнила его влюбчивость и знала его непривычку, неумѣнье разсуждать, и его до слѣпоты и жестокости доходящее упрямство. Она боялась, чтобы его не вовлекли въ романъ, боялась для него искушеній, твердо помня французскую пословицу: l'occasion fait le larron-- и кромѣ того знала, что если онъ нарушитъ хоть разъ святыню чувства, то потомъ уже не будетъ возжей для его воображенія: все, что было велико, чисто и свято въ ихъ отношеніяхъ — покажется ему тогда разрушеннымъ призракомъ, не болѣе.

Впрочемъ, одинъ изъ старшихъ офицеровъ въ полку, Пушкаревъ, извѣстный всѣмъ какъ дурной мужъ, да и другіе дурные мужья возбуждали въ немъ такое громкое негодованіе!— Цѣломудренный графъ Бородкинъ раздѣлялъ почти всегда его пирушки, даже Вуцинскій, который находилъ какъ бы наслажденье толкать его въ грязь разныхъ неблаговидныхъ знакомствъ, а потомъ, въ видѣ шуточки, разсказывать это при немъ же его женѣ—увѣрялъ ее клятвенно, что онъ, Вуцинскій, не способенъ помогать Демьянову ни въ чемъ дурномъ, и Надежда Ивановна старалась превозмочь свои тревожныя мысли.

Странно только ей было, что онъ какъ-то особенно сошелся съ Вуцинскимъ и съ графомъ Бородкинымъ, тогда какъ она чувствовала, что они оба ее не любятъ: Вуцинскій позволялъ себѣ въ присутствіи ея мужа выставлять ее на посмѣшище или раздражать, и Демьянову это какъ будто пріятно было; странно ей тоже было, что иногда онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, переходилъ отъ симпатіи къ антипатіи къ кому нибудь изъ самыхъ юныхъ товарищей, точно будто тотъ обошелъ его гдѣ-то, на какой-то дорогѣ;—но всѣ эти странности мелькнутъ и исчезнутъ, останавливаться на нихъ она боялась: она вѣрить хотѣла! — Одну радость въ жизни своей—любовь мужа - она, казалось ей, нашла и разстаться съ нею... да она и подумать не могла. Она понимала, что когда эта карта ея жизни будетъ убита, ей, какъ проигравшему игроку, ничего не останется, кромѣ растерянности мыслей и оцѣпенѣнія чувствъ.

Знали ли это всѣ эти мудрецы жизни, знатоки сердца человѣческаго, гордые своимъ умомъ и характеромъ, люди, считавшіе себя непогрѣшимыми, хотя, въ сущности, ихъ сердцевѣдѣніемъ не одарилъ Господь,—но они забавлялись горемъ и семейнымъ счастьемъ, святостью домашняго очага и честью человѣка съ такимъ же несознаніемъ своей жестокости и своего грѣха, какъ мальчишки, которые ощипываютъ перья у живой птицы.

Графъ Бородкинъ, зачитывавшійся до обморока военнаго устава и прочихъ вещей въ этомъ родѣ и никогда ничѣмъ не увлекавшійся, потому что помнилъ, что увлеченье даромъ не дается, а заплатить всегда чѣмъ нибудь за него надо, рѣшилъ испытывать увлеченія *наглядно*—любилъ быть зрителемъ, а не актеромъ, потому что изъ ложи смотрѣть на фо-

кусы всегда безопаснѣй, чѣмъ самому въ нихъ участвовать. Для него Демьяновъ былъ забавный, занимательный актеръ.

Вуцинскій, въ школѣ еще любившій заправлять всякой штукой, одержимый любопытствомъ до болѣзненности, съ страстнымъ стремленьемъ быть коноводомъ и съ совершеннымъ непониманіемъ, гдѣ тотъ рубежъ, за которымъ начинается оскорбленіе сердца, одаренный дерзостью рѣчей, которую принималъ самъ и пріятели его за остроуміе, весьма не глупый отъ природы, быть можетъ даже и сердца не дурнаго, но совершенно неразработанныхъ ума и сердца, съ направленіемъ одностороннимъ, съ понятіями не вынесенными ни изъ какого опыта или наблюденія и составленными имъ самимъ для себя же, самолюбивый, но плохо увѣренный въ своихъ силахъ — сошелся съ Демьяновымъ потому, что проникъ въ немъ многія слабости его натуры и характера. Демьяновъ былъ старше его и службой и годами. — Вуцинскому, въ глубинѣ души, было сладко сказать себѣ:—вотъ они, наши старшіе-то! глядя на Демьянова, подъ шумокъ попойки дѣлающаго глупости, и онъ не отставалъ нигдѣ отъ него.

Такъ или иначе, только новые друзья Демьянова не любили его жены.

Много ли имѣлъ на совѣсти своей упрековъ Демьяновъ— трудно было рѣшить, но замѣтно было, что Бородкинъ, человѣкъ серьезный, не такъ ему былъ близокъ, какъ Вуцинскій, что Вуцинскаго онъ нигдѣ не стѣснялся: Вуцинскому все извѣстно, Вуцинскій все для него становился необходимѣе и все чаще и чаще Вуцинскій, чтобы поддержать его, разсказывалъ всѣмъ о томъ, что Надежда Ивановна ревнивая жена, давая такимъ образомъ Демьянову средства прикры-

ваться отъ людской наблюдательности въ своихъ весьма не невинныхъ похожденіяхъ.

Пушкаревъ, встрѣчая ее постоянно въ какой то суетѣ, разъ остановилъ и спросилъ ее, куда она все ѣздитъ?

— По дѣламъ, отвѣчала она.

— А мужъ?

— Не любитъ и не привыкъ... я свыклась, и онъ думаетъ, что я лучше сдѣлаю все...

— Охъ вы, бѣдная! воскликнулъ Пушкаревъ, потрепавъ ее по рукѣ.—Дай Богъ не быть дурнымъ пророкомъ, а вѣдь отблагодаритъ!.. Вспомяните меня, что отблагодаритъ!.. И потомъ спохватясь, что онъ говоритъ о товарищѣ и что это у нихъ не принято, прибавилъ: —мы всѣ таковы!..

— Неужели и Мишель таковъ? подумала Надежда Ивановна и огорченная отошла отъ Пушкарева.

Но у нея были дѣти и она продолжала свои труды надъ состояніемъ и не отказывалась отъ поѣздокъ.

Надеждѣ Ивановнѣ сталъ неправиться тонъ, который съ нѣкоторыхъ поръ завелся у нея въ домѣ; но если она себѣ позволяла замѣчаніе, оно отвергалось съ колкостью или обращалось въ шутку. Демьяновъ ласкалъ ее и выказывалъ ей любовь по прежнему, но только лишь наединѣ, а въ присутствіи своихъ короткихъ знакомыхъ сталъ обращаться съ нею пренебрежительно, иногда какъ будто забывалъ о ней или не замѣчалъ ея присутствія.

При Вуцинскомъ, въ особенности, Демьяновъ какъ будто совѣстился любить жену: Вуцинскій столько разъ проповѣдовалъ, что жена носитъ имя и пользуется состояніемъ мужа, а затѣмъ *она ни на что болѣе претендовать отъ него не имѣетъ права*, что любить жену послѣ 7—8

лѣтъ супружества — пошло, глупо и переходитъ въ смѣшной романъ. Демьяновъ слушалъ и невольно всѣ его прежнія шаткія вѣрованія распадались какъ призракъ: ему легче было жить безъ нихъ.

Когда Надежда Ивановна печально задумывалась, глядя на мужа, Вуцинскій, подмѣтивъ ея взглядъ, говорилъ:

— А вѣдь хорошъ вашъ мужъ, чрезвычайно хорошъ, — il plaît aux femmes! — Пріятно вѣдь имѣть мужемъ такого красавчика!..

По тону, какимъ это говорилось, Надежда Ивановна чувствовала, что между ею и имъ проводили параллель, и непремѣнно въ ущербъ ея достоинствамъ.

Графъ Бородкинъ приставалъ тоже; но чтобы подшутить, не все же говорить о серьезномъ.

— Сознайтесь, что вы влюблены въ вашего мужа. Вѣдь онъ очень хорошъ?

Надежда Ивановна нетерпѣливо пожимала плечами.

Какъ ни рѣдко бывала она у Куклавиныхъ, но стоило ей показаться туда съ мужемъ, какъ единственныя три дамы, составлявшія общество Куклавиной, во весь вечеръ ни съ чѣмъ другимъ не обращались къ ней, какъ съ похвалами *красотѣ* ея мужа.

— Ахъ, мадамъ Демьянова, какъ хорошъ вашъ мужъ!

— Вы не сердитесь, что я восхищаюсь красотой вашего мужа!

— Я просто глазъ отъ него отвести не могу!

— Сознайтесь, вы очень имъ гордитесь?

— Mais il est magnifique, votre mari! Vous ne m'envoulez pas?

А Куклавина при этомъ устремляла подобострастно глаза на брата или подлетала цѣловать его съ приторной улыбкой.

Надежда Ивановна чувствовала, что все это дѣлалось не спроста, а для ея униженія, для проведенія между ними параллели, и эти возгласы пріятельницъ Куклавиной были ей смѣшны своими попытками и гадки своею приторностью, возмутительны преднамѣренностью.

— Восемь лѣтъ я замужемъ, думала она, — мужъ мой былъ красивѣе; что же имъ *теперь только* такъ стали восхищаться и замѣчать его красоту? Да неужели же въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ красоты?—Ей и за него становилось обидно.

— Чего они всѣ хотятъ отъ меня? что я имъ сдѣлала?.. И озлобленная, она колко отвѣчала иной разъ на эти приставанья и возгласы.

Удивляло ее только, что мужа это вовсе не задѣвало; онъ говорилъ иногда, что ему скучно, надоѣдаетъ, но что, впрочемъ, обиднаго онъ для жены своей ничего не видитъ: ей напрасно *кажется*, будто это съ намѣреніемъ, и что это такъ... Уже они не одинаково понимали вещи и не за одно чувствовали.

Внѣ Петербурга Демьяновъ становился иной, прежній и *тамъ* всѣ были убѣждены, что жену свою онъ любитъ такъ же сильно, а можетъ быть и сильнѣе, чѣмъ въ первые года; тамъ онъ не совѣстился любить ее, и въ провинціи не рѣшались подкапываться подъ ея счастіе, убѣжденные по тому вліянію, которое она имѣла въ его дѣлахъ, что она имѣетъ и надъ нимъ самимъ вліяніе. Онъ видѣлъ осязательно трудъ и полезность жены, чувствовалъ, что ея твердости и прямотѣ онъ обязанъ возстановленіемъ своего разрушеннаго кредита—и

снова жилъ съ нею душа въ душу: говорилъ съ нею отъ души, разсуждалъ и чувствовалъ глубже, а здѣсь — мишурное мерцанье въ пустомъ пространствѣ поглощало его всего: — онъ не употреблялъ своего времени, а убивалъ его.

Когда кто попадетъ на эту точку, добру не бывать! Что такое развратъ въ существѣ своемъ, какъ не привычка дурныхъ дѣлъ и спокойное, какъ бы должное, совершеніе ихъ? Вотъ, это и есть душевный развратъ, въ какихъ бы формахъ ни выражался онъ.

Тяжбы съ дядюшками, злоупотребленія по имѣньямъ, вопли и угрозы кредиторовъ омрачали все болѣе и болѣе веселье Надежды Ивановны, а жажда скорѣе выйти на прямую дорогу изъ всѣхъ этихъ запутанныхъ путей такъ ее поглощала, что въ тонкія разбирательства окружавшаго ея міра она не входила, хотя иногда пробуждалось въ ней негодованіе отъ шуточекъ и насмѣшливыхъ фразъ, бросаемыхъ ей Вуцинскимъ и самимъ Демьяновымъ, и въ особенности призрѣннымъ ею въ домѣ своемъ—родственникомъ мужа, Эдуардомъ В... Надъ ней всѣ они обидно подтрунивали, занимая такимъ образомъ барышень Турбиныхъ, которыя громко смѣялись остроумію этихъ господъ, въ невинности сердецъ своихъ не чувствуя ни малѣйшей неловкости оттого, что цѣлью этого остроумія была хозяйка дома. Демьяновъ съ ними шептался, жаловался на жену,—они приняли въ его горестяхъ сердечное участіе и стали явно холодны къ ней, подобострастны къ нему. Оскорбленное достоинство все сильнѣе и сильнѣе возмущалось въ Надеждѣ Ивановнѣ: она отвѣчала мѣтко, колко, а Демьяновъ спѣшилъ свою любезностью скорѣе загладить впечатлѣніе ея мѣткаго отвѣта. Счастіе ихъ семейное начало расшатываться, единство было подорвано: и вотъ тутъ-

то Куклавинъ привезъ изъ деревни сестру свою Кукленьеву, двадцатилѣтнюю дѣвушку, воспитанную въ пансіонѣ и пожившую ужъ года три въ деревнѣ на свободѣ между больной, забитой матерью и развратившимся до мозга костей отцомъ, который, не стѣсняясь формою своихъ поученій, разъяснялъ понятливой дочкѣ свою жизнь и свои правила жизни и нравственности.

Кукленьеву звали Аглаей; она была и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи вѣрный снимокъ съ своего отца: кровь его и натура были цѣликомъ въ ней; Кукленьевская порода высказывалась вполнѣ. Молода она была, а между тѣмъ въ душѣ ея было рѣшено, что все вздоръ и призракъ, кромѣ наслажденья и личнаго произвола. Въ деревнѣ она имѣла неудавшійся романъ съ сосѣдомъ, и мать, боясь за нее, вздумала отправить ее погостить въ Петербургъ, поразвлечься и забыть сосѣда, который понялъ Аглаю, испугался этой натуры и этихъ правилъ, и чтобы избавиться отъ женитьбы на ней, увѣрилъ всѣхъ, что онъ женатъ тайно, только не живетъ вмѣстѣ съ женой, даже показалъ какое-то письмо, уничтожающее всякое сомнѣніе, и уѣхалъ. Аглаю отправили въ Петербургъ озлобленную и испытавшую уже жизнь не по однимъ разсказамъ; она пріѣхала къ Куклавинымъ, гдѣ сначала дико осматривалась, изучая въ тихомку лица, съ которыми готовилась пожить.

Въ домѣ у Куклавиныхъ все было скупо, во всемъ наблюдался тотъ же копѣечный расчетъ, который наблюдался и въ деревушкѣ ея матери; но тамъ это менѣе ей кололо глаза, тогда какъ здѣсь, въ Петербургѣ, Аглая въ воздухѣ чувствовала всѣ прихоти роскоши, она видѣла эту роскошь сквозь окна магазиновъ и ресторановъ, видѣла ее въ нарядахъ, въ

самодовольныхъ лицахъ, а болѣе всего въ экипажахъ и нарядахъ камелій. Собой она была видная, большаго роста, съ густыми и длинными волосами какого-то свѣтлобураго цвѣта. Глаза маленькіе, почти безъ рѣсницъ и безъ бровей, съ хитрымъ и недобрымъ взглядомъ, вѣки глазъ слегка нависшія, какъ у ея отца; профиль тонкій и красивый, бѣлая кожа лица, замѣтныя веснушки, красивые ровные зубы, ротъ съ улыбкой наглости и безстыдства, фигура вызывающая, слишкомъ прямая и какая-то негибкая, нога съ легкой кривизной у щиколки, пальцы руки тоже съ легкой кривизной, вся же вмѣстѣ недурная, свѣжая, видная, но безъ благородства породы женщина,—вотъ какова была Аглая!

Какъ всѣ безсердечные люди, она была рѣшительна въ выборѣ средствъ; въ ея двадцатилѣтнемъ существѣ были уже всѣ развратные инстинкты отца и спекулятивный духъ Куклавина. Она была озлоблена своей сердечной неудачей и искала на комъ бы вымѣстить ее; это ей придавало много того рѣшительнаго и спокойнаго кокетства, той жажды побѣдить и держать въ состояніи рабства при себѣ поклонника, которая всего болѣе даетъ успѣхъ женщинамъ и упрочиваетъ за ними моду.

Любить она не могла: она по натурѣ своей была холоднѣе льда; но тѣмъ полнѣе и искуснѣе могъ быть въ ней развратъ, тѣмъ изобрѣтательнѣе и ловче могла она выказывать страсть, которой не чувствовала. Она любить не могла, но могла завлечься достиженьемъ цѣли; цѣль же ея первоначально состояла въ томъ, чтобы тотъ, кто пренебрегъ ею—этотъ сосѣдъ — услышалъ и убѣдился, что вотъ она какова и какія глупости для нея можно дѣлать! У ней душа была такого склада, что она могла желать зла и страданія другимъ, и желала она его до стра-

сти: ей надо было всегда кому нибудь мстить и кого нибудь ненавидѣть.

Невѣстка ея, Лидія, ненавидѣла Надежду Ивановну; Аглая скоро поняла это, какъ поняла тоже, что баронъ Штоссъ, начальникъ Куклавина, былъ близкій человѣкъ у Куклавиныхъ въ домѣ.

Куклавинъ получалъ награды по службѣ и хорошо понималъ, что иначе онъ бы этихъ наградъ не получалъ; онъ не хотѣлъ мѣшать ни женѣ, ни барону, но ему хотѣлось, чтобы все это дѣлалось въ глубочайшей тайнѣ, а баронъ Штоссъ былъ человѣкъ другихъ принциповъ: онъ любилъ щеголять хорошенькой пріятельницей, если у него такая заводилась, какъ щеголялъ бы красивой парой рысаковъ или щегольской, модной коляской. Присутствіе дѣвушки, сестры въ домѣ, какъ бы постоянно при женѣ, давало видъ невѣдѣнья мужу; Куклавинъ былъ какъ будто мужъ, какихъ много,—мужъ обманываемый, но не мужъ сообщникъ. Какъ ни были гадки люди этой семьи, они не рѣшались объясниться между собою на прямикъ; они имѣли отвагу дѣйствій, но отваги разъясняющихъ словъ не имѣли, и потому каждый не вдругъ понялъ свое положеніе и нѣкоторое время всѣ они не понимали другъ друга.

Куклавина боялась Кукленьевой; Кукленьева не могла рѣшить, знаетъ ли братъ, но рѣшилась лучше помогать невѣсткѣ, нежели брату, ужъ за то одно, что баронъ Штоссъ былъ съ нею очень любезенъ, въ слухъ хвалилъ ея красоту, восхвалялъ умъ, la fesait mousser, какъ говорятъ французы; Куклавинъ высказалъ громко, что теперь онъ свободенъ и можетъ болѣе располагать собой, не обязанъ сопровождать жену *потому, что она не одна*, и такимъ образомъ да-

валъ болѣе свободы Штоссу, и при томъ со всѣмъ должнымъ сохраненіемъ приличія.

Одинъ Штоссъ, какъ человѣкъ бывалый, понималъ ихъ всѣхъ—и не церемонился съ ними. Онъ сталъ показываться въ театрѣ съ Куклавиной и Кукленьевой, его видѣли съ ними ежедневно на Невскомъ отъ 3 до 5 часовъ, онъ афишировалъ своимъ безсмѣннымъ присутствіемъ отношенія свои къ Куклавиной какъ могъ, и говорилъ объ Лидіи и Аглаѣ не иначе, какъ *мои дамы*. Куклавинъ болѣе прежняго сталъ усердствовать къ службѣ: онъ аккуратнѣе ходилъ на службу и долѣе тамъ просиживалъ, а вечера проводилъ гдѣ нибудь за картами или рулеткой, чтобы не мѣшать женѣ и ея чичисбею пользоваться взаимностью, подъ прикрытьемъ Кукленьевой.

И вотъ, Кукленьевой всѣ стали льстить, потому что всѣ нуждались въ ней: и братъ, и невѣстка, и баронъ Штоссъ. Мало по малу она всѣхъ въ домѣ забрала въ руки, а такъ какъ ей было скучно, то она позволяла ухаживать за собою самымъ свободнымъ образомъ разнымъ кузенамъ и недорослямъ, захаживавшимъ въ домъ Куклавиныхъ, между прочими даже Эдуарду В., бѣдному родственнику Куклавиной, обиженному природой и людьми, а потому вредному всѣмъ по озлобленному языку своему.

Передъ всей этой молодежью она высказывала очень бойко сужденья и правила, которыхъ наслушалась отъ своего отца; молодые люди поражались, находили ее передовою барышнею, слушали разинувъ рты, и такъ какъ она ни мало не возмущалась свободою ихъ обращенья съ нею, то всѣ крѣпко льнули къ ней. Куклавина, подчиняясь все болѣе

вліянію Штосса, а Штоссъ все болѣе влюбляясь въ Куклавину, оба были очень рады, что Аглая занята не ими.

Аглая очень хорошо понимала, что брату ея нечего открывать глаза, что онъ все превосходно знаетъ и видитъ; но она была способна въ минуту злости своей разыграть наивную роль и ошеломить тогда всѣхъ трехъ въ личномъ ихъ присутствіи, такъ что послѣ этого ужъ продолжать подобный порядокъ отношеній стало бы невозможнымъ. Вотъ чего и боялись всѣ они. Ее не выбрали въ повѣренные прямо, ей никто не рѣшался объясниться и довѣриться, слѣдовательно она ничѣмъ не была связана и, сознавая всю выгоду такого положенія, хорошо понимала, что можетъ ихъ всѣхъ, въ случаѣ надобности, поразить, а потому и держала ихъ въ рукахъ.

За то на нее ужъ не было ни малѣйшей узды, ей не смѣли совѣтовать, ее никто не смѣлъ стѣснять не только запрещеньемъ, но даже простымъ замѣчаньемъ. Угодно ей было ночью кататься въ лодкѣ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ поклонниковъ или подъ ручку съ нимъ пойти въ 11 часовъ вечера гулять по улицамъ, или до 6 часовъ утра просидѣть въ своей комнатѣ съ кѣмъ нибудь въ одиночку; угодно не выходить къ гостямъ, не выходить къ обѣду или завтраку, уходить ночевать изъ дому къ какой-то пріятельницѣ, сидѣть въ гостиной въ уголкѣ и шептаться весь вечеръ съ Эдуардомъ, пересмѣивая всѣхъ присутствующихъ—ее ни въ чемъ не останавливали. Посторонніе шокировались часто ея пріемами и поведеньемъ, но въ домѣ все это какъ будто нравилось.

Зато не было мѣры похваламъ, которыя расточали ей юные господа, пользовавшіеся ея вниманьемъ. Эдуардъ, почти

еще мальчикъ, и мальчикъ бѣдный, на котораго никто никогда не обращалъ вниманія, получалъ отъ нее на свою долю разныя, весьма лестныя для него ласки, и за это Эдуардъ былъ какъ купленный ею: весь въ ея распоряженіи, весь за нее. Онъ былъ остеръ, злоязыченъ, любопытенъ, наблюдателенъ, да кромѣ того воспитанный въ Парижѣ, могъ просвѣтить ее во многомъ на счетъ парижской жизни. Душа его была озлоблена, потому что у него-то не было ни души въ мірѣ, которая бы принимала въ немъ искреннее участіе; онъ мотался между людьми, какъ лишній человѣкъ, и люди, между которыми онъ постоянно вращался, относились къ нему какъ-то пренебрежительно, а онъ озлоблялся за то противъ всѣхъ.

Эдуардъ пристрастился тоже къ прогулкамъ Куклавиной со Штоссомъ. Идучи рядомъ съ Аглаей, онъ ей называлъ каждую камелію, обращалъ вниманіе Аглаи на нарядъ, на коляску, на побѣдоносный видъ, и повторялъ: — „они всѣ хороши, всѣ свѣжи, потому что всѣ счастливы; вотъ какъ всякая умная женщина должна устроить свою жизнь, разумѣется съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

— Вы правы, отвѣчала Аглая, завистливыми глазами провожая каждую коляску и каждую шляпку.

— Напримѣръ вы, продолжалъ Эдуардъ: — вы молоды, хороши; но если вы думаете, что найдете себѣ мужа въ Петербургѣ — ошибаетесь!.. Вамъ придется увезти въ деревню опять вашу молодость и красоту.

— Ни за что! воскликнула Аглая: я не поѣду больше задыхаться въ этой противной деревнѣ.

— Что же вы сдѣлаете?

— Придумаю.

— Не выйдете ли вы замужъ за племянника Штосса?—онъ приличная партія. И Эдуардъ прищурился.

— Три тысячи рублей въ годъ содержанья и больше ничего! воскликнула Аглая съ негодованіемъ.

— Чтожъ, вы будете прогуливаться сами пѣшкомъ съ корзиночкой на рынокъ! Эдуардъ захохоталъ.

— Нѣтъ, это не въ здѣшнихъ нравахъ, отвѣчала Аглая; въ здѣшнихъ нравахъ — считаться съ кухаркой до обморока и ловить ее на полукопѣйкахъ,— и Аглая съ презрѣньемъ надула губы и пожала плечами.

— Интересно поглядѣть бы на васъ въ этой роли!

— Меня вы въ этой роли не увидите.

— Отчего нѣтъ?.. Теперь дѣвушки безъ приданаго замужъ не выходятъ: перебирать вамъ не слѣдуетъ.

— Демьянова не имѣла ни гроша, а вышла же за Михаила Сергѣевича.

— Это было десять лѣтъ тому назадъ.

— Нѣтъ не оттого, а просто на такого напала. Знаете какъ я думаю о Демьяновѣ?—онъ способенъ и теперь жениться.

— Да вѣдь онъ женатъ?

— Положимъ! Я это говорю къ тому только, что надо съумѣть *человѣка* выбрать.

— А славные экипажи у Надины—замѣтилъ Эдуардъ—и вообще она себѣ ни въ чемъ не отказываетъ; они понимаютъ жизнь—всякій день шампанское!

У Аглаи глаза сверкнули, но она молчала.

— Вы знаете, продолжалъ Эдуардъ: у нихъ всякій день гости обѣдаютъ или ужинаютъ. Эполетъ-то, эполетъ сколько? А на столѣ прекрасныя вина, не то что кислятина у Кукла-

виныхъ! Въ театрѣ—въ бель-этажѣ, а ужинаютъ устрицами, en général on fait bonne chair et on comprend la vie.

— И подумаешь, въ чьихъ это рукахъ! сказала Аглая. Она никакой цѣны всему этому не даетъ, она не понимаетъ благъ жизни!

— Да, она бы могла себѣ позволить туалетъ поблистательнѣй, замѣтилъ Эдуардъ, а то всегда строгость въ нарядѣ. Кажется, въ этомъ одномъ она соблюдаетъ экономію.

— Однако я видѣла на ней предорогія вещи, сказала Аглая.

— Это онъ ей подарилъ или заставилъ купить.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да неужели же она вѣритъ, что онъ влюбленъ въ нее послѣ десяти лѣтъ супружества?.. Теперь я понимаю, отчего у него такой гордый и спокойный видъ: она влюблена въ него до безумія, говорятъ.

— А вы бы не любили послѣ десяти лѣтъ?

— Любовь, глупость, въ особенности въ супружествѣ—и если жена хочетъ быть любимой, то должна вести себя съ мужемъ какъ камеліи ведутъ себя съ своими.... Аглая немножко замялась: съ своими друзьями—досказала она.

— Vous savez l'esprit du siècle! воскликнулъ Эдуардъ и захохоталъ.

Такіе разговоры повторялись у нихъ часто, только съ маленькими видоизмѣненіями. Часто Эдуардъ разсказывалъ о жизни Демьяновыхъ и Аглая тогда особенно внимательно его слушала, извлекая изъ этихъ разсказовъ научную пользу для себя въ будущемъ.

Демьяновъ сталъ нѣсколько чаще бывать у Куклавиныхъ съ тѣхъ поръ, какъ они привезли Аглаю къ себѣ въ домъ. Она при немъ страшно кокетничала съ юными своими обо-

жателями, а на него только по временамъ устремляла изъ подлобья длинный и вызывающій взглядъ. Она, впрочемъ, разъ успѣла дать понять Демьянову, какое ея грустное положеніе въ домѣ у его сестры: *она всьмъ мьшаетъ своимъ присутствіемъ*, а между тѣмъ какъ тяжко вспомнить, что надо возвращаться въ эту *ужасную* деревню, въ которой она задыхалась!—Вообще она себя какъ могла опоэтизировала въ его глазахъ.

Демьяновъ внутренно принялъ въ ней участіе.

Въ этотъ годъ опять Надежда Ивановна должна была уѣхать на четыре мѣсяца налаживать порядокъ въ имѣньяхъ и по дѣламъ.

Демьяновъ почувствовалъ себя страшно одинокимъ послѣ ея отъѣзда: тоска взяла его въ опустѣломъ домѣ, гдѣ не слышалъ онъ болѣе звонкихъ голосовъ своихъ красивыхъ, рѣзвыхъ и ласковыхъ дѣтей, и куда входилъ какъ въ пустыню. Подобное расположеніе души всякій разъ на него находило въ первые дни разлуки съ семействомъ, но, проскучавъ недѣлю, другую, онъ весь потомъ отдавался полковой жизни,—ученьямъ и смотрамъ, а немного погодя начиналъ уже радостно считать, сколько дней остается до возврата жены и дѣтей.

Но въ этотъ разъ онъ бывалъ у Куклавиныхъ, и Куклавина едва подмѣтила въ немъ тоску и жажду семейственности, какъ пустила въ ходъ разныя нѣжности съ своей стороны и всевозможную предупредительность,—однимъ словомъ повела правильную атаку на брата, стараясь, чтобы онъ менѣе чувствовалъ отсутствіе своего семейства, менѣе сознавалъ его необходимость, и кромѣ того, изощрялась всячески, чтобы его влекло что нибудь въ ея домъ. Она давно мечтала овла-

дѣть имъ, закабалить его, оторвать отъ жены, сломать ея нравственную силу.

Куклавина поняла Аглаю также точно, какъ Аглая поняла ее; она знала, что жажда побѣды, чувство злобнаго торжества, вкусъ къ романамъ и новость положенія давно уже дали Аглаѣ мысль назначить себѣ въ жертву Демьянова. Кокетство Аглаи со всѣми этими юношами на глазахъ Демьянова не могло ни броситься ему въ глаза и ни навести на него желаніе *поразвлечься*, *подурачиться*, тѣмъ болѣе, что Аглая все допускала и ничѣмъ не смущалась. Она же замѣтивъ, что Демьяновъ чаще прежняго къ ней обращался съ какой нибудь шуткой, вдругъ оставляла своихъ обожателей, усаживалась возлѣ него, и быстро переходила изъ повелительнаго тона, какимъ она говорила съ ними, въ тонъ тихаго ягненка. Это ужасно льстило Демьянову и завлекало его любопытство.

— Что таится въ ней?—думалъ онъ,—что же я значу для нея?.. Капризъ ли это въ ней или чувство?.. И тутъ, переходя тотчасъ къ самолюбію, онъ рѣшалъ, что иначе и быть не могло, потому что эти всѣ мальчишки могутъ ли что либо значить при немъ?.. А между тѣмъ онъ былъ далекъ отъ малѣйшаго желанія ея любви. Аглая часто жаловалась передъ нимъ на судьбу свою и все говорила ему, что она чувствуетъ нелюбовь къ себѣ Лидіи; она умѣла подвести даже тутъ все такъ, какъ будто дѣйствительно о ней и ея удовольствіяхъ всѣ очень мало думали.

— Я, можетъ быть, не должна была бы вамъ это говорить,—вставляла она фразу тономъ сердечнаго довѣрія—но братъ для меня еще болѣе чужой чѣмъ Lydie, ему все равно,

существую ли я: у меня никого нѣтъ!.. а вы такой милый, вамъ можно все сказать!

Такимъ образомъ она какъ бы отдавалась подъ его покровительство: это было лучшее средство сблизить его съ собой.

— Приходите къ намъ почаще—говаривала она уходящему Демьянову:—безъ васъ мнѣ ужасно скучно, только и отдыхаешь когда вы придете, только не говорите этого никому. Когда же вы опять будете?

Демьяновъ назначалъ дни, когда онъ будетъ, и чувствовалъ себя обязаннымъ прійдти; а если забывалъ обѣщаніе, она выговаривала ему печально.

Эдуардъ безпрестанно разсказывалъ Демьянову, какъ она умна, развита и какой имѣетъ успѣхъ.

Куклавина стала посылать Аглаю гулять по вечерамъ, кататься и въ гости — все съ Демьяновымъ. Демьяновъ самъ не понималъ, какъ это онъ попалъ вдругъ въ эту роль, но онъ часто заѣзжалъ въ каретѣ за Аглаей куда нибудь послѣ полуночи, чтобы отвезти ее домой: ему навязывали покровительство и заботы объ Аглаѣ.

Куклавина сдѣлалась вдругъ общительною съ Аглаей и часто онѣ говорили между собой уже довольно откровенно о баронѣ Штоссѣ. Куклавинъ не зналъ гдѣ посадить Демьянова и восторгался тѣмъ, что онъ *чаще* и такъ *родственно* бываетъ у нихъ въ домѣ; онъ не могъ не видѣть, что приманкой Демьянову служитъ Аглая, но онъ видѣлъ только то, что хотѣлъ видѣть.

— А вотъ пріѣдетъ жена твоя и вѣрно *запретитъ!* рѣшилась разъ сказать Демьянову съ змѣиной кротостью Куклавина.

Запретитъ?! — И отъ одной мысли, что могутъ думать, что жена ему что-либо въ правѣ запретить, Демьяновъ возмутился...

— Она не любитъ Лидію, вмѣшалась Аглая.

— Вотъ вздоръ, она будетъ сама рада, что я хорошъ съ сестрой, проговорилъ Демьяновъ.

Однако онъ задумался: зерно яду брошено было искусно; онъ рѣшилъ, что если жена будетъ на него коситься за то, что онъ *часто бываетъ у сестры*, то онъ не долженъ этого замѣчать и ни за что не долженъ уступать ей; — онъ самъ съ собой лукавилъ.

Ежедневныя прогулки по Невскому начались въ другомъ порядкѣ: по прежнему Штоссъ шелъ рядомъ съ Куклавиной, шептался съ ней, разговаривалъ тонкими намеками и безпрестанно подставлялъ ей руку переходить черезъ улицу,—но рядомъ съ Аглаей, вмѣсто приземистаго Эдуарда, красовался Демьяновъ и, по присутствію Демьянова, знакомые и незнакомые стали болѣе замѣчать эту гуляющую группу.

Странно, что въ Петербургѣ, гдѣ такъ много мундировъ, мундиръ все-таки замѣтенъ.

Постоянное присутствіе Демьянова въ особенности было замѣтно потому, что всѣ знали, что у него есть сестра въ Петербургѣ, но что въ продолженіи восьми лѣтъ никто его не видалъ нигдѣ съ этой сестрой, кромѣ какъ у него въ домѣ, и то изрѣдка. Впрочемъ, свѣтъ рѣшилъ, что все это со скуки въ отсутствіи жены.

Надежда Ивановна возвратилась, Демьяновъ встрѣтилъ ее на дебаркадерѣ; дома былъ готовъ обѣдъ и огни были зажжены. Демьяновъ не садился за столъ безъ нея... Однимъ словомъ, она была встрѣчена на этотъ разъ съ какимъ-то

почетомъ, — и странно, ей это не понравилось: ей гораздо было веселѣе, когда онъ бывало все перезабудетъ и ничего готоваго нѣтъ, потому что въ нетерпѣніи онъ не знаетъ какъ дождаться ее, да еще и потому, что, казалось ему, имъ всячески вмѣстѣ будетъ хорошо.

Пока они ѣхали отъ желѣзной дороги къ дому, Демьяновъ объявилъ ей, что сестра стала *къ нему очень добра* и что теперь онъ часто бываетъ у Куклавиныхъ. Какъ будто ножемъ ударило въ сердце Надежды Ивановны, но она промолчала. Погодя съ минуту, Демьяновъ замѣтилъ вдругъ, что вотъ кого она не узнаетъ — Аглаю! *Аглая очень похорошѣла!* — Надежда Ивановна вопросительно на него взглянула и сказала: — Она всегда была не дурна, но нѣтъ ли предмета для разговора поинтереснѣе, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки? — Въ головѣ у нея все еще были дѣла, она все еще не опомнилась съ дороги и не все ему разсказала.

Вошла она въ домъ, и что-то грустное, тяжелое носилось надъ ней: все какъ-то не то, не прежнее... Мужъ *слишкомъ* любезенъ, предупредителенъ, точно будто они не одни, будто кто-то стоитъ между ними...

Она старалась отдѣлаться отъ этого чувства — но не могла.

На другой же день она принялась все устраивать въ домѣ и улучшать. Ей — какъ всегда — было некогда... Но иногда страннымъ ей казалось, отчего Демьяновъ отлучается ежедневно въ одни и тѣ же часы и на одно и то же время. Онъ всегда часто уходилъ изъ дому и прежде, но имѣлъ привычку зайдти къ женѣ и сказать: — а я иду туда-то, или къ такому-то; если буду нуженъ, пришли, когда засижусь.

Теперь онъ выходилъ молча.

Она рѣшилась спросить раза два: — куда идешь?

Онъ отвѣчалъ нетерпѣливо: — мнѣ нужно!..

Попробовала спросить еще разъ.

— Да что же, ужъ не отчетъ ли тебѣ давать?.. это скучно! И онъ разсердился не на шутку.

Онъ сталъ иногда приносить женѣ подарки, прежде этого не было; онъ никогда ей ничего не дарилъ, какъ будто смѣшно было дарить ее, точно дарить самаго себя. Вотъ эти всѣ прежнія отношенія и были ей такъ дороги.

— Теперь подарки! Куклавинскій духъ, genre куклавинскаго дома, заразилъ его, подумала она: — тамъ все на подаркахъ! Она рѣшилась какъ-то это ему сказать; Демьяновъ прежде самъ съ удовольствіемъ и всегда первый поднималъ на смѣхъ Куклавиныхъ: теперь онъ обидѣлся и горячо заступился за нихъ.

Слѣдовательно, Куклавины вдругъ ему стали близки и дороги,—за что?..

Не онъ ли первый съ ужасомъ и отвращеніемъ говорилъ о странныхъ отношеніяхъ Куклавиныхъ къ барону Штоссу; онъ даже громко говорилъ о нихъ при постороннихъ, а теперь онъ вдругъ по какому-то дѣлу смѣло обратился къ Штоссу, расчитывая на его протекцію, *какъ на должное*. Разумѣется, Штоссъ обрадовался случаю обязать его. Въ прямотѣ своей души, Надежда Ивановна не могла не указать на эту перемѣну взглядовъ.

— Ты ничѣмъ не бываешь довольна! замѣтилъ онъ сердито.

Да, испортили ея Мишеля, — она это чувствовала!..

Она попробовала ѣздить тоже чаще къ Куклавинымъ, но золовка сдѣлала ей такой пріемъ, съ дѣтьми даже обошлась пренебрежительно; эта женщина, не смѣвшая прежде при Демьяновѣ поднять глазъ, вдругъ стала обращаться съ ней

какъ чванная барыня съ бѣдной просительницею. Надежда Ивановна заставила убѣдиться въ этомъ и мужа: онъ объяснилъ ей, что *сестра его глупа*, однако не показалъ этой сестрѣ, что желалъ бы иного обращенія съ женой.

Прошло три недѣли. Надежда Ивановна знала, что въ эти положенные часы, въ которые Демьяновъ исчезаетъ изъ дома, онъ просто гуляетъ съ ними на Невскомъ проспектѣ. Она знала это отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, потому что всѣ ихъ знакомые встрѣчали его. Странно ей было, что онъ, который прежде не гулялъ и не катался безъ нея, онъ, который вызывалъ ее нерѣдко насильно погулять, никогда не приглашалъ ее теперь. Но Куклавина ему сказала: — не говори женѣ, что ты гуляешь съ нами, а то она *запретитъ!* Бѣдный Миша, я тебя такъ люблю, что вовсе не хочу быть причиной домашнихъ у тебя непріятностей!

Аглая ему сказала:—не зовите, пожалуйста, вашей жены гулять съ нами; я ее боюсь, она на меня такъ подозрительно глядѣла!

Неизвѣстно гдѣ, когда и какъ именно Надежда Ивановна на нее глядѣла, но Демьяновъ повѣрилъ, и очень былъ недоволенъ *на жену* за то, что могли думать, будто она ему можетъ *запретить* хотя что нибудь, запретить съ ними гулять!

Эти двѣ женщины подкапывались очень ловко подъ семейное счастье Демьяновыхъ: онѣ отыскали слабую струнку Михаила Сергѣевича, натягивали ее и на всѣ лады на ней играли.

Простой народъ, снисходительный всегда ко всѣмъ слабостямъ натуры человѣческой, клеймитъ однако краснорѣчивымъ словомъ *разлучница* ту, которая нарушаетъ семейное сча-

стіе, и съ отвращеніемъ и проклятіемъ отворачивается отъ нея. Не отсутствіе стыдливости, не свобода нравовъ смущаетъ его, а нарушеніе одной святыни, — святыни домашняго очага: разлучницу простой народъ готовъ казнить, а гласъ народа — гласъ Божій.

На эту-то именно святыню и посягнули эти двѣ женщины. Будь Демьяновъ не женатъ и, въ особенности, не мужъ Надежды Ивановны, онѣ не такъ бы пристали къ нему; но онѣ обѣ его полюбили до страсти всей силой своей ненависти къ его женѣ; въ душѣ Аглаи былъ цѣлый міръ злобы противъ всѣхъ, въ особенности противъ счастливыхъ браковъ по любви, и Куклавиной легко было привить къ этой душѣ застарѣвшую ненависть свою къ Надеждѣ Ивановнѣ.

Наступила зима съ двадцати-градусными морозами, и изъ деревни отъ управляющаго пришла депеша, что кто-то изъ кредиторовъ арестовалъ сѣно и хлѣбъ, бывшіе въ имѣніи, что все живое должно погибнуть безъ корма, и что только личное присутствіе хозяевъ можетъ отвратить бѣду неминучую.

Надежда Ивановна мѣсяца три какъ возвратилась изъ деревни, между тѣмъ Демьяновъ, не задумываясь, произнесъ, подавая ей депешу: — тебѣ нужно ѣхать!

Въ этотъ разъ такая безцеремонность рѣшенія возмутила Надежду Ивановну.

— Отчего же мнѣ? спросила она.

— Надо же кому нибудь ѣхать!

— Я безъ дѣтей не поѣду, — отвѣчала она твердо и медленно, — а дѣтей въ 25 градусовъ мороза не повезу въ такую даль!

Демьяновъ съ досадой махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

Погодя, онъ попробовалъ еще навязать ей эту поѣздку; но встрѣтилъ рѣшительный отказъ.

— Я никогда не отказывалась, но въ эту пору года невозможно,—возьми отпускъ и поѣзжай самъ.

Нечего было дѣлать, онъ уѣхалъ, но чрезвычайно недовольный и на самое короткое время.

Въ его отсутствіе Надежда Ивановна попробовала сблизиться съ Куклавинами; она стала заѣзжать къ нимъ часто и раза три брала къ себѣ въ гости Аглаю. Понимая, что всѣ усилія ихъ стремятся къ тому, чтобы оттолкнуть ее вовсе отъ своего дома, она усиливалась не допустить ихъ до этого, но, пользуясь ея беззащитностью, то Куклавина, то Аглая дѣлали ей дерзости, обращались съ нею свысока, шептались и перемигивались на ея счетъ при ней же, а главное—старались ей ярко выказать, что если и видятся съ нею, то только для того, чтобы имѣть свѣденія о ея мужѣ. Наглость Аглаи превосходила крайнюю степень возможности въ обращеніи съ Демьяновой.

— Жаль, что не видитъ этого всего Мишель, думала въ глубокомъ довѣріи сердца своего Надежда Ивановна: онъ бы показалъ имъ, что съ его женой нельзя такъ поступать; это бы не понравилось ему...

Она не знала, что онъ *не смѣлъ уже* ни любить ее, ни защищать, въ особенности въ присутствіи Аглаи и Куклавиной. Она не знала, что надъ нимъ, въ угоду этимъ двумъ женщинамъ, хохоталъ бы самымъ нахальнымъ образомъ Эдуардъ, и что Вуцинскій и даже графъ Бородкинъ на его вопросы: не странно ли что жена его сердится за *то*, *что*

онъ часто ходитъ къ сестрѣ?—всегда отвѣчали ему, что конечно это странно и что въ этомъ ужъ ей никакъ не слѣдуетъ уступать.

На возвратномъ пути онъ простудился и пріѣхалъ домой больнымъ. Куклавина поселилась почти у его постели. До сихъ поръ Надежда Ивановна никому не уступала правъ своихъ ухаживать за больнымъ мужемъ, до сихъ поръ и ему не были нужны другія попеченія и другой надзоръ. Но тутъ онъ особенно радовался приходу своей сестры; Надеждѣ Ивановнѣ стало больно, обидно, и такъ какъ болѣзнь его была не опасна, она, оскорбленная, уѣзжала нарочно изъ дому.

Она не знала, что Куклавина въ карманѣ своего платья привозитъ женатому брату записочки отъ Аглаи, которую Надежда Ивановна перестала приглашать вслѣдствіе предерзкаго письмеца, написаннаго къ ней Аглаей на просьбу ея одолжить ей какой-то вальсъ.

Это письмецо Надежда Ивановна показала Демьянову послѣ его возврата; онъ покраснѣлъ ужасно и пробормоталъ—„какъ глупа!“

Демьяновъ выздоровѣлъ, и на первомъ же вечерѣ у общихъ знакомыхъ, при встрѣчѣ съ Аглаей въ присутствіи оскорбленной жены своей, онъ по прежнему бросился на встрѣчу, первый жалъ ей руки и шепталася какъ и всегда.

Когда онъ пожалъ ей руку, Аглая боясь, что Надежда Ивановна пропуститъ это безъ вниманья, нарочно вскрикнула, какъ будто больно ей было отъ слишкомъ *сильнаго* пожатія. — Гнѣвъ и отвращеніе выразились на печальномъ лицѣ Надежды Ивановны.

Пошли дни, пошли ночи. Дни!.. Демьяновъ проводилъ ихъ съ Аглаей и Куклавиной: его раза по три въ день видѣли

на ихъ лѣстницѣ; сами онѣ подъѣзжали къ его крыльцу, къ его окнамъ и разговаривали съ нимъ черезъ открытое окно, или вызывали его къ экипажу да на лѣстницу, и все о чемъ-то вели съ нимъ безконечные разговоры, — только лишь бы Надежда Ивановна видѣла все это и терзалась...

Ночи!... Она проводила ихъ у окна, и все глядѣла, глядѣла на длинную—длинную, красивую улицу, считала въ мучительной тиши бой часовъ, напряженнымъ слухомъ старалась угадать: не онъ ли подъѣхалъ, не его ли рука дергаетъ звонокъ... — И вотъ онъ безтрепетно явится въ шесть часовъ утра, пройдетъ безъ малѣйшаго угрызенья совѣсти въ комнатку дѣтей, разсѣянно поцѣлуетъ ихъ чистыя лица своими, быть можетъ, загрязненными губами... И мать и жена возмущались тогда! слова стыли на губахъ отъ негодованья.

Онъ возвращался или отъ цыганъ или еще изъ худшаго общества, въ которомъ вращался онъ вмѣстѣ съ Вуцинскимъ, и неизвѣстно, кто кого завлекалъ туда. Ей было и гадко, и больно...

Куда ушла ея прежняя жизнь!... она задыхалась отъ слезъ, и слова оскорбленнаго чувства срывались порой съ ея поблѣднѣвшихъ отъ безсонныхъ ночей устъ.

— Какъ скучно!... былъ всегдашній теперь отвѣтъ; затѣмъ Демьяновъ бросался на постель.

Дѣйствительно, переходъ былъ рѣзкій—отъ оргіи къ этому зрѣлищу горькаго горя, къ этому лицу, изнеможенному безсонницей и слезами!

Въ хаосѣ, въ омутѣ, въ опьяненіи проводилъ онъ жизнь свою; ничья рука не старалась удержать его или разбудить, а онъ боялся пробужденій, боялся привидѣній своего прош-

лаго,— этихъ нѣсколькихъ лѣтъ любви, чести и добра, съ которыми теперь всѣ его близкіе Богъ знаетъ что сдѣлали!

Куклавина продолжала привозить на лѣстницу къ нему Аглаю. Надежда Ивановна думала, что это дѣлается для того только, чтобы ее мучить: далѣе этого заключенія она не шла, не смѣла идти, не смѣла самой себѣ сказать, чего именно она боялась.

Если иногда на нее падалъ взглядъ Демьянова съ лаской и грустью, она вздрагивала, глядѣла на него вопросительно, и, припавъ своимъ жаркимъ, облитымъ горькими слезами, лицомъ къ его рукѣ, молила его, молила — „пощадить ее и себя“!...

Во имя прошлаго ихъ безмятежнаго счастья, въ память ихъ прежней любви и прежняго единства, во имя будущности дѣтей, молила она уже не о любви, а о пощадѣ.

Приходилъ Вуцинскій, замѣчалъ ея исплаканное лицо, покраснѣвшіе глаза, и уходилъ всѣмъ разсказывать, что между Демьяновыми была *сцена*, или еще лучше, принимался острить на ея счетъ и заводить съ ней споры, а потомъ хвастливо разсказывалъ ихъ съ разными украшеніями.

Приходилъ графъ Бородкинъ, и подмѣтивъ огорченный, убитый видъ Надежды Ивановны, вызывалъ ее на откровенность; но тутъ же, удовлетворивъ своему любопытству, произносилъ разсѣянное: laissez—le, il n'en sera rien, il s'amuse. „Вотъ къ цыганамъ повезу его!“... Эдуардъ въ присутствіи Демьянова изощрялся надъ Надеждой Ивановной въ ядовитыхъ шуткахъ и передавалъ потомъ всякій жестъ и всякое ея слово Аглаѣ и Куклавиной, которыя дѣлали Демьянову разные тонкіе намеки и выводили комментаріи, подготовивъ

сообща къ его приходу всѣ свои змѣиныя фразы и колкія шутки.

Надежда Ивановна знала, что старуха Кукленьева должна пріѣхать за дочерью, и рѣшилась терпѣть.

И старуха пріѣхала; въ тотъ же день пріѣхалъ и Эдуардъ на дачу къ Демьяновымъ. Время было лѣтнее; онъ пріѣхалъ съ записочкой отъ Куклавиной къ брату; въ записочкѣ было: „Потерпи, не ѣзди къ намъ вовсе, покуда мать здѣсь: а то намъ неудастся уговорить ее оставить Аглаю.“

Демьяновъ два мѣсяца не ѣздилъ къ Куклавинымъ. Надежда Ивановна ожила, она не подозрѣвала, что Эдуардъ возилъ ему въ утѣшеніе записочки отъ Аглаи, адресъ которыхъ былъ написанъ рукою Куклавиной, и что они втроемъ съѣзжались въ городѣ въ условленные дни раза два въ недѣлю.

Чистая душа Надежды Ивановны отвергала возможность подобныхъ дѣйствій; она усиливалась вѣрить, что у Демьянова есть сердце и что это сердце пожалѣетъ ее хоть въ благодарность за прошлое счастье,—пожалѣетъ и слезъ, и силъ, и вѣры ея въ счастье; что, наконецъ, онъ самъ пощадитъ въ себѣ совѣсть и не захочетъ краснѣть передъ своими дѣтьми.

Нѣтъ: серьезнаго, дурнаго здѣсь не могло быть. Какой расчетъ и въ чемъ?

А мать уѣхала, опять оставивъ Аглаю въ Петербургѣ.

Расчетъ былъ, и расчетъ былъ сдѣланъ холоднымъ и развращеннымъ сердцемъ Аглаи. Вотъ онъ.

Она считала Демьянова гораздо богаче, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ; она видѣла, что если вліяніе Надежды Ивановны надъ нимъ не удержалось, то только потому, что всѣ напали на это вліяніе, но что ея вліянія никто не поколеб-

летъ и даже спорить противъ него не будетъ: почему она и упрочитъ его какъ должно и приберетъ Демьянова къ рукамъ. Она помнила, что ея отецъ увезъ жену отъ живаго мужа и жилъ съ нею много лѣтъ, и мужъ молчалъ; она знала, что мужья бросаютъ женъ, слышала, что возможны и разводы, но если все это не удастся, то все-таки будетъ шумъ, много шуму: это дастъ ей извѣстность; расточительность Демьянова окружитъ ее роскошью, а его страсть водиться съ молодежью, окружитъ ее молодыми людьми, такъ если съ Демьяновымъ почему нибудь жить окажется невыгодно, все-жъ начало будетъ сдѣлано, а потомъ она выберетъ себѣ и другаго... Конечно, Демьянову она этого не говорила и вообще она никому себя и своихъ плановъ не разъясняла. Демьянову она говорила, что истинно безкорыстная любовь—это любовь дѣвушки къ женатому человѣку, потому что она приноситъ ему всѣ жертвы, *не ожидая ничего* и *не требуя отъ него никакого вознагражденія*. Бѣдная она, да она, Аглая, получаса времени лишняго не осмѣлится отнять у его жены!.. Демьяновъ одурѣлъ отъ самолюбія. Короткость ихъ обращенія становились часъ отъ часу все короче, а ласки все менѣе невинными. Аглая и пугала и восхищала Демьянова своей рѣшимостью, своею беззастѣнчивою любовью, своими навязчивыми ласками.

Онъ поддался наслажденью быть любимымъ безъ оглядки, безъ страха и, какъ онъ думалъ, безъ расчета, для него самаго и, для одной его любви, говорили ему — и онъ вѣрилъ! Ему даже любовь жены показалась теперь ужъ дѣломъ расчета потому, что вѣдь все же она вышла за него замужъ, а Аглая?—Аглая ничего не могла ожидать, ни на что на-

дѣяться: ей было все равно; она не щадила себя для него, въ этомъ увѣряли Демьянова.

Ему стало казаться, что все, чтобы онъ ни сдѣлалъ для нея за подобную любовь—всего будетъ мало. Такъ могъ ли онъ смущаться слезами и страданьями Надежды Ивановны? Онъ ихъ встрѣчалъ колкими насмѣшками, прерывалъ нетерпѣливыми восклицаніями.

ГЛАВА V.

Надежда Ивановна рѣшилась обратиться къ Куклавину и написала къ нему письмо. Отвѣтъ его достоинъ громкой извѣстности. Онъ выразилъ радость, что *дружба между молодыми людьми* установилась такъ прочно, и не находилъ необходимымъ разстраивать эту *дружбу* отъѣздомъ своей сестры въ деревню къ отцу. Между тѣмъ попытка ея удалить Кукленьеву была пересказана Демьянову,—его раздражили, осмѣяли, пожалѣли, — однимъ словомъ вооружили противъ жены. Для большей предосторожности, о письмѣ разсказано въ смѣтномъ видѣ передъ всѣми интимными посѣтителями дома Куклавиныхъ, и съ тѣхъ поръ безцеремонность обращенія Аглаи съ Демьяновымъ и ихъ интимность получили въ глазахъ знакомаго кружка характеръ поддразниванія *ревнивой и несносной жены*, но болѣе не возбуждали уже ничьихъ подозрѣній.

А письмо это было написано еще очень во время: близость

Демьянова съ Аглаей была только близостью рѣчей, а не поступковъ.

Гораздо ближе чѣмъ къ нему, Аглая была въ то время къ Леониду Зирову. Онъ искренно и давно былъ влюбленъ въ Аглаю; онъ былъ холостъ, но не имѣлъ состоянія, и практическій умъ Аглаи рѣшилъ, что выйдти за него за-мужъ глупо. При постороннихъ свидѣтеляхъ она держала себя съ нимъ холодно, пренебрежительно; за то въ тиши своей комнаты, удобной для тайныхъ свиданій, куда онъ имѣлъ доступъ на правахъ друга дѣтства,—вознаграждала его вполнѣ. Онъ былъ уменъ, а потому молчалъ и терпѣливо переносилъ ея пренебрежительное обращеніе съ нимъ при свидѣтеляхъ и ея кокетство на его глазахъ съ Демьяновымъ. Аглая говорила ему, что это нужно, чтобы скрыть ихъ отношенія; Зировъ сознавалъ, что это довольно ловко придумано и поддавался ея выходкамъ, помогалъ даже ея затѣямъ; она наединѣ съ нимъ смѣялась надъ увлеченьемъ Демьянова, Зировъ успокоивался, сознавая свой нравственный перевѣсъ надъ нимъ и прощая ему его красоту.

Но съ Демьяновымъ, въ тишинѣ той же удобной комнаты, въ которую и Демьяновъ получилъ доступъ на правахъ родственника, Аглая смѣялась надъ Зировымъ и тѣмъ успокоивала ревность Демьянова.—Равны ли были ихъ права надъ нею? Этого не зналъ ни Зировъ, ни Демьяновъ, — никто, кромѣ самой Аглаи. Съ минуту Аглая была въ нерѣшимости: Зировъ могъ на ней жениться, но что за жизнь съ человѣкомъ безъ состоянія? Демьяновъ былъ женатъ; но вѣдь отецъ ея, Кукленьевъ, увезъ же жену отъ мужа, жилъ съ нею гласно и мужъ молчалъ... жену еще легче заставить молчать; наконецъ, кто знаетъ, какъ далеко поведетъ эту женщину ея от-

чаяніе, если дѣйствительно вся жизнь ея въ этомъ человѣкѣ?.. У такой женщины, какъ Аглая, это идеалъ мужа: она не будетъ въ немъ беречь его достоинства, а сразу сдѣлаетъ его рабомъ; онъ будетъ у нея мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга; Демьяновъ богатъ.... Тутъ надо одно только: убить въ немъ совѣсть и сожалѣнье къ женѣ;—все это на половину уже сдѣлано съ помощью Куклавиной. Можно повести такъ дѣло, что онъ разведется съ женою и женится на Аглаѣ. А если дѣло не дойдетъ до этого, то все же только Демьяновъ одинъ можетъ ее вырвать изъ душной сферы, въ которую ей возвращаться—просто смерть, и она выдвинется, сдѣлается извѣстной; не зачахнетъ ея жизнь и красота въ объятьяхъ деревенскаго сосѣда, котораго съ трудомъ развѣ поймаютъ ей въ мужья по бѣдности ея приданнаго...

Такъ раздумывала и колебалась Аглая.—Зировъ занимательнѣе—Демьяновъ красивѣе. Зировъ можетъ жениться—Демьяновъ жениться не можетъ, но, пожалуй, тутъ выйдетъ еще лучше....

Съ тѣхъ поръ какъ Зировъ получилъ нѣкоторыя серьезныя права надъ Аглаей, онъ сдѣлался самъ серьезнѣе, сдержаннѣе, осторожнѣе... Онъ былъ по принципу своему благороденъ, Аглаю любилъ и приготовился ко всѣмъ случайностямъ: онъ былъ готовъ искупить ихъ, если будетъ нужно, женитьбой. Но въ тоже время Демьяновъ почти положительно пересталъ владѣть собой: онъ счастливъ былъ какъ школьникъ, и какъ школьникъ былъ испуганъ своимъ счастьемъ; лицо его пылало и глаза загорались, рука искала прикосновенія руки,—онъ вертѣлся возлѣ Аглаи, выдавалъ себя на каждомъ шагу такъ ярко, что только Куклавины могли продолжать восхищаться *этой установившеюся между двумя молодыми*

людьми дружбой и притворяться, что значенія этой дружбы они еще не понимаютъ.

Это положеніе дѣлъ отозвалось въ матеріальной жизни Демьяновыхъ: Надежда Ивановна не успѣвала припасать деньги, Демьяновъ вѣчно былъ кому-то долженъ, не объясняя уже болѣе — кому, и при всякомъ полученіи доходовъ отбиралъ половину присланнной суммы на отдачу мнимаго долга. За то Куклавины стали жить шире: Куклавина и Аглая начали одѣваться щеголеватѣе, стали болѣе выѣзжать, и Куклавина нашла необходимымъ даже давать у себя вечера. Куклавинъ взялъ привычку занимать деньги у Демьянова и, разумѣется, всегда забывалъ отдавать ихъ.

Пошли еще и другія издержки: Демьяновъ, чтобы подготовить товарищей къ тому, что онъ жену разлюбилъ и ищетъ развлеченій внѣ дома, чтобы уйти отъ ихъ наблюдательности, бросился въ рядъ попоекъ, ужиновъ и оргій всякаго рода.

И снова ждала его Надежда Ивановна, только не въ вечернюю пору; не милыхъ шаговъ ждала она по стеклянной галлереи, не бросалась ему на встрѣчу снять шинель и обвиться руками вокругъ шеи, нѣтъ! Ждала она всю ночь на пролетъ, до 5 часовъ утра, ждала недвижно у окна, безсмысленно глядя на длинную—длинную улицу; ждала потому, что спать не могла, читать не могла, ждала въ безмолвныхъ слезахъ, которыя горячими, какъ лава, струями бороздили ея щеки; ждала, цѣпенѣя отъ ужаса передъ своимъ горемъ. Гасли фонари, просыпались водовозы, начинали дворники стучать и скрести по тротуарамъ.

Слухъ и сердце напрягались болѣзненно и прислушивались безостановочно къ самому отдаленному топоту лошади, къ шороху саней, — только все мимо. И, наконецъ, когда вмѣстѣ

съ дневнымъ, довольно уже яркимъ свѣтомъ, дѣйствительно останавливались у воротъ его сани и его рука дергала колокольчикъ, Надежда Ивановна бѣжала не на встрѣчу ему, а бѣжала отъ него спрятаться; бросалась скорѣй въ постель, зажигала свѣчу и раскрывала книгу; такъ заставалъ онъ ее.

— Чего не спишь? говорилъ онъ сердито и грубо.

— Не могла заснуть. Онъ встрѣчалъ ея глаза и отворачивался съ смущеньетъ, ища прикрыть этого смущеніе грубостью; она это понимала.

— Отчего не могла?.. приставалъ онъ.

— Мишель, ради Бога, когда же все это кончится? Твое здоровье, твое достоинство страждетъ! Вѣдь у насъ дѣти, для нихъ пощади себя самого; эти безконечныя оргіи неприличны семьянину!

— Ахъ, скучно!.. пошла вздоръ толковать! Ну, ужъ жизнь, c'est une vie insoutenable! Твоя адская ревность невыносима! и онъ гнѣвный и нетерпѣливый повергался на свою постель, что не мѣшало ему однако тотчасъ приняться поправлять силы свои крѣпкимъ сномъ.

Надежда Ивановна дожидалась, пока заснетъ онъ, и уходила въ дѣтскую, одѣвалась, плакала у кроватей дѣтей, а съ первымъ колоколомъ шла къ обѣдни въ церковь плакать тамъ и выплакаться вволю.

Одно только понимала она, что ее караетъ тотъ строгій, нравственный законъ, который воспретилъ человѣку сотвореніе кумира.

Стояла она безъ молитвы, вся въ слезахъ; на клиросѣ пѣли, священникъ совершалъ богослуженіе, читалъ молитвы, а у ней только и звучало въ ушахъ: не сотвори себѣ ку-

мира! Вотъ онъ, вотъ во прахѣ и грязи кумиръ ея! Ужасъ сковывалъ ея душу.

Ей казалось, что не вынести ей долѣе, что ей обезумѣть придется. Останется ли онъ вечеръ дома—ему нужны Вуцинскій, графъ Бородкинъ, Турбины, Эдуардъ, и тутъ начинаются шуточки, затрогивающія ея раны, смѣхъ и неуваженье къ ней, даже какъ къ хозяйкѣ дома; а мужу будто все это нравится; и это она? и это онъ? и это ихъ жизнь?.. Испорченная жизнь, осквернённый олтарь, поруганная святыня!..

Не вѣрилось впрочемъ этимъ постороннимъ зрителямъ, что горе ея было не призракъ, потому что всѣ они на Демьянова смотрѣли какъ на мужа, который немножко поиспортился, немножко вздумалъ погулять, но никто не подозрѣвалъ Аглаи и недогадывался, въ какія руки попалъ Демьяновъ. Одна Надежда Ивановна, на несчастіе свое изучившая вполнѣ натуру своего мужа, читала страшную истину въ каждомъ движеніи его, отгадывала ложь и обманъ во всемъ существѣ его, однимъ словомъ—имѣла несчастіе предвкушать свои будущія страданія.

Она обращалась къ его сердцу; но сердца въ немъ никогда не было и голосъ ея безъ отголоска прозвучалъ какъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Человѣкъ страстей, прихотей и вкусовъ—онъ дѣлался рабомъ только того, кто управлялъ его страстями и овладѣвалъ его увлеченьемъ. Ни добраго, ни злаго сердца въ немъ не было: отъ этого именно онъ имѣлъ больше друзей, нежели враговъ; его сердце задѣть было почти невозможно, да и самъ онъ никого сердечно не задѣлъ никогда. Толпа рѣшила, что онъ добръ; и репутація добраго сердца утвердилась за нимъ; но когда приходилось искать въ немъ сердца и только къ сердцу его относиться и

у одного сердца его просить пощады, то сердца этого не отыскивалось, и пожертвовать своею прихотью во имя совѣсти, правды и добра онъ не могъ, потому что добро, совѣсть и правда только понятны сердцу, а не грубой чувственности: послѣдняя же въ немъ развилась, особенно въ это послѣднее время.

Надежда Ивановна была такъ поставлена Демьяновымъ теперь у себя же въ домѣ, что каждое ея движенье имѣло посторонних зрителей.

Безъ отдыха и свободы, на глазахъ недоброжелательныхъ свидѣтелей, разыгрывалась драма души ея, и постепенное разочарованіе, постепенное отживаніе всѣхъ радостей и гнетъ безпрестанныхъ незримыхъ иногда, но до боли души чувствительныхъ, оскорбленій держали ее въ неестественномъ положеніи неумолкаемаго раздраженія. Какое было дѣло Демьянову до того, вынесетъ ли она, или нѣтъ? нужны ли ей отдыхъ и свобода? — ему только нужно было не оставаться съ нею наединѣ, чтобы не дать ей времени допытаться правды и не допустить себя самого выдать передъ нею тайну своихъ отношеній къ Аглаѣ.

Демьяновъ бросалъ душу жены своей на потѣху гостямъ своимъ: и потѣшался надъ нею Вуцинскій, самъ восхищаясь своимъ остроуміемъ и потомъ разсказывая по городу фразы, которыя придумалъ сказать потомъ, но какъ будто сказалъ во время; потѣшался Эдуардъ: хохоталъ дребезжащимъ смѣхомъ, а дѣвицы Турбины, выслушивая конфиденціальныя жалобы Демьянова на жену, жалѣли душевно о миломъ, добромъ Михаилѣ Сергѣевичѣ и удивлялись странному характеру его жены. Онъ просилъ, чтобы онѣ приходили утѣшать его. Положено было затѣмъ съобща, что у Надежды Ивановны ужасный

характеръ и что Демьяновъ пренесчастный человѣкъ. Никто не задался вопросомъ: отчего же вдругъ такъ испортился этотъ характеръ и какая причина горькихъ, ѣдкихъ фразъ, дѣйствительно срывающихся у нее иногда съ накипѣвшаго сердца?

Эдуардъ приносилъ ежедневный отчетъ Куклавиной и Кукленьевой о каждой новой размолвкѣ Демьяновыхъ. Изъ этихъ донесеній онѣ извлекали свою пользу, лицемѣрная угодливость, лесть, сожалѣніе, печаль, что онѣ *невольной причиной* его домашнихъ непріятностей со стороны Куклавиной, и ласки Аглаи, ласки безъ конца, одуряющія какъ опіумъ, безстыдныя какъ самый развратъ, но прикрытыя оправданіемъ въ формѣ слѣдующей фразы: „милый мой, надо тебя побаловать: ты такъ несчастливъ! я тебѣ не смѣю ни въ чемъ отказать,“ —искусно вооружали Демьянова противъ жены и поддерживали его раздраженіе. Эти двѣ женщины дружно вели его къ одной цѣли,—чтобы ему опротивѣлъ его домъ, а отношенія его къ женѣ, даже къ семейству, показались бы тѣми невыносимыми цѣпями, которыя разорвать и разорвать надо, во чтобы то ни стало!..

Взамѣнъ ежедневныхъ донесеній въ домѣ Куклавиныхъ, Эдуардъ оттуда приносилъ Демьянову записочки Кукленьевой, разумѣется въ запечатанныхъ пакетахъ, надписанныхъ рукою Куклавиной. Еслибы Надежда Ивановна хотѣла быть слѣпой, то и тогда эта нѣжная переписка сестры съ братомъ, не смотря на ихъ ежедневныя свиданія, открыла бы ей глаза; а Куклавина и Аглая положительно изощрялись открывать ей глаза, попирая на всякомъ шагу ея права и ея личное достоинство. Не довольствуясь посѣщеніями Демьянова, они то подъ окно квартиры подъѣзжали разговаривать съ нимъ, то у подъѣзда его стояли, то на лѣстницу вызывали, то ночью подъѣзжали

взять его кататься, — все это для того, чтобы, такъ какъ Надежда Ивановна перестала бывать у Куклавиныхъ послѣ двухъ, трехъ самыхъ нахальныхъ противъ нея выходокъ Аглаи, то отдать ей возможность увидѣть своего мужа непремѣнно вмѣстѣ съ Аглаей.

Эти продѣлки, достойныя женщинъ низшаго круга и по нравственности и по воспитанію, наполняли Надежду Ивановну чувствомъ презрѣнія и негодованья къ нимъ, доходившимъ до ужаса.

Демьяновъ самъ понималъ, что эти выходки гадки, унизительны: но онъ ужъ былъ рабомъ и не смѣлъ противиться.

Аглая сидѣла съ Эдуардомъ въ своей комнатѣ и слушала его донесенія. Куклавина была занята жаркимъ разговоромъ съ барономъ Штоссомъ, который спѣшилъ окончить свой визитъ и уйти къ урочному часу посѣщенія Демьянова. Демьяновъ понималъ хорошо отношенія сестры къ барону Штоссу; но какъ ни загрязнилъ его воздухъ куклавинскаго дома, а быть сообщникомъ сестры онъ еще тогда не могъ — и это понимала сама Куклавина. Эдуардъ напѣвалъ Аглаи о томъ, что она рождена быть Маріонъ Делормъ, что она такъ умна, вѣрно сама давно поняла свое призваніе, и что когда она уже рѣшится сдѣлаться Маріонъ Делормъ, то онъ, Эдуардъ, терпѣливѣйшій изъ ея обожателей, будетъ ожидать своей очереди.

— Посмотримъ, — сказала Аглая, самымъ спокойнымъ тономъ, — но вотъ видите ли: для начала окажите мнѣ услугу.

— Какую?

— Скажите Демьяновой, что я любовница ея мужа и что я скоро буду матерью...

И Аглая улыбнулась нагло, холодно, не краснѣя. Неудержимый взрывъ смѣха былъ ей отвѣтомъ со стороны Эдуарда.

— Не хохочите такъ громко! Ну, что же Эдуардъ? приставала она.

— Вотъ штуку придумали: да вѣдь она съ отчаянья зарѣжется, и Эдуардъ снова захохоталъ.

— Когда бы!.. воскликнула Аглая мрачно.

— Какъ, когда бы зарѣзалась? Кто же будетъ вести дѣла Демьянова?

— Такъ чтоже! вѣдь кажется она ихъ устроила уже?

И Аглая начала прехладнокровно острыми ножницами пороть рукавчики, которые не такъ сшила, обдумывая свою жестокую и неслыханную выходку.

Эдуардъ былъ убѣжденъ, что это шутка. Онъ сталъ неистощимо острить и изображать эфектъ подобнаго извѣстія на Демьянову, но заключилъ однако тѣмъ, что передать эту *шутку* никакъ не рѣшится.

Аглая, зная его болтливость, ему не вѣрила и была спокойна.

Въ тотъ самый день, какъ Аглая давала такое поразительное порученіе Эдуарду, Крагина бранила Надежду Ивановну.

— Надина,—говорила она горячо и убѣдительно:—вашъ мужъ только что ушелъ отъ меня. Вы просто съума сошли и напрасно себя убиваете! Да, этотъ человѣкъ васъ также горячо любитъ послѣ восьми лѣтъ супружества, какъ любилъ съ самаго начала. Онъ о васъ говоритъ со страстью! Право, душенька, вы его напрасно ревнуете къ этой Аглаи, и что въ ней хорошаго? Онъ мнѣ говорилъ сегодня: „жена сама себѣ цѣны не знаетъ; стану я ее мѣнять на Аглаю!“

И онъ не лжетъ, въ его тонѣ столько искренности. Конечно, Аглая вѣшается ему на шею, это очевидно, и Куклавина, которая васъ ненавидитъ, старается вовлечь брата своего въ романъ съ Аглаей; но онъ васъ любитъ. Послушайте, вѣдь я же его знаю не со вчерашняго дня: когда васъ нѣтъ, онъ мѣста себѣ не находитъ,—такъ груститъ; тогда чаще всего бываетъ у меня, да вѣчно—какой ни начнетъ разговоръ—на васъ сведетъ, — вѣдь это не притворство, такъ притворяться невозможно! Я вѣрю, что онъ въ васъ менѣе влюбленъ, чѣмъ въ первые года, но за то вы ему теперь необходимѣе, чѣмъ прежде; въ этомъ нельзя сомнѣваться.

Надежда Ивановна слушала, поникнувъ головой, но, не смотря на всю искренность убѣжденій и доводовъ Крагиной, она чувствовала, что Демьяновъ только ловко обманулъ Крагину, но что ея сердца онъ не обманетъ. Она даже его ласкамъ не вѣрила, такъ какже могла она вѣрить его словамъ или словамъ другихъ? Она не думала, что онъ можетъ полюбить Аглаю, но она была увѣрена, что онъ попадетъ въ исторію и не будетъ имѣть ни такта, ни силы воли, чтобы съ честью выйдти изъ нея; она видѣла, что на него ставятъ силки и что онъ летитъ прямо въ эти силки. — Сказать себѣ, что онъ ее не любитъ, она никакъ не могла: Демьяновъ въ своемъ обращеніи съ нею болѣе походилъ на человѣка, который при другихъ старается показать, что онъ не любитъ ее, за то наединѣ вдвое сильнѣе ласкался къ ней, какъ будто хотѣлъ ее вознаградить за понесенныя ею оскорбленія, или самому себѣ давалъ волю, наконецъ, послѣ вынесеннаго за цѣлый день принужденія передъ посторонними или съ прошлымъ своимъ прощался.

*

Такъ прошло три недѣли. — Демьяновъ разъ возвратился домой въ два часа и прежде всего зашелъ въ дѣтскую.

Надежда Ивановна еще не ложилась: она ждала его, по обыкновенію; но при звукѣ его колокольчика не убѣжала въ спальню, а блѣдная, худо сдерживающая негодованіе, пошла ему въ этотъ разъ на встрѣчу. Она видѣла, какъ онъ поднялъ сонную головку меньшей дочери и поцѣловалъ ее, и не выдержала: — „Не тронь дѣтей нечистыми руками!“ произнесла она раздраженно.

Демьяновъ оглянулся и посмотрѣлъ на нее въ этотъ разъ безъ гнѣва, но съ невыразимой болью.

— Не упрекай! проговорилъ онъ такимъ разбитымъ голосомъ, съ такой печальной кротостью, что у Надежды Ивановны — получавшей отъ него съ нѣкоторыхъ поръ даже и на любящую, дружескую фразу дерзость или нетерпѣливое восклицаніе, — положительно упало сердце и застыла кровь. Она молча ушла въ спальню и легла въ постель. Раздраженіе ея имѣло слѣдующую причину: мужъ сказалъ, что идетъ обѣдать съ Вуцинскимъ и никакъ отъ Вуцинскаго отдѣлаться не можетъ, а послѣ его ухода она подняла на полу кабинета записку Вуцинскаго... „На меня не расчитывай; назови кого нибудь другаго: я обѣдаю въ другомъ мѣстѣ и жена твоя легко можетъ случайно это узнать.“

— Зачѣмъ же ей мужъ солгалъ? Къ чему было объяснять, съ Вуцинскимъ ли онъ обѣдаетъ въ ресторанѣ или съ кѣмъ другимъ? Не все ли равно?.. Значитъ, эта ложь не даромъ: здѣсь что нибудь дурное...

На эти темы Надежда Ивановна варьировала съ шести часовъ вечера до двухъ ночи, и понятно, что раздраженье въ ней и тоска превысили ея силы.

Лежа въ постелѣ, она думала: объясниться или не объясниться? Сказать ему, что нашла и читала записку Вуцинскаго? Зачѣмъ онъ лгалъ?.. Не объясниться невозможно: она никогда не могла заснуть въ сомнѣніи или гнѣвѣ на своего кумира.

Святость ея любви къ нему не выносила ни малѣйшаго облачка, ни даже самой легкой тѣни. Вся поэзія ея натуры, всѣ повѣрья ея мнительной души перешли въ ея любовь къ мужу...

Вошелъ Демьяновъ и долго раздѣвался за перегородкой. Потомъ ушелъ лакей. Демьяновъ посидѣлъ минуты двѣ молча, всталъ, подошелъ къ каждой изъ двухъ дверей по очереди и заперъ одну и другую на ключъ.

Эти приготовленія ее встревожили.

Онъ сѣлъ молча въ ногахъ на кровати и оба они медленно поглядѣли другъ на друга. Лицо его было изнеможенное, усталое и печальное.

Наконецъ Демьяновъ заговорилъ.

— Прошу тебя, выслушай меня не прерывая: мнѣ нужна сила высказаться.....

Къ чести его скажемъ, что голосъ его дрожалъ, углы рта были горько опущены; онъ видимо былъ растерянъ.

— Твои подозрѣнія были справедливы, продолжалъ онъ не твердо: — я имѣлъ несчастіе увлечься, — имѣлъ несчастіе увлечь другое лицо... она оставила свой домъ для меня....

Надежда Ивановна на него глядѣла и не понимала. Сердце ея вдругъ какъ будто бы выросло и остановилось въ груди, расширенными зрачками впилась она въ лицо мужа.

— Она не могла долѣе оставаться, продолжалъ онъ, — она грозилась броситься въ Неву и я ей нанялъ квартиру.

Она въ такомъ положеніи.... ты понимаешь?... вотъ уже четыре мѣсяца!... Она не могла долѣе оставаться. Мы были съ нею у акушерки и та сказала, что ей уже четыре мѣсяца...

— Что такое? о комъ ты говоришь? спросила вдругъ въ недоумѣніи и ужасѣ Надежда Ивановна.

Странно, что именно въ эту минуту она менѣе всего думала объ Аглаѣ.

— Аглая, произнесъ Демьяновъ.

— Аглая?.. Какая Аглая?.. Какой свой домъ? спрашивала его, точно съ просонковъ, Надежда Ивановна;—въ памяти ея и въ разсудкѣ былъ какой-то хаосъ.

— Домъ Куклавиныхъ, отвѣчалъ тихо Демьяновъ: — Аглая Кукленьева.

Только при этихъ именахъ Надежда Ивановна поняла весь ужасъ истины, всю глубину мерзости, всю неизмѣримость своего несчастія. Не вскрикнула она и не заплакала. Она почувствовала, будто желѣзныя руки схватили ее за лицо и впились въ нее, будто раскаленный гвоздь воткнули ей прямо посреди лба глубоко до самаго мозга, и пришло ей въ голову одно только, что такъ, быть можетъ, начинается сумасшествіе, и пронеслись передъ нею въ эту минуту только три лица—три милыя, дорогія дѣтскія головки,—и вырвалось у ней полушепотомъ невольное: — дѣти, вамъ нуженъ мой разсудокъ! Господи, сохрани во мнѣ разсудокъ! — Говоря это, не на мужа глядѣла Надежда Ивановна, а на ликъ Спасителя, висѣвшій надъ изголовьемъ, и крестилась рукой, холодной какъ мраморъ, прожавшей какъ листъ.—А страшна ли она была? — Да, видно очень страшна, потому что вдругъ Демьяновъ очутился на колѣняхъ передъ ея кроватью, при-

палъ къ ногамъ ея и воскликнулъ: — Если ты заболѣешь, я завтра же себѣ пулю въ лобъ!

— Не заболѣю я! отвѣчала она тихо, поднимая его.

Не просила она ни капель, ни воды, не было ни обморока, ни истерики; сидѣла она на постели, охвативъ свои колѣни крѣпко сжатыми руками и горько глядѣла ему въ лицо, и не упрекъ былъ во взорѣ ея, а ужасъ. Она понимала, что въ рукахъ Аглаи онъ погибъ, что здѣсь не увлеченье, а давно обдуманный заговоръ,—работа двухъ женщинъ, задумавшихъ ея гибель: двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна исполнена безпощаднаго цинизма, глубокаго душевнаго разврата, а другая — тупой злобы, недальновидности и полнѣйшей безсердечности; однимъ словомъ — Бога въ душѣ у этихъ женщинъ не было, вотъ что чувствовала Надежда Ивановна. Такъ не ждала она пощады и понимала она, что онѣ погубятъ его, лишь бы погубить и ее безвозвратно!.. И глядѣла она на этого, такъ давно ей милаго человѣка, и думала уже не о себѣ, не о разбитомъ своемъ счастіи, не объ уничтоженномъ сердцѣ, на-вѣки убитомъ, осмѣянномъ и погребенномъ, — а думала, какъ спасти вотъ этого, не совсѣмъ еще погибшаго человѣка. Не любви уже ихъ взаимной она боялась въ эту минуту, а оскверняющаго вліянія спокойнаго разврата и гибельнаго, унизительнаго рабства для мужа. Она знала, что пресыщенія не будетъ, а будетъ рабство, потому что не онъ взялъ любовницу, а его взяли въ любовники: безсознательно дѣйствовалъ онъ, а тамъ дѣйствовали сознательно...

Глядѣла она и думала:—поставила я всю жизнь свою на эту одну карту, ва-банкъ!—Карта проиграла—нѣтъ у меня жизни! Но онъ-то, за что онъ долженъ погибнуть?.. Этотъ

человѣкъ подчиняется вполнѣ вліянію тѣхъ, съ которыми живетъ: надо не дать ему сживаться, не надо оставлять его въ этой цѣпи непрерывныхъ отношеній! Куклавины одни могутъ все это розыграть хорошо, но захотятъ ли?.. Куклавины возьмутъ ли ее обратно:—они все знали, они рады были сбыть съ рукъ, устроить судьбу сестрицы съ богатымъ человѣкомъ... Нѣтъ, надо не дать имъ сживаться: я заставлю Куклавиныхъ взять ее!—Господи, что же это такое?—Его—шаткаго, слабаго — его отдать подъ гнетъ этого грязнаго цинизма.... Паденіе будетъ страшное, глубокое.. а вѣдь это отецъ дѣтей моихъ!..

Вотъ когда вдругъ въ этихъ заключительныхъ словахъ проснулся въ ней вопль, покрывшій всѣ другіе стоны, вопль *семейной чести*, вопль за дѣтей, обрекаемыхъ на сиротство.

Демьяновъ видѣлъ, что она молчала; слезы текли по его лицу, и онъ заговорилъ снова.

— Ты должна презирать меня! — Конечно, мы теперь только въ глазахъ свѣта будемъ мужемъ и женой...

— Ты ошибаешься! прервала его Надежда Ивановна;— я тебя не презираю, а жалѣю; бракъ не даромъ святыня: его не разрушишь однимъ своимъ личнымъ приговоромъ. — Только... зачѣмъ ты лгалъ, если не любилъ меня? Я не подготовлена, я не могу вдругъ вырвать изъ всего существа любовь мою къ тебѣ. Для меня ты не виновный, а несчастный; я знала, что тебя вовлекутъ и погубятъ. Знали онѣ, что дѣлали, знаютъ и теперь, куда поведутъ тебя: одинъ ты не знаешь, куда пойдешь!—Онѣ потребуютъ отъ тебя, чтобы ты бросилъ меня, дѣтей нашихъ!....

— Никогда, никогда!.. Все лучшее моей жизни связано съ

тобой!—воскликнулъ Демьяновъ, горячо обнимая жену и задыхаясь отъ рыданій.

— Послушай. сказала Надежда Ивановна твердо: - ты и я будемъ думать, что ничего не было, но и тамъ должны думать, что ничего не должно болѣе быть.

— Можешь ли ты думать иначе?—только я не могу же ее бросить въ жертву отчаянія въ ея теперешнемъ положеніи!..

— Я и не требую: пусть она разрѣшается благополучно.

— Нѣтъ, вотъ этого-то и не будетъ, потому что она положила употребить всѣ средства, чтобы избавиться отъ своего положенія, пока еще въ началѣ,—вырвалось у Демьянова.

Въ этотъ разъ чувство ужаса выразилось въ Надеждѣ Ивановнѣ сильнымъ содраганіемъ и смертельной блѣдностью.

— Бога ради, этого не нужно! воскликнула она невольно.

— Куда же ей дѣвать ребенка? спросилъ онъ, очевидно повторяя слова Аглаи или Куклавиной совершенно машинально.

— Отдайте кормилицѣ, а потомъ я возьму.

— Ты?.. ты возьмешь *ея* ребенка?

— Да, и я буду ему такой же заботливой матерью, какъ нашимъ дѣтямъ. Богъ благословитъ за это моихъ милыхъ дѣтей бо́льшимъ счастіемъ, а твоя совѣсть будетъ покойна. Аглая молода, забудется все. и года черезъ три замужъ выйдетъ. Только довольно грѣха; не продолжайте: вы дойдете до преступленья!

Демьяновъ былъ потрясенъ и тронутъ искренно въ эту минуту; онъ снялъ со стѣны образъ Спасителя и поклялся передъ этимъ образомъ, что отнынѣ, кромѣ участія, его ничто больше не будетъ связывать съ Аглаей.

— Для нея ты можешь сдѣлать, что захочешь, — продолжала Надежда Ивановна съ горячностью: — я работала на тебя десять лѣтъ, и буду работать вдвое; отдай ей половину состоянья, если захочешь!..

— И четверти будетъ слишкомъ много!.. вырвалось невольно у Демьянова, и какая-то необъяснимая улыбка пробѣжала по губамъ его.

Это восклицаніе вдругъ сбросило Надежду Ивановну съ неба на землю, она прямо поглядѣла въ глаза мужу, какъ будто вдругъ что-то странное сообразила и только тихо произнесла:

— Одно дурно: зачѣмъ, *если такъ*, ты увезъ ее изъ дому?

— Я не увозилъ, она сама уѣхала. Конечно, квартиру я нанялъ; но она этого требовала, и я не вправѣ былъ ей отказать. Дай мнѣ слово, что ты не будешь отыскивать, гдѣ эта квартира!

— Даю!.. Но надо, чтобы Куклавины ее взяли.

— Они не возьмутъ.

— Возьмутъ, если ты дашь право мнѣ переговорить съ самимъ Куклавинымъ: я его заставлю! Но дай мнѣ тоже слово, что когда они придутъ за нею, ты не станешь противиться, не станешь колебаться.

— Даю слово!.. Гдѣ же ты увидишь Куклавина?

— Прямо поѣду къ нему.

— Нѣтъ, ради Бога, только *не у нихъ* въ домѣ: ты не должна для достоинства своего входить въ этотъ домъ!

— Какое ужъ тутъ сохраненіе достоинства! воскликнула горько Надежда Ивановна.

Но такъ какъ Демьяновъ настаивалъ, то она обѣщала ему назначить свиданіе Куклавину въ другомъ мѣстѣ.

И Демьяновъ, совершенно облегченный, скоро заснулъ. Тогда Надежда Ивановна приподнялась тихо на локтяхъ и глядѣла на тонкій его профиль, рѣзко обозначавшійся на подушкѣ, на сонъ его безмятежный и глубокій: и вспоминалось ей, какъ не разъ она такъ же точно глядѣла на него, и вдругъ ей тогда представлялось, что онъ не сонный, а мертвый передъ нею, и она въ суевѣрномъ ужасѣ, заливаясь слезами, начинала молиться, *чтобы ей никогда не пережить его*. Теперь она была увѣрена, что онъ ее переживетъ: ей за него нечего было бояться. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни такъ сознательно, во всей наготѣ своей предсталъ предъ нею его эгоизмъ, доросшій до жестокости, — въ первый разъ въ жизни стало страшно ей за самою себя, такъ страшно, такъ жалко себя!.. и почувствовала она, что если кого пережила, пережила она самую себя... Тутъ въ первый разъ въ жизни неутѣшными слезами заплакала она надъ собой!

Никогда надъ нею никто не плакалъ, и никогда ее никто не пожалѣлъ!..

Такихъ сильныхъ натуръ и не жалѣютъ потому, что никогда силы ихъ горя никто не понимаетъ, да и полнаго ихъ горя никогда никто и не видитъ, не потому, чтобы они скрывали его, а потому, что оно скрывается за ихъ жаждой отстоять правду свою до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха жизни. Тихонько ушла Надежда Ивановна въ дѣтскую и тамъ, у кровати каждаго изъ дѣтей своихъ, пролила океанъ слезъ, душу выплакала, и все только шептала: бѣдныя дѣти, возьмутъ у васъ отца! Да, другой мысли и не

было, ни въ какую другую мысль и не слагались болѣе ея умственныя способности.

Демьяновъ не понималъ Аглаи, или скорѣе, въ своемъ мелкомъ мужскомъ самолюбіи, онъ не хотѣлъ иначе думать, какъ только, что она отдалась ему. Надежда Ивановна понимала вполнѣ, что не отдавалась она, а взяла его себѣ, и взяла обдуманно, холодно, дерзко, твердо увѣренная, что въ семействѣ своемъ она получитъ одобреніе, что никто ей противиться не станетъ, что она ничѣмъ не рискуетъ; конечно, она взяла, и взяла безъ борьбы, и не для того, чтобы скоро выпустить. Оставалась у Надежды Ивановны одна темная надежда на самаго Куклавина; хотя онъ гадокъ былъ до самаго мозга костей своихъ, хотя въ этомъ незаконномъ сынѣ развратнѣйшаго изъ людей не откуда было ждать дворянской крови и нравственныхъ правилъ, но служебной карьерой своей онъ могъ дорожить, а также и положеніемъ въ обществѣ,—на эту карту еще, быть можетъ, можно было выиграть,—вотъ зачѣмъ Надежда Ивановна рѣшилась отправиться къ Куклавину прямо и переступить порогъ этого недостойнаго, видѣть шаги ея дома, боясь, что Куклавинъ можетъ и не придетъ въ другое мѣсто куда нибудь по ея назначенію. Было утро, часовъ восемь, когда она позвонила у Куклавиныхъ. Лакей мелъ переднюю и поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Разбудите Александра Ильича: у меня къ нему дѣло!

Затѣмъ она прошла въ кабинетъ Куклавина и сѣла неподвижно. Вошелъ Куклавинъ въ халатѣ и началъ извиняться, что не одѣтъ.

Она просила не церемониться, сѣли оба; съ минуту длилось молчаніе.

— Гдѣ Аглая? — спросила наконецъ Надежда Ивановна медленно.

Лицо Куклавина вытянулось: онъ видимо оторопѣлъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ: она ночуетъ у своей пріятельницы: уѣхала вчера въ концертъ и оттуда отослала экипажъ, говоря, что она ночуетъ у нея.

— И она часто такъ ночуетъ у пріятельницы своей? спросила Надежда Ивановна.

— Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?

— А то—продолжала Надежда Ивановна тѣмъ же тихимъ и глубокимъ тономъ,— что она заставила мужа моего нанять ей квартиру и переѣхала туда, потому что долѣе ужъ имъ скрываться невозможно: положеніе вашей сестры должно быть замѣтно,—вѣдь ей ужъ четыре мѣсяца!..

Куклавинъ выслушалъ ее какъ человѣкъ, который давно ожидалъ этого объясненія; лицо его было пошло и невозмутимо до гадости.

— Что же вы мнѣ тутъ прикажете дѣлать? — спросилъ онъ пожимая плечами.

Въ это время послышался легкій стукъ въ дверь.

— Это жена; позвольте ей войти—пробормоталъ Куклавинъ:—мнѣ надо съ нею посовѣтоваться.

— Нѣтъ, я не хочу видѣть вашей жены,—она главная причина всему! Вы могли не знать, васъ дома не бывало зачастую, вы можете хоть притвориться, что не знали, а она знала, помогала и устроивала:—избавьте меня отъ свиданія съ нею!

Куклавинъ подошелъ къ двери и пробормоталъ женѣ, чтобы она не входила покамѣсть.

— Къ чему вамъ совѣтоваться?—продолжала Надежда Ива-

новна съ возрастающимъ негодованіемъ: — у васъ въ домѣ была дѣвушка, сестра; она вѣдь вамъ дана была? Ее у васъ взяли, и вы не сознаете, что вашъ долгъ отыскивать ее! Отыскивайте же ее, если вы не знаете, кто ея сообщникъ, и смѣло позовите его къ себѣ и потребуйте ее у него, если вы знаете кто онъ! — Садитесь, пишите же къ моему мужу, чтобы онъ пришелъ къ вамъ: онъ прятаться отъ васъ не будетъ, онъ еще не сжился со всѣми вами и не потерялъ понятій о чести, — онъ придетъ! — Куклавинъ сдѣлалъ невольное движеніе. — Не вамъ оскорбляться: я васъ предупреждала — помните письмо мое? въ вашемъ домѣ насмѣялись надъ нимъ, ну — будемъ — теперь смѣяться вмѣстѣ!.. — И Надежда Ивановна горько улыбнулась.

— Лидія меня увѣрила, что ничего нѣтъ, что вы безумно ревнивы! проговорилъ Куклавинъ растерявшись.

— А вамъ какое дѣло было исправлять меня отъ моей мнимой ревности, перевоспитывать меня, продолжая сближать сестру вашу съ моимъ мужемъ? зачѣмъ вы это позволяли дѣлать вашей пустой, безсердечной женѣ?.. Но довольно; что же вы не пишете? — продолжала она нетерпѣливо. — Вы *должны* написать къ мужу, *должны* пойти къ сестрѣ и взять ее къ себѣ въ домъ. Я не пощажу ни васъ, ни себя, ни его, если вы этого не сдѣлаете: я готова на все. Дайте слово!

— Даю слово — произнесъ покорно и испуганно Куклавинъ.

— Я обѣщала мужу, что не буду ему мѣшать видѣть сестру вашу у васъ въ домѣ; но ваше дѣло знать, должны ли вы принимать его: — честь вашего дома лежитъ на васъ, а не на мнѣ!

Куклавинъ какъ будто очнулся.

— Помилуйте, могу ли я это позволить? Да что, развѣ

у меня домъ терпимости, наконецъ?.. Даю вамъ слово, не пройдетъ трехъ дней, я отвезу Аглаю къ отцу и покаюсь ему во всемъ, но дозволить имъ свиданія у меня въ домѣ теперь, когда я знаю, что сестра въ такомъ положеніи, это немыслимо...

— Слава Богу, что вы хоть это поняли! — сказала Надежда Ивановна. Помните же, я расчитываю на васъ, а отцу вамъ каяться не придется: Аглая сама уже возвѣстила письмомъ матери, что оставляетъ вашъ домъ и почему именно она оставляетъ его.

— Не можетъ быть; вѣдь старуха больна: — она убьетъ старуху, кто вамъ это сказалъ?

— Мужъ мой.

— При этихъ словахъ вошла сама Куклавина, которая все время подслушивала у дверей.

— Неужели Мишель сдѣлалъ такую подлость! воскликнула она, появившись вдругъ въ дверяхъ.

— Какую подлость? спросила ее гордо Надежда Ивановна.

— Увлекъ Аглаю!

— Увлекъ? переспросила насмѣшливо Надежда Ивановна. — Подлость? повторила она также, и потомъ прибавила холодно и грустно: — подлость сдѣлали тѣ, которые, зная его слабость, доставляли ему случай увлечься и вели его, тянули его насильно къ увлеченію. Онъ поступалъ такъ, какъ поступилъ бы каждый мужчина при подобной обстановкѣ; гдѣ намъ искать стоиковъ, рыцарей чести въ нашъ вѣкъ!

— Теперь нечего объ этомъ толковать, перебилъ нетерпѣливо Куклавинъ. — Надежда Ивановна требуетъ, чтобы мы

взяли Аглаю: я обѣщалъ ей это, и не перемѣню своего обѣщанія.

— Да развѣ вы думаете, что Мишель отдастъ ее? обратилась Куклавина къ Надеждѣ Ивановнѣ, презрительно поводя плечами.

— Убѣждена, отвѣтила Надежда Ивановна твердо.

— Конечно, отдастъ! вмѣшался Куклавинъ:—у мужчинъ, нечего сказать, всегда такъ: когда страсть удовлетворена, они сами рады избавиться отъ предмета ея.

Досада, съ какою выражался въ эту минуту Куклавинъ, болѣзненно поразила Надежду Ивановну. Она поняла, что Куклавинъ зналъ все, и никакъ не ожидалъ, что Демьяновъ такимъ образомъ все разыграетъ: имъ было досадно, зачѣмъ въ немъ заговорила совѣсть и сердце къ женѣ, которую они давно уже осудили на гибель; они боялись, что онъ ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Она тоже поняла, что если Куклавинъ или жена его бросятъ такой попрекъ ея мужу, то собьютъ снова этого, запутаннаго, какъ муха въ паутину шаткаго человѣка, и старалась не выказать своего смущенія.

—Такъ что же по вашему,—продолжала къ ней приставать Куклавина:— это увлеченіе страсти, une surprise des sens?..

— Именно une surprise des sens, подтвердила Надежда Ивановна.

— Ошибаетесь, воскликнула Куклавина ядовито,—и скоро убѣдитесь, до какой степени вы ошибаетесь: c'est un amour irrésistible!

И Куклавина съ энтузіазмомъ поглядѣла на потолокъ.

Надежда Ивановна смѣрила ее глазами; эта безчеловѣчная насмѣшка надъ ея душевной болью, этотъ наглый вызовъ, прошли мечомъ сквозь ея душу.

— Суди васъ Богъ!.. проговорила она горько. — Готова ли записка? спросила она Куклавина, который писалъ тутъ же за столомъ нѣсколько словъ къ Демьянову. Онъ подалъ ей записку, она пробѣжала ее глазами и сказала: — хорошо! пошлите сейчасъ же съ вашимъ человѣкомъ; велите не дожидаться отвѣта. Прощайте и помните, что я не первый разъ къ вамъ уже обращаюсь, что *тогда* было еще время, что вы сами, не послушавъ меня, погубили вашу сестру, и что я молчать не буду, если все это будетъ продолжаться!

И Надежда Ивановна вышла, поклонившись одному Куклавину.

Одѣвалсь въ передней въ свое пальто, она слышала, какъ Куклавина напала на мужа, что ему вовсе нечего брать Аглаю и вмѣшиваться въ это дѣло, что Аглая умна и такъ поведетъ дѣло, что навѣрно выйдетъ еще замужъ за Мишеля. Она слышала, какъ Куклавинъ крикнулъ: — вы, кажется, обѣ съума сошли! и вообще онъ въ первый разъ въ жизни огрызся на жену.

Возвратясь домой, Надежда Ивановна сказала мужу:

— Я видѣла Куклавина, онъ возьметъ...

Демьяновъ крѣпко сжалъ ей руку, и болѣе между ними не было сказано ни слова въ этотъ день.

Принесли записку отъ Куклавина и Демьяновъ ушелъ.

Онъ пришелъ скоро, засталъ жену въ какомъ-то грустномъ оцѣпенѣніи, поднялъ ея голову, крѣпко поцѣловалъ, и прошепталъ: — все хорошо, будь спокойна! Казалось, ихъ отношенія окрѣпли теперь болѣе, чѣмъ во всѣ восемь лѣтъ; обоимъ было горько и оба чувствовали необходимость опереться другъ на друга, уйти отъ всѣхъ и отъ всего и не разрывать прежъ-

няго, соединиться у олтаря семейной чести и единственной пристани каждаго — у домашняго очага.

И это было бы, если бы дѣйствительно поступокъ Аглаи былъ только увлеченіемъ чувства, а не плодомъ давно окрѣпнувшихъ соображеній цѣлаго сонма Куклавиныхъ и Кукленьевыхъ и всей ихъ обширной родни.

Бѣдную муху не выпустили изъ паутины! Надежда Ивановна, связанная страхомъ оскорбить довѣріе мужа и напугать его заявленіемъ своихъ правъ ужъ не на чувство, а на мѣсто въ его жизни, не смѣя оттолкнуть его упрекомъ—не подходила къ нему иначе, какъ съ лаской и словомъ утѣшенія. Демьяновъ не понималъ всей великости ея горя, но чувствовалъ однако, что безмѣрно любимъ ею, и жаль ему было прожитаго съ нею счастья; но эту слабую нить, привязывавшую его еще къ женѣ, легко было разорвать, постепенно и ловко вооружая его противъ жены, чего не упускала ни Куклавина, ни Аглая, и въ чемъ имъ ловко и усердно помогалъ Эдуардъ. Только теперь въ домѣ все было тихо и Эдуарду уже не приходилось потѣшаться, раздражая сначала Надежду Ивановну, потомъ оскорбляя ее и поджигая Демьянова на ссору съ нею, а тамъ — бѣжать съ донесеніемъ въ домъ Куклавиныхъ. Куклавина перестала привозить Аглаю къ женатому брату на лѣстницу для свиданій; онѣ въ обществѣ и на улицѣ стали избѣгать встрѣчъ съ нимъ и, наконецъ, записки отъ нихъ перестали летать безпрестанно и не подносились непремѣнно за столомъ, и вообще такъ, чтобы Надежда Ивановна не могла не замѣтить ихъ, если бы даже этого и хотѣла.

Надежда Ивановна ждала кровавой развязки, ждала ее какъ неизбѣжности и молилась Богу. Она рѣшила все пере-

несть, чтобы ни пришлось переносить во имя чести, — она была полна великихъ повѣрій о чести, повѣрій, вышедшихъ изъ общаго, видно, употребленія, но для нея казавшихся незыблемыми какъ вѣчность. Трепетала она одного, чтобы старикъ Кукленьевъ не заклеймилъ ея мужа публичной и ничѣмъ не смываемой обидой, прежде нежели одинъ изъ братьевъ Аглаи будетъ стрѣляться съ ея мужемъ, — конечно не тотъ, который не заперъ дверей своего дома передъ соблазнителемъ сестры, а другіе вѣдь братья были у ней. Надежда Ивановна готовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ поступка мужа и готовилась съ твердостью: она не боялась крови, она боялась грязи. Но, Боже мой, какой отсталостью и ветхостью дышали правила Надежды Ивановны! Она забыла и не слыхала, что есть *новые люди*, которые не стрѣляются за сестеръ и не оскорбляются паденіемъ дочерей, а напротивъ того благодарятъ господина, которому угодно принять на себя хотя временную заботу о ихъ родственницѣ и вступаютъ съ нимъ въ дружбу, если только онъ намѣренъ продолжать романъ, расчитывая, что гласность и давность связи узаконитъ ее; — эти *новые люди* сердятся только тогда, если герой романа возвращается въ нѣдра своего настоящаго семейства, на путь долга, чести и нравственности; они претендуютъ на него только тогда, если онъ расходится съ ихъ дочерью или сестрой, — а до того онъ имъ другъ, благодѣтель и родной, во всеувидѣніе и признанъ ими передъ всѣми.

Еслибы Надежда Ивановна знала, что мужъ ея пришелъ не каяться въ винѣ, а по приказанію Аглаи объявить ей свои отношенія, чтобы послѣ того продолжать ихъ смѣло, не боясь уже ея преслѣдованій и подозрѣній; если бы она знала, что всѣ родные Аглаи знаютъ о ея поступкѣ и вмѣсто пре-

пятствій дадутъ ей возможность открыто продолжать связь съ женатымъ человѣкомъ, съ отцомъ семейства, свяжутъ его своею дружбой, не выпустятъ упреками, что онъ погубилъ, что она собой для него пожертвовала, тогда какъ все это было сообща, тогда какъ поступокъ Аглаи однимъ ударомъ, по ихъ мнѣнію, ее устроивалъ, и съ нихъ со всѣхъ снималъ заботу о выдачѣ ея замужъ, о приданомъ, о пріисканіи выгодной партіи, о выѣздахъ въ свѣтъ совершенно безполезныхъ и убыточныхъ,— то Надежда Ивановна не запуталась бы въ рыцарство и поэзію собственныхъ чувствъ. Да еслибы только она знала, что невѣрность ея мужа не вина сердечнаго увлеченья, а просто развратъ, то она вмѣсто заботы о мужѣ и о женщинѣ, для которой ее обманули и оскорбили, подумала бы о себѣ одной,—и это было бы правильнѣе и естественнѣе.

Когда бъ хоть кто нибудь ей далъ когда нибудь понять: какою ложью, какимъ обманомъ мужъ постоянно окружалъ ее! какъ попиралъ онъ ея права и осмѣивалъ ея чувства сто тысячъ разъ! Если бы знала она все это, то встрѣтила бы его признаніе не попыткой поднять его и примирить съ самимъ собой, что она сочла необходимымъ, а холодной фразой: —„мнѣ что за дѣло! Ты меня обманываешь не въ первый разъ: продолжай если хочешь, но не бери меня въ повѣренные. — Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте; а я здѣсь въ сторонѣ: оставьте меня въ роли обманутой жены, которую я давно и неоднократно играла.“

Романа и драмы не было бы, и Аглая была бы не болѣе, какъ одна изъ милліона начинающихъ съ чьей нибудь *легкой руки*. Но Надежда Ивановна судила о другихъ по себѣ, она увлеклась и запуталась въ свое собственное благородство: это и была главная ея ошибка.

Вторая ея такая же великодушная ошибка была вѣра въ семейную честь, въ нравственную власть семейства, въ силу семейнаго вмѣшательства, въ сѣдые волосы стараго грѣховодника-отца, которые, казалось ей, не должны были снести позора дочери, ея убѣжденіе въ уваженіи и страхѣ Куклавина и жены его передъ общественнымъ приговоромъ,—однимъ словомъ сгубило Надежду Ивановну незнаніе, что есть новые люди и что это за новые люди. Она до тѣхъ поръ думала, что новые люди эти нигилисты, герои повѣсти „Что дѣлать“. Но гораздо новѣе ихъ Куклавины, Аглая и ея отецъ, — Надежда Ивановна ничего подобнаго себѣ не представляла, а потому искренно обратилась къ ихъ посредству...

Прошло два дня.

Демьяновъ пришелъ домой измученный, разбитый, съ заплаканными глазами: онъ ходилъ возвращать Аглаю Куклавинымъ. Надежда Ивановна знала, что онъ за этимъ пошелъ, потому что онъ взялъ у ней всѣ деньги, какія были въ домѣ, чтобы заплатить за квартиру и прочія подробности романическаго переселенія. Надежда Ивановна переживала вѣка мученій, пока Демьянова не было; стиснувъ зубы, лежала она одѣтая на своей постели, безъ слезъ, блѣднѣе мрамора; закрытыя ея вѣки трепетали и руки были холодны какъ ледъ. Звонокъ Демьянова заставилъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ и произнесть:—„наконецъ!“ Она хотѣла подняться, но дѣйствительно была разбита вся, и нестерпимая боль во всѣхъ членахъ не давала ей пошевельнуться. Демьяновъ сжалъ ей молча руку, она отвѣтила пожатіемъ, и открыла глаза. Онъ сталъ ходить по комнатѣ въ сильнѣйшемъ волненіи и не смѣлъ глядѣть на жену; тогда еще въ немъ жилъ старый человѣкъ: новые люди не заразили его и не успѣли обратить въ свою

вѣру! Наконецъ онъ остановился противъ кровати и глаза ихъ встрѣтились въ невыразимо—печальномъ взглядѣ.

— Ты плакалъ? невольно спросила Надежда Ивановна.

— Сцена была сильная, отвѣтилъ онъ неровнымъ голосомъ.

— О которой же ты изъ двухъ плакалъ? проговорила печально Надежда Ивановна.

— Онъ припалъ къ женѣ, обнялъ ее крѣпко за шею и прошепталъ ей на ухо: — просилъ ли бы я тебя говорить съ Куклавинымъ, если бы не выше всего въ мірѣ любилъ тебя!..

— Тутъ и она не выдержала: рѣкою полились ея слезы и смѣшались съ его слезами, и долго—долго они сидѣли обнявшись, печальные, разстроенные,—но не безнадежные.

Зачѣмъ не бѣжали они куда нибудь на другой же день? Но ихъ разлучники не дремали, и пока эта сцена происходила у Демьяновыхъ, Куклавина говорила мужу:

— Ну, умную ты вещь сдѣлалъ, нечего сказать: взялъ сестру въ такомъ положеніи! И неужели ты будешь такъ безчеловѣченъ, что отвезешь ее домой?..

— Я обѣщалъ, и Демьянова молчать не будетъ.

— Продолжай обѣщать, что отвезешь.

— А потомъ?

— Потомъ увидишь. Не надо только мѣшать Аглаи, она его не выпуститъ изъ рукъ. Мать одна, быть можетъ, будетъ противиться; но вѣдь она любитъ до безумія, до слѣпоты Аглаю: страхъ довести ее до отчаянья, въ особенности, если та напугаетъ ее возможностью самоубійства, сдѣлаетъ изъ матери рабу, потворщицу, а отца своего ты знаешь,—онъ радехонекъ будетъ! Вѣдь мы всѣ Мишеля знаемъ; если Аглая ловко поведетъ дѣло, его можно будетъ довести до всего.

— Смотрите, не зарвитесь за банкъ, и такъ вы натворили хорошихъ дѣлъ съ этой дрянной дѣвчонкой: какъ теперь разыграете! возразилъ Куклавинъ.

— Только ты не путайся! отвѣтила жена.

А у Аглаи въ комнатѣ сидѣлъ Зировъ и допрашивалъ ее: отчего онъ не видѣлъ ее два дня, гдѣ она была, почему глаза ея заплаканы, не поссорилась ли она съ братомъ и невѣсткой, не провѣдали-ль они чего?..

Аглая встрепенулась и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Да, они знаютъ все!—проговорила она твердо.

— Что же все? спросилъ онъ встревоженный.

— То что я люблю Демьянова; мало того что я люблю, я его любовница, и даже скоро буду матерью,—проговорила она, продолжая въ упоръ глядѣть на Зирова и не давая ему уйти отъ ея взгляда.

Ни съ чѣмъ несравнимое изумленіе оцѣпѣнило Зирова: онъ схватилъ Аглаю за руку, и сжимая руку, проговорилъ съ усиліемъ—„повтори!“

— Слышалъ разъ,—довольно! сказала она холодно.

— И что-жъ Демьяновъ? спрашивалъ онъ напряженнымъ шопотомъ:—да развѣ Демьяновъ...

— Не ревнуешь ли ты?—Аглая улыбнулась ему ледяной улыбкой.

Зировъ выпустилъ ея руку и закрылъ свое лицо руками въ какомъ-то ужасѣ и недоумѣніи.

Аглая сама подняла его голову и, медленно глядя въ глаза, спросила:

— Можетъ быть, ты хочешь признать ребенка своимъ?— Только помни: и для него и для меня, и для тебя выгоднѣе, чтобы отцомъ его былъ Демьяновъ. Можешь меня пре-

зирать: я утѣшусь Демьяновымъ, который во всякомъ случаѣ красивѣе тебя. Послушайте Леонидъ, вы умны; но ни у васъ, ни у меня ничего нѣтъ: чѣмъ воспитать ребенка?..

Но Зировъ не слушалъ ее; онъ обдумывалъ все это дѣло, онъ былъ еще не такъ нравственно испорченъ, чтобы принять участіе въ заговорѣ, онъ бы отвергъ его; но обошлись безъ его участія и на его долю пала странная роль! Объявить себя отцомъ ребенка, котораго быть можетъ отецъ Демьяновъ — это ужъ не Донкихотство, а просто глупость, и послѣ подобнаго объявленія, что останется, какъ не жениться?.. и какъ тутъ жениться, когда очевидно, что и Демьяновъ, и онъ.... Вдругъ ему стало гадко, страшно, невыносимо, и захотѣлось бѣжать! А Аглая стояла передъ нимъ и улыбалась, дерзко глядя на него и принимая его смущеніе за нѣмую ревность.

— Прощайте! вдругъ сказалъ онъ вставая.

— До свиданья! — сказала она внушительно. — Вамъ нельзя не бывать здѣсь, иначе вы вызовете сами на подозрѣніе. Если не по благородству, то по уму вашему надѣюсь — вы будете молчать?

„Буду!“ отвѣтилъ онъ въ дверяхъ, отвѣшивая ей глубокій поклонъ и избѣгая встрѣтиться съ ея глазами: страшна и гадка она ему вдругъ стала. И пошелъ онъ безъ оглядки отъ дверей Куклавиныхъ; на душѣ его было до изнеможенія скверно. На поворотѣ въ другую улицу, онъ встрѣтилъ Надежду Ивановну. Она ѣхала въ своей щегольской, маленькой каретклѣ, и машинально, безжизненно глядѣла вдаль. Зировъ прежде никогда не любилъ ее и не рѣдко, по наущенью Аглаи или Куклавиной, бывалъ съ нею нарочно невнимателенъ до невѣжливости, а на улицѣ уже положительно ни-

когда и не замѣчалъ, и не кланялся ей; но въ этотъ разъ онъ невольно снялъ шляпу и поклонился ей, такъ почтительно и печально, какъ кланяются только покойнику при встрѣчѣ съ его гробомъ.

ГЛАВА VI.

Куклавинъ не отвезъ Аглаи къ отцу, и не смотря на собственное яркое выраженіе о своемъ домѣ, — если посѣщенія Демьянова будутъ имъ допускаемы, — онъ не заперъ дверей своего дома передъ Демьяновымъ. Въ этомъ одержала побѣду надъ его рѣшеніемъ Куклавина; она напомнила весьма рѣшительно мужу, что Демьяновъ ей братъ, что она брата любитъ и ни за что отъ него не откажется.

Все это было нужно для того, чтобы не разлучать Аглаю съ Демьяновымъ, а скрѣпить ихъ союзъ частыми свиданіями. Хотя аргументъ, приведенный Куклавиною, былъ плохой, потому что Аглая была сестрой Куклавину, но Куклавинъ самъ былъ такъ плохъ, что уступилъ женѣ. Нѣсколько позже онъ успокоилъ свою совѣсть тѣмъ, что Аглая ему менѣе близка родствомъ, нежели Демьяновъ Лидіи, потому что Аглая и онъ дѣти не одной матери, и она ему une demi-soeur, какъ придумалъ для нея названіе Эдуардъ. Прошло не три дня, а десять; Надежда Ивановна недоумѣвала, а мужъ ея проводилъ открыто безконечные часы у Куклавиныхъ, и всѣ въ домѣ Куклавиныхъ спокойно глядѣли въ лицо другъ другу при подобныхъ обстоятельствахъ!..

Демьяновъ былъ ласковъ и, казалось, даже искрененъ съ женой, только все становился съ каждымъ днемъ пасмурнѣе; онъ сказалъ женѣ, что за Аглаей скоро пріѣдетъ мать.

А мать слегла; они всѣ это знали, и потому вовсе не ожидали ее.

Пасмурность Демьянова происходила отъ того, что Аглая, которая продолжала ему сильно нравиться, не щадила никакихъ уловокъ самаго отважнаго кокетства, чтобы разжигать въ немъ страсть, разумѣется, уже болѣе неудовлетворяя ее, и безпрестанно колоть Демьянова насмѣшливымъ напоминаніемъ, что вѣдь онъ поклялся женѣ быть далекимъ отъ Аглаи, такъ какъ же ей-то не помочь ему выполнить его обѣщаніе!..

Куклавина нашептывала брату, какъ много Аглая его любитъ, какая это непреодолимая любовь, un amour irrésistible, и твердила, что Аглая собой ему пожертвовала. Вѣдь не надѣялась она ничего, вѣдь ничего же она не могла надѣяться отъ женатаго человѣка, говорила брату Куклавина, а отдалась ему:—бѣдная, бѣдная Аглая умретъ теперь! Для него это было минутное увлеченіе, удовлетвореніе страсти, для нея вѣдь вся жизнь!.. продолжала шептать Куклавина Демьянову...

Вѣдь вотъ они всѣ, родные Демьянова, предвидѣли, что съ нимъ случится все это; знали, что наступитъ минута, когда онъ встрѣтитъ женщину, которую полюбитъ *истинной любовью*, но будетъ связанъ. Вотъ, напримѣръ, онъ могъ бы жениться на Аглаи; какая бы красивая была парочка! Тогда они были бы счастливы, но... онъ женатъ! Затѣмъ, переходя къ другому тону, Куклавина чуть не плакала надъ

нимъ:—бѣдный Миша, бѣдный; запропастилъ ты свою жизнь! *Она* (его жену положено было называть *она*) воспользовалась твоей молодостью, твоимъ минутнымъ увлеченіемъ, и вышла за тебя замужъ. Какъ могла она выйти за тебя? Ей слѣдовало отказаться. Наконецъ, теперь: что это за женщина? Знаетъ, что ты любишь другую, — она не спѣшитъ стереть себя съ лица земли, уступить свое мѣсто другой, отдать ей тебя, куда нибудь дѣть себя самою, лишь бы не мѣшать такой истинной любви.—Все это было выражено ловко, вкрадчиво, пересыпано лестью и поцѣлуями.

Раздраженный Демьяновъ, поджигаемый сестрою, бранилъ себя въ душѣ за то, что далъ женѣ клятву разойтись съ Аглаей, а Аглаю за то, что она ему объ этой клятвѣ напоминала, отказывая въ самой маленькой ласкѣ, и слушалъ сестру съ жадностью потому только, что та бранила его жену, которая теперь среди всего этого стояла помѣхой, непреодолимой преградой; правда, иногда еще, но ужъ очень рѣдко, мелькалъ у него въ головѣ вопросъ: да виновата ли она? Но такъ какъ надо было найти виноватаго, то и рѣшена была ея виновность, лишь бы ему не такъ было тяжело управляться съ своею совѣстью. И мало по малу неумолимая злоба къ женѣ входила въ его душу подъ нашептыванія Куклавиной. Десять дней продолжалась эта борьба добрыхъ намѣреній и злыхъ побужденій; но страсти взяли свое, Аглая съумѣла воспользоваться минутой полнѣйшаго ихъ пыла: она ловко вновь какъ бы покорилась Демьянову, но не иначе, какъ ужъ подъ клятвой жить для нея, съ нею заодно, не думать о женѣ, а главное, не позволять болѣе этой женѣ нескромными вопросами, наблюдательными взглядами втор-

гаться въ ихъ міръ, въ которомъ они оба отнынѣ должны заключить себя — *навсегда!*

Демьяновъ ей обѣщалъ все, чего бы она отъ него не потребовала; она же требованія свои не спѣшила высказать, чтобы не испугать его, и притворялась, что всѣмъ довольна. Въ этотъ день Куклавина съ восторгомъ обняла Аглаю.

Надежда Ивановна замѣтила особенную угрюмость Демьянова тоже въ этотъ день. Онъ едва ступилъ на порогъ дома своего, какъ вспомнилъ все; и страшно, и тяжело ему стало: испугался онъ, что теперь ему сказать...

Надежда Ивановна какъ нарочно спросила его некстати:

— Что съ тобой? ты ужасно грустенъ. Ужъ не пріѣхала ли мать?

— Не твое дѣло! отвѣтилъ ей грубо Демьяновъ.

Въ горестномъ изумленіи поглядѣла на него Надежда Ивановна, она поняла, что съ нимъ случился вновь переворотъ къ дурному, что онъ снова палъ нравственно, а теперь еще глубже, чѣмъ прежде; она сознала, что дѣло ея проиграно; если не навсегда, то надолго.

Страшно ей было разстаться со всѣми надеждами вдругъ. На другой день она имѣла свиданіе съ Куклавинымъ, который,— составивъ себѣ нелѣпую идею почему то, что она придетъ въ его домъ съ полиціей, — безусловно повиновался ея вызовамъ, пока Аглая находилась у него въ домѣ.

— Зачѣмъ вы не увезли Аглаю? спросила она.

— Жена мнѣ сказала, что лучше подождать пріѣзда матери.

— Но вѣдь мать ея больна?

— Да, при смерти.

— Такъ какъ же вы можете ее ждать? И, наконецъ, на

что это похоже, что вы мужа моего принимаете? Онъ ходитъ въ домъ къ вамъ, онъ съ вашего разрѣшенія теперь навѣщаетъ свою любовницу, и эта любовница — ваша сестра!

— Жена мнѣ сказала, что Аглая утопится. Какъ же отказать, помилуйте, какъ отказать! говорилъ Куклавинъ съ глупой, растерявшейся миной.

— И эта печальная комедія долго будетъ продолжаться? допрашивала Демьянова.

— Да вотъ, я не знаю, какъ мать выздоровѣетъ.

— Господи, что это за неслыханные, небывалые люди воскликнула съ ужасомъ Надежда Ивановна.

Куклавинъ боялся ея правды и рѣшимости, а потому сталъ успокоивать.

— Вы не безпокойтесь, заговорилъ онъ: — напрасно вы безпокоитесь; ее увезутъ. Клянусь вамъ, если матери не сдѣлается лучше, я напишу обо всемъ отцу,—пусть беретъ ее! Надо еще подождать. А если послѣ своего разрѣшенія она вздумаетъ продолжать романъ съ вашимъ мужемъ, я самъ со всѣхъ кровель буду кричать противъ этого.

— Хорошо, я подожду еще немного; но если вы не напишете—я сама напишу ея отцу, сказала Надежда Ивановна.

Разумѣется, Куклавинъ немедленно передалъ женѣ разговоръ съ нимъ Надежды Ивановны; жена передала Аглаи, Аглая Демьянову, рыдая въ его объятіяхъ и крича, что жена его хочетъ ихъ разлучить, и что она, Аглая, не переживетъ разлуки.

Отъ милаго все хорошо; эти порывы отъ нея восторгали Демьянова, женѣ же своей онъ не могъ простить ея горя. Онъ тоже не могъ простить ей ея намѣренія разлучить ихъ, какъ будто она и не имѣла права желать ихъ разлуки, а глав-

ное — немогъ простить ей слезъ своей милой. Куклавина ловко пользовалась его раздраженіемъ и безъ устали возбуждала въ немъ состраданье къ Аглаи и негодованье къ женѣ.

Теперь для Демьянова Куклавина была оракулъ: давно ли онъ громко называлъ ее дурой? Она убѣдила своего мужа болѣе не вмѣшиваться въ это дѣло и обращаться съ Демьяновымъ какъ нельзя ласковѣе; она нарочно оставляла все время брата съ Аглаей на единѣ; она сама заботилась объ Аглаѣ, водила ее гулять, и мало по-малу отношенія между всѣми этими лицами приняли видъ отношеній къ жениху и жениха въ домѣ передъ самой близкой свадьбой.

О дуэли, о братьяхъ, объ отцѣ — помину не было.

Что происходило въ душѣ Надежды Ивановны, передать не возможно; она похожа была на приговоренную къ смерти жертву, выслушавшую свой приговоръ и ожидавшую назначеннаго для смерти часа! Впрочемъ смерть встрѣтить легче и смертный приговоръ не такъ тяжелъ, какъ медленная отрава ежедневныхъ, ежечасныхъ душевныхъ обидъ, и рядомъ съ нимъ вопросъ: что же они еще придумаютъ дальше; вѣдь дальше будетъ еще что нибудь по хуже? Эта напряженность, этотъ душевный испугъ, это ожиданіе чего-то худшаго, чего-то ужаснаго, довели бы ее до сумашествія — да дѣти у ней были, и надъ нею былъ Богъ! А этихъ двухъ сознаній она никогда не теряла.

Теперь она уже не спрашивала мужа куда онъ идетъ, откуда приходитъ: онъ уходилъ не стѣсняясь; ей сердце говорило гдѣ онъ. Хотѣла она читать — не могла, дѣтьми заняться — не могла; къ роялю, къ окну, за работу — нѣтъ, ни за что она не могла приняться, и пока мужъ ея сидѣлъ тамъ, гдѣ ее такъ ненавидѣли и такъ безпощадно губили, пока онъ

цѣловалъ и миловалъ подъ восхищенными глазами своей сестры барышню Кукленьеву,—жена какъ шальная ходила изъ комнаты въ комнату, блѣдная, съ блуждающими глазами, съ краснымъ запекшимся рубцомъ во всю лѣвую щеку отъ прилива крови къ сердцу и съ высохшими губами. Тамъ,—тамъ чувствовала она, пили ея кровь, ея жизнь, добивали ея счастье и всѣ ея вѣрованія. Набожная до крайности, она находила только въ себѣ источникъ слезъ, падая передъ кіотомъ на колѣни и глядя безмолвно на лики святыхъ, или произнося шепотомъ:—„видишь ли обиду мою, Господи, видишь ли?“ Но далѣе не шли слова, слезы только лились. Иногда она думала, что эти слезы, эти вздохи будутъ сочтены, эти недосказанныя слова будутъ услышаны, а иногда почти съ ожесточеніемъ восклицала:—„Богъ правды! пробудись, востани въ мою защиту!“ и вдругъ пугалась сама своихъ словъ какъ богохуленія.

А Демьяновъ все дольше и дольше засиживался у Куклавиныхъ; иногда Надежда Ивановна уѣзжала куда нибудь, куда глаза глядятъ, лишь бы дома не оставаться: стѣны дома ее душили и на дѣтей она глядѣть безъ муки не могла.

Дѣла и домъ по прежнему однако были на ея рукахъ, только все это стало идти какъ нибудь; впрочемъ это ужъ не могло принести особеннаго вреда: дѣла были ею устроены, положеніе состоянія разъяснено и улучшено. Десять лѣтъ труда она положила на то, чтобы вывести это состояніе изъ хаоса, въ которомъ оно находилось; теперь въ ней не нуждались и дали ей отставку, расчитали ее какъ ненужнаго слугу, а трудами ея стала пользоваться другая!

Демьяновъ прежній, остановился бы передъ этимъ сознаніемъ; но Демьяновъ, опутанный Аглаею, подстрекаемый и во-

оруженный противъ своей жены Куклавиною, не могъ быть справедливымъ и совѣстливымъ. Теперь онъ самъ сталъ жаловаться на жену и разсказывать и перетолковывать въ дурную сторону каждое ея слово, чтобы убѣдить и себя и другихъ, что она заслужила свою горькую участь, и такимъ образомъ снять всякую тяжесть отвѣтственности со своей совѣсти.

Аглая все еще была недовольна; она не могла забыть, что устроенное ею такъ ловко переселеніе на квартиру неудалось ей и что она была возвращена подъ кровъ родной стараньями Надежды Ивановны, — она не могла успокоиться пока не осуществитъ опять своей первой идеи жизни на отвѣтственности Демьянова. Она написала къ матери, чтобы та не пріѣзжала; къ отцу, который давно все зналъ, чтобы онъ продолжалъ притворяться, будто ничего не знаетъ: она имъ обѣщала что доведетъ все дѣло до полнаго успѣха, но не объясняла своихъ надеждъ. Если же за ней теперь пріѣдутъ, то погубятъ ее! — вотъ что писала она имъ въ каждомъ письмѣ.

Куклавина прибавляла тоже, что надо Аглаю слушать въ этомъ отношеніи и не мѣшать ей, если хотятъ ея счастья.

Между тѣмъ Аглая перестала скрывать свое положеніе, а напротивъ стала одѣваться такъ, чтобы его скорѣе обнаружить. Куклавину они всѣ на это указали и объяснили, что мать не ѣдетъ, а что Аглаи нельзя оставаться долѣе на виду у нихъ въ домѣ, надо нанять квартиру. Демьяновъ сказалъ, что вся матеріальная сторона жизни Аглаи внѣ ихъ дома лежитъ на немъ, что это его прямой долгъ. Куклавинъ не сказалъ ни слова и не противился ничему: ему только приказали пріискать квартиру; а для лучшаго ухода, на вся-

кій случай найти комнату у какой нибудь повивальной бабушки.

Квартира была отыскана. Куклавина привезла барышню къ фрау Клейземанъ, и разсказала ей вымышленную исторію о ссорѣ отца этой барышни съ женихомъ, повѣдала ей, что все скоро окончится свадьбой и приказала принимать къ ней изъ посторонннхъ лицъ только жениха. И тутъ слѣдовало описаніе жениха. Цѣна за все, и цѣна хорошая, была заплачена впередъ, и Аглая поселилась у фрау Клейземанъ. Надежда Ивановна знала день, часъ и мѣсто этого втораго переселенія. Теперь, глядя на длинную улицу, она почти могла различать стѣны квартиры Аглаи и видѣть всякій разъ, какъ мужъ возвращается отъ любовницы. Матеріальная забота, которую Куклавины навязали такимъ образомъ Демьянову объ Аглаѣ, покрѣпче прежняго затянула петлю на его шеѣ.

Аглая торжествовала, а вмѣстѣ съ нею и Куклавина.

И вотъ едва прошло десять дней, съ поступленія Аглаи на содержаніе Демьянова, какъ Демьяновъ, который едва, едва, часа на два заглядывалъ домой, повелъ слѣдующую рѣчь съ Надеждой Ивановной.

— Положеніе мое невыносимо, и я рѣшился покончить;— сказалъ онъ сухо обращаясь къ женѣ.

— Разумѣется, со мной? прервала его съ горькимъ упрекомъ Надежда Ивановна.

— Что же мнѣ дѣлать? вѣдь я не могу ее оставить!

— А меня можешь?

— Она не можетъ жить безъ меня!

— А я могу?.. она послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я послѣ десяти лѣтъ!.. сказала Надежда Ивановна. Послушай, не сердн меня—воскликнулъ Демьяновъ. Правильность возраженій

взбѣсила Демьянова; говорить здѣсь долго не о чемъ, прервалъ онъ ее:—не мы первые, не мы послѣдніе—жили, *потомъ разъѣхались*! ты будешь свободна: я тебѣ готовъ дать половину состоянія и двухъ старшихъ дѣтей, ты мнѣ отдашь меньшую.

Лицо Надежды Ивановны приняло страшное выраженіе.

— Ты шутишь! проговорила она глухимъ голосомъ, близко подходя къ нему;—ты вѣрно шутишь! но я такъ шутить тебѣ не совѣтую... Тебѣ отдать мою дочь, моего ребенка?—продолжала она, воспламеняясь,—когда ты будешь жить—съ кѣмъ? мою дочь будетъ воспитывать — кто?.. Ты сумасшедшій! Нѣтъ, ни половины, ни цѣлаго твоего состоянія мнѣ не нужно. Какой тутъ дѣлежъ?.. Разъѣхались произвольно, добровольно?—Нѣтъ, здѣсь дѣйствуешь одинъ ты, по своему произволу; ты рѣшаешь, ты одинъ дѣлаешь, что хочешь! моей воли нѣтъ и ты не спрашиваешь, нуженъ ли ты мнѣ... Я тебѣ не нужна, такъ ты меня выбрасываешь вонъ, на улицу, какъ выжатый лимонъ... Я знала, что тебя доведутъ до того, что ты насъ покинешь, бросишь—вотъ и довели! Нѣтъ, если мы чужіе тебѣ, гони насъ изъ своего дома, гони—но всѣхъ вмѣстѣ! мы всѣ выйдемъ отъ тебя: но гдѣ мать, тамъ будутъ и дѣти... Господи, Господи! что они со мною дѣлаютъ?!..—И она горько заплакала.

— Ну такъ, началась сцена! проговорилъ Демьяновъ съ нетерпѣніемъ.—Съ тобой не сговоришь!.. Онъ махнулъ рукой, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дома...

Обезумѣвшая, пораженная, какъ громомъ, безсердечіемъ и безразсудствомъ подобнаго предложенія, сидѣла долго Надежда Ивановна.—Да о чемъ же я думаю? сказала она вдругъ;—теперь ужъ не мужа у меня берутъ, а отца у дѣтей. Нѣтъ,

я слишкомъ долго молчала: напишу къ ея матери; какъ мать, она сама пойметъ мать во мнѣ, какова бы она ни была!

И въ лихорадочномъ порывѣ, съ лицемъ не обсохшимъ отъ слезъ, сѣла писать она къ старухѣ Кукленьевой, умоляя ее именемъ прощенія Божіяго прекратить для нея семейное несчастіе, а для дочери позоръ и преступленіе. Подъ впечатлѣніемъ этого новаго удара она ярко выразила, что̀ такое положеніе Аглаи и теперь, и въ будущемъ...

Получивъ это письмо, Кукленьева переслала его немедленно въ подлинникѣ Куклавинымъ, чтобы показать имъ, что̀ они сдѣлали съ ея дочерью и до чего довели ее, умирающую старуху; какія письма она получаетъ!.. а главнѣе всего, что эти письма горькая правда! Съ постели она ужъ тогда тронуться не могла, а собиралась послать няньку за Аглаей.

Куклавина обрадовалась этому письму, какъ находкѣ; она показала его брату со всевозможными комментаріями: —какова твоя жена, какова! Развѣ можно писать, *вотъ она и разгласила!*—Аглая же стала плакать, говоря, что Надежда Ивановна своимъ письмомъ убила ея мать. Демьяновъ клялся выместить все это на виновницѣ женѣ и отплатить ей за огорченія двухъ теперь любимѣйшихъ для него существъ. Онъ вполнѣ повѣрилъ, что старуху Кукленьеву убило письмо его жены; онъ совершенно забылъ, что ее дѣйствительно убило письмо, но письмо Аглаи, когда Аглая оставила въ первый разъ домъ Куклавиныхъ и сообщила сама все это матери.

Тутъ онъ объявилъ, что положительно рѣшилъ развестись съ женой и жениться на Аглаѣ.

— Наконецъ-то! воскликнула Куклавина, а Аглая припавъ къ его груди, говорила ему: —Мой милый, мой хорошій, какъ я люблю тебя!!

*

Положено было переговорить съ адвокатовъ и поручить ему уговорить Надежду Ивановну дать согласіе на разводъ. Адвокатъ былъ пріисканъ Куклавиными, подготовленъ и напрошенъ ими. Впрочемъ, онъ не зналъ сущности дѣла, ему сказали только, что Демьяновъ несчастливъ, что жить ему съ женой невозможно, — такой ужъ у нея адскій характеръ, — однимъ словомъ — *не сошлись характерами и необходимъ разводъ.*

Демьяновъ объявилъ женѣ прехладнокровно, что разлуки по добровольному соглашенію для него не довольно, что подобная разлука незаконна, какъ онъ теперь узналъ, слѣдовательно выйдетъ глупость, — а ему нуженъ разводъ.

Такъ дерзко играть чьимъ нибудь разсудкомъ, сердцемъ, волею, здоровьемъ, какъ играли въ этой мучительной игрѣ ежечаснаго изобрѣтенія новыхъ мукъ для Надежды Ивановны — невозможно. Да и то, что онъ сказалъ, невозможно! — Ему нуженъ разводъ, слѣдовательно она должна принять все на себя, дать законно и гласно опозорить себя и наложить клеймо на свое имя, лишиться даже уваженія дѣтей своихъ, когда они придутъ въ возрастъ или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть ихъ душу сомнѣніямъ для того, чтобы разводъ ему пригодился. Вѣдь это для Аглаи нуженъ разводъ ихъ, не для него! вѣдь вотъ какъ Куклавины подвинули дѣло и до чего дошли... Не во снѣ ли она? онъ ли это дѣйствительно ей все это предлагаетъ? Какъ сравнить это съ ея еще недавнимъ прошлымъ?! — Но чтобы дойдти до всего этого и такъ быстро — одной страсти мало: тутъ работа разлучниковъ; тутъ ясно видно, какъ убили въ немъ всякую человѣческую жалость къ ней, постепенно его вооружая противъ опостылѣвшей жены и непрерывно нашептывая ему: „вотъ преграда къ счастью

твоему! — ломай, разрушь ее; ты въ правѣ это сдѣлать и она не въ правѣ защищаться.“ Нѣтъ, это комедія: онъ комедію играетъ передъ ними всѣми, передъ нею, передъ самимъ собой. Оттого-то онъ такъ жестоко спокоенъ, что знаетъ, что это невозможно! — Вотъ что она передумала, пока онъ объявлялъ ей свою волю.

И ей вдругъ пришло въ голову принять участіе въ этой комедіи и увидѣть, какъ далеко пойдетъ фарсъ...

— Вѣроятно у тебя есть уже адвокатъ для веденія разводнаго дѣла? спросила она тоже по видимому спокойно своего мужа.

— Есть, отвѣчалъ онъ потупясь невольно.

— Кто же?

Демьяновъ видимо смутился и не тотчасъ отвѣчалъ.

— Я привезу его, если позволишь, пробормоталъ онъ.

— Хоть завтра, сказала Надежда Ивановна.

— Хорошо; завтра въ два часа...

И онъ вышелъ, а у ней въ ушахъ цѣлый день отдавались слова: —*завтра, въ два часа!..* Что же это такое?!.. Она усиливалась дать себѣ отчетъ, но не могла; вдумывалась въ свои мысли и въ его слова — ничего понять не могла. Никакихъ слезъ не было, да и ничего не было... Адвокатъ придетъ — для чего? Для разводнаго дѣла... Это Мишель? Это она? ихъ домъ; общіе интересы; общая комната; никогда никакихъ столкновеній; ихъ дѣти??... что же тутъ дѣти: чѣмъ дѣти виноваты, что у нихъ берутъ отца? Такъ вотъ оно, постороннее вліяніе; вотъ они, разлучники; вотъ, что они значатъ! Не одна Аглая между нимъ и ею: цѣлая семья, и семья работающая дружно и усердно!..

А онъ какъ будто движется, говоритъ и дѣйствуетъ

не по своей волѣ, точно опоенный опіумомъ, околдованный, точно лунатикъ... На него ли сердиться? Нѣтъ, на него она сердиться не могла, считаться съ нимъ тоже. Онъ никогда не зналъ анализа и не подвергалъ ему себя, какъ ни добивалась она этого; но прежде у него былъ порядокъ жизни, и потому онъ не терялъ равновѣсія; теперь же его бросили въ безпорядокъ и не давали ему опомниться! равновѣсіе окончательно было потеряно.

Задумалась Надежда Ивановна о Богѣ, что вотъ Богъ сосчитается за нее когда нибудь съ ея разлучниками. Только когда же это будетъ? мы временны — Онъ вѣченъ; то, что для Него минута, то для насъ кажется вѣчностью: оттого-то мы такъ нетерпѣливы! Мы все боимся пройти, не видѣвъ Его суда, и мы можемъ пройти; но судъ Его не пройдетъ! — Мысли ея разбѣгались, расходились въ милліоны круговъ—и все слезъ не было, а прежде она такъ много плакала! Вдругъ ей показалось, что по всей комнатѣ какіе-то круги, какіе-то радіусы, а центръ ихъ—ея грудь, ея сердце.... Ей все хотѣлось дать себѣ отчетъ: о чемъ это съ нею мужъ говорилъ и не комедія ли это, и какъ все это будетъ *завтра!*

Она достала его письма;—берегла она безсознательно этотъ памятникъ прожитаго чувства. И онъ также когда-то берегъ ея письма, носилъ и носитъ до-нынѣ на груди своей медальонъ съ ея портретомъ; но письма свои она потихоньку взяла у него, когда стала замѣчать отношенія его къ Аглаѣ, и сожгла. Зачѣмъ ему они? думала она: — я не измѣнилась и не могу измѣниться; а то вѣдь еще пожалуй, если она потребуетъ, онъ принесетъ ей и отдастъ, осквернитъ святыню прошлаго, чтобы показать, что я для него ничто! Да, она уже тогда смутно понимала, что вся любовь его къ Аглаѣ будетъ вы-

ражаться его жестокостями къ ней, что вся эта любовь будетъ построена на ея оскорбленіяхъ, на ея мукахъ, потому что отъ него всѣ будутъ требовать доказательствъ, *что болѣе онъ ужъ не любитъ свою жену...*

Была бы она любовницею ему просто:—опостыла, надоѣла—бросилъ и конецъ дѣлу; да, можетъ быть, еще, сознавая себя виновнымъ передъ нею, пожалѣлъ бы иногда ее и уважилъ бы, какъ память прошлыхъ радостей!.. Но здѣсь было не наслажденье, а счастье; здѣсь была вся жизнь, крѣпкая цѣпь жизненнаго порядка многихъ лѣтъ, права духовныя, гражданскія и, главное—куда бы ни пошелъ онъ и какъ бы ни поступалъ — за нимъ оставалось цѣлое семейство съ его именемъ, и не оторвать вѣдь этого имени ни отъ жены, ославленной и брошенной на жертву людскимъ толкамъ,—ни отъ дѣтей—покинутыхъ, безпомощныхъ сиротъ...

Какія деньги, какое состоянье могутъ заставить этихъ безвинныхъ страдальцевъ принять безропотно подобную участь?

А общество? Нѣтъ, какъ бы гнило и дурно оно ни было, проступокъ противъ семейства вначалѣ называютъ блажью, но впослѣдствіи времени зовутъ его преступленіемъ.

Надо было дать этому человѣку силу совершить преступленіе; а такъ какъ сила предполагаетъ хладнокровіе, хладнокровно же преступленія почти не совершаются, – то надо было обойти его, отуманить,—и отуманили его Куклавины усердно, подъ опіумъ ласкъ Аглаи.

Чѣмъ больше вчитывалась Надежда Ивановна въ его прошлыя письма, тѣмъ менѣе понимала все то, что теперь съ ней происходитъ, тѣмъ менѣе могла дать себѣ отчетъ. А радіусы опять и отъ этихъ писемъ шли по всей комнатѣ... Страш-

но ей стало. Она велѣла запречь карету и поѣхала къ двумъ лицамъ: къ знакомому своему адвокату и къ священнику.

Адвокатъ этотъ былъ источникъ свѣтлѣйшихъ идей: быстрота его соображеній, способность представлять себѣ почти осязательно всевозможныя положенія души человѣческой и прививать комизмъ къ самому горькому человѣческому горю, привычка легко относиться къ жизни, дѣлали изъ него дорогаго совѣтника для Надежды Ивановны. Какъ всѣ личности, стоящія выше посредственности, онъ имѣлъ гибель порицателей; о немъ давно составилась репутація геніальнаго адвоката, но человѣка безъ сердца. Съ Надеждой Ивановной онъ былъ сердеченъ, хотя отыскивалъ комическія стороны и въ обстановкѣ ея горя, хотя хохоталъ до упаду надъ житейской гадостью: но надъ самымъ горемъ ея онъ не хохоталъ. Его рѣчи дѣйствовали на Надежду Ивановну отрезвляющимъ образомъ.

Выслушавъ ее теперь очень внимательно, онъ крѣпко подумалъ и сказалъ:—Это мерзость, потому что вы мать; передъ этимъ святымъ званіемъ каждый долженъ остановиться. Вы отлично сдѣлали, что не уклонились отъ визита его адвоката: любопытно и назидательно будетъ слушать! Но помните—не теряйте хладнокровія, и если бы кошки у васъ скребли за сердце, поразите всѣхъ глубочайшимъ хладнокровіемъ: увѣряю васъ, это ихъ озадачитъ. Никогда я вамъ не говорилъ о законахъ, потому что считалъ всю эту штуку блажью; но такъ какъ они ведутъ вотъ куда дѣло, то не забывайте, что юридическая и нравственная сила и правда вся на вашей сторонѣ, а потому плюйте въ лицо всѣмъ адвокатамъ и смѣйтесь имъ въ глаза надъ всѣми ихъ затѣями. Скажу вамъ больше... Вашъ мужъ не искрененъ въ желаніи развода—все это на-

пускное; какъ онъ ни плохъ по части знанія законовъ, а не можетъ не знать, хоть смутно, порядковъ разводнаго дѣла: вотъ почему я вамъ говорю, что онъ не искренекъ. Совѣтую вамъ отрѣшиться отъ вашихъ личныхъ чувствъ и вести себя отнынѣ такъ, чтобы юридическая правда всегда была на вашей сторонѣ, то есть какія бы теперь ни были ваши отношенія къ мужу—не смущайтесь ничѣмъ и исполняйте все какъ обязанность.—Помните, какъ *обязанность*: лучше этого слова мнѣ ничего для васъ не выдумать. Поняли вы меня?..

Въ первый разъ въ жизни онъ не хохоталъ и крѣпко пожалъ руку растерянной Надеждѣ Ивановнѣ.

Она поѣхала къ священнику; онъ былъ когда-то прежде, во дни ея колебаній и испытаній ея духовникомъ; но онъ жилъ такъ далеко, что съ перваго года своей брачной жизни Надежда Ивановна исповѣдывалась у духовника своего мужа.

Священникъ узналъ ее и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Давно не видѣлъ я васъ, проговорилъ онъ кротко.

— Семь лѣтъ батюшка, семь лѣтъ! И это значитъ, что семь лѣтъ я была счастлива! и она закрыла лицо руками, а слезы такъ и закапали изъ глазъ ея сквозь пальцы.

Онъ глядѣлъ на нее безъ изумленія и безъ любопытства. Бѣденъ и простъ былъ этотъ священникъ; его старенькая шерстяная ряска, истощенное лицо, жидкіе съ просѣдью волосы, тишина взора и голосъ внятный, почти строгій—все располагало въ его пользу.

Онъ посадилъ Надежду Ивановну подлѣ себя и слушалъ, изрѣдко прерывая ее какимъ нибудь разсужденіемъ съ самимъ собою вслухъ.

Разсказала она ему всю прошлую жизнь свою и неизмѣнную любовь; свои текущія страданья и то, съ чѣмъ примириться не могла она — паденіе, глубокое нравственное паденіе человѣка, котораго она такъ высоко поставила надъ собой!

Вдумчиво слушалъ ее священникъ, и когда кончила она свою мучительную повѣсть, онъ тихо произнесъ.

— О слѣпота, слѣпота! Любовь ваша къ мужу была не любовь, а болѣзнь вашей души и воли. Богу было угодно исцѣлить васъ; не спорю, тяжкимъ путемъ отнято у васъ самообольщеніе, но оно было въ васъ такъ сильно, что иначе разбить его нельзя было. Вы считали вашего мужа совершенствомъ.

— Сердце его я считала совершенствомъ, — прервала Надежда Ивановна.

— А Богъ показалъ вамъ, что у него нѣтъ сердца. Но, считая его совершенствомъ, вы и относились къ нему какъ къ совершенству, а онъ, не понимая высоты, на которую вы возвели его, считалъ это отъ васъ требовательностью. Теперь вамъ показаны его слабость, грязь, его недостатки, для того, чтобы вы, когда онъ возвратится къ долгу, къ совѣсти и правдѣ, нашелъ бы въ васъ снисхожденіе. Быть можетъ, Господь этимъ тяжкимъ путемъ испытаній положилъ даровать миръ дому вашему: выше мира и наслажденія миромъ нѣтъ ничего! Не случись того, что съ вами теперь случилось, куда бы завлекла васъ страстная, слѣпая любовь ваша къ мужу?.. Да, это была болѣзнь души вашей: надо было разбить ее, а потомъ исцѣлить васъ. Отдайтесь безропотно въ руки Промыслу; Онъ возвратитъ вамъ въ лучшемъ видѣ все утраченное вами, и та любовь, которую вы будете тогда чувствовать къ вашему мужу, не будетъ ни дика, ни странна, какое бы видоизмѣненіе не

получила ваша наружность, какіе бы года не пробили надъ вашей головой,—потому что то будетъ любовь *снисхожденія и попеченія о слабомъ и больномъ*. Наступитъ для него время, когда онъ ни въ доброту вашу, ни въ великодушіе ваше ужъ вѣрить не будетъ, и не легко для него будетъ время это! Нанося раны вашему сердцу, онъ нанесъ вѣчную рану и своему. Но теперь онъ ея еще не чувствуетъ. То самое время, которое будетъ исцѣлять васъ, будетъ только растравлять его раны, а въ этомъ то и тяжкое наказаніе его. Молитесь же о немъ, и простите ему. На разводъ не соглашайтесь; по ученію Христову это грѣхъ: — прочтите что говорится объ этомъ въ Евангеліи. О врагахъ своихъ не думайте, не возмущайтесь, если Богъ помедлитъ ихъ наказать; быть можетъ, наказаніе надъ ними совершится такъ поздно, что оно уже не доставитъ вамъ наслажденья; но думайте, что и это для того, чтобы вы не затемнили подобной преступной радостью души вашей; враги ваши не могутъ уйти отъ наказанія: но между отмщеніемъ и судомъ неизмѣримая разница. Судъ свершится надъ ними тогда, когда, по вашимъ чувствамъ, наказаніе ихъ ужъ не будетъ отраднымъ для васъ отмщеніемъ, а лишь праведнымъ воздаяніемъ за дѣла ихъ.

Все это говорилъ тихо, мѣрно священникъ, а Надежда Ивановна плакала, разливалась рѣкой. Она не стыдилась и не боялась плакать; она знала, что здѣсь ей не скажутъ съ презрѣньемъ при каждой слезѣ ея: *что она дѣлаетъ сцены*. Слова священника дали вдругъ другой толчокъ ея мыслямъ и пахнули на нее примирительною силой... Эти жгучіе круги перестали мигать и тянуться кругомъ ее, въ головѣ она почувствовала свѣтъ и прохладу. Странно, что ей никогда не приходилъ подобный взглядъ на свое положеніе, а вѣдь

только въ этомъ христіанскомъ взглядѣ и могла еще явиться для нея сила перенесть подобное положеніе.

Она возвратилась домой спокойная, безъ всякихъ проявленій горя и страха. Демьяновъ весь обѣдъ глядѣлъ на нее изподлобья, ничего не понимая въ ея спокойствіи. Неужели она его не любила? или такъ легко разсталась она съ любовью? Какая же тутъ любовь, значитъ любви никакой и не было!—думалъ онъ, и почти обижался ея спокойствіемъ. — Его разбирала досада, оскорбленіе: какъ могла она его разлюбить, и сомнѣніе, дѣйствительно ли она его такъ сильно всегда любила какъ онъ думалъ?.. Такъ гадка натура человѣка, что равнодушія ея онъ ей простить не могъ...

На другой день въ два часа привелъ онъ къ ней адвоката. Невольное восклицаніе вырвалось у Надежды Ивановны: адвокатъ этотъ былъ другъ дома Куклавиныхъ, служившій подъ начальствомъ Куклавина прежде когда-то...

— Мнѣ слѣдовало догадаться что придете вы!—сказала Надежда Ивановна.—Она сѣла, Демьяновъ тоже сѣлъ. Онъ не уходилъ. Какъ можетъ онъ присутствовать?—думала Надежда Ивановна,—и опять жгучая боль охватила ея голову.

Адвокатъ повелъ рѣчь о несходственности характеровъ; онъ сталъ говорить, и Надежда Ивановна видѣла, что онъ бродитъ въ густыхъ потемкахъ. Ей стало теперь понятно, что Демьяновъ потому тутъ, чтобы она не сказала правды; но она не прерывала адвоката.

Когда онъ сталъ распространяться о тѣхъ тяжкихъ сценахъ, которыя бываютъ въ семействѣ, когда мужъ и жена не сойдутся характерами, она только сухо и гордо его спросила:

— Кто вамъ говорилъ объ этомъ: г-жа Куклавина или мой мужъ?

Демьянова передернуло; адвокатъ смутился, но, не отвѣчая на ея вопросъ, продолжалъ живописать: какъ она можетъ быть счастлива съ другимъ, а Демьяновъ съ другою, и какъ они очень могутъ дружески встрѣчаться тогда другъ съ другомъ, и даже...

— И даже — прервала вдругъ Надежда Ивановна — въ свѣтѣ, на балахъ, мазурку въ первой парѣ танцовать?

Комизмъ такого положенія и вообще всѣхъ доводовъ адвоката—такъ ярко ей представился, что она невольно расхохоталась.

Адвокатъ обидѣлся.

— Извините, я пришелъ не для насмѣшекъ. — И онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Позвольте, остановила его Надежда Ивановна. — Такъ что же вамъ нужно отъ меня, чтобы начать разводное дѣло, необходимость и правоту котораго вы рѣшили, какъ видно, давно на общемъ совѣтѣ?

— Ваше письменное согласіе.

— Словеснаго недовольно?

— Нѣтъ-съ, нужно письменное.

Она глядѣла все это время на Демьянова, который какъ будто приросъ къ ея словамъ; глубокій ужасъ выражался на его лицѣ, онъ былъ желтъ, какъ померанецъ, и глаза недвижно на нее глядѣли. Чего онъ боится? подумала она. Пытка его была очевидна. Боится ли согласія или несогласія моего?—и она медлила.

Минута глубокаго молчанія. Надежда Ивановна закрыла глаза и вдругъ, открывъ ихъ, встрѣтила взглядъ мужа до того печальный, что у ней дрогнуло сердце. Онъ видѣлъ, что пойманъ, и потупился.

— И такъ, вамъ нужно письменное мое согласіе? Но такъ какъ мужу моему разводъ нуженъ совсѣмъ не потому, что у меня дурной характеръ: мы жили душа въ душу восемь лѣтъ, а для того—что-бы жениться на другой. — Такъ какъ мнѣ жаль его, потому что выборъ его ужасный, то я и не дамъ никогда моего согласія на разводъ!—Густая краска смѣнила желтизну въ лицѣ Демьянова и глубокій вздохъ облегчилъ его грудь, но глазъ онъ не поднималъ. Давъ волю своему негодованью, Надежда Ивановна продолжала:

— Онъ, безжалостный, здѣсь сидѣлъ, покуда вы меня пытали на медленномъ огнѣ, а мнѣ его жаль! Когда его все уже обманетъ и живаго мѣста не останется въ его душѣ, вспомнитъ онъ о насъ, которыхъ теперь хотѣлъ оттолкнуть навсегда законной формою развода, и придетъ къ себѣ въ домъ, если не ко мнѣ, то къ дѣтямъ нашимъ!.. А вы, адвокатъ, ищущій разъединять соединенныхъ бракомъ, вамъ вѣрно ваши кліенты не сказали, что у меня есть дѣти? Мнѣ кажется, вы не взялись бы меня уговаривать, еслибы это знали: вѣдь вы человѣкъ!!

Смущенный адвокатъ поклонился и торопливо вышелъ, провожаемый Демьяновымъ.

Напряженность самообладанія вдругъ оставила Надежду Ивановну; она стала дрожать всѣмъ тѣломъ, обезумила отъ испуга,—почти животная боязнь охватила ее. Кого боялась она?—она боялась Демьянова! Ей вдругъ припомнилось, что вѣдь онъ одинъ знаетъ всю ея неизмѣримую къ нему любовь; а какъ же, зная и помня все это, онъ могъ такъ безсердечно, такъ отважно присутствовать, когда оскорбляли, били, стегали ее нравственно, предлагая ей, уговаривая, запугивая разводомъ? Слѣдовательно онъ способенъ на все, и онъ можетъ все сдѣлать надъ нею но

приказанію Аглаи и Куклавиныхъ; слѣдовательно онъ къ ней безчеловѣченъ, и отъ него пощады она ни въ чемъ ужъ не должна ждать! Непобѣдимая боязнь оковала ея душу, такъ что, заслышавъ шаги мужа, она убѣжала въ дѣтскую и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижалась въ уголъ за дѣтской кроваткой.

Демьяновъ отворилъ дверь, окинулъ взоромъ комнату, но ее не замѣтилъ.

Боже какъ дрожала она! Она тряслась какъ въ лихорадкѣ и не теряла сознанія, что трясется какъ жертва передъ палачемъ, и что трясется такъ — передъ *своимъ* Мишелемъ! Вотъ въ этомъ сознаніи и былъ для нея самый горькій ядъ!

Онъ убьетъ меня, если они прикажутъ! — промелькнуло вдругъ въ ея головѣ, и чувство самосохраненія пробудилось въ ней вслѣдъ за этой страшной мыслью. Она не думала и не говорила — если Аглая прикажетъ, но если *они* прикажутъ! Она чувствовала и ярко видѣла, что толкаютъ его многія руки, ведутъ его многія воли, что здѣсь не одна разлучница, а цѣлый сонмъ разлучниковъ, что положено взять его у нея и у дѣтей, осиротить ихъ, малолѣтнихъ, лишить природнаго ихъ покровителя; что нужна не любовь его, а онъ самъ своей особой, потому что при его особѣ будетъ находиться и карманъ его.

Тутъ промелькнула въ ея воспоминаньяхъ Аглая, вышедшая изъ пансіона въ истоптанныхъ башмакахъ, въ дурно вымытомъ и плохо выглаженномъ старенькомъ кисейномъ платьѣ, и Куклавина, отмѣривающая ложечками у себя сливки къ чаю по числу гостей и выдающая собственными руками сальныя свѣчи; ни наслѣдства, ни выигрыша съ ними не случилось, а между тѣмъ теперь щегольство, выѣзды, вечера: откуда все это?.. Аглаи отступиться отъ Демьянова не хотѣлось: она

рѣшила исковеркать его жизнь, передѣлать его самого, попристроиться, а Куклавина рѣшила помочь ей удержать его, и, видно, не безъ выгоды и для себя, потому что элегантность въ ихъ обстановкѣ появилась постепенно со дня сближенія Аглаи съ Демьяновымъ.—Нѣтъ, они не выпустятъ его, это ясно!..

— Вотъ научили къ разводу принуждать,—научатъ еще убить меня!

И снова начинала Надежда Ивановна дрожать, и дальше пряталась за дѣтскую кроватку. Второй разъ она чувствовала теперь, что ей будто посреди лба вколачиваютъ до самого мозга раскаленный гвоздь, и опять ужасная мысль:—не такъ ли начинается сумашествіе? — И снова ей стало жаль дѣтей, при убійственной мысли, что не на кого ихъ покинуть!..

Долго ли, коротко ли просидѣла она въ этомъ состояніи, но когда вышла въ залу у мужа ея сидѣлъ гость, старинный ихъ пріятель, свидѣтель и повѣренный когда-то ихъ прежней, начинавшейся любви. Михаилъ Сергѣевичъ самымъ любезнымъ тономъ обратился къ женѣ съ вопросомъ не поѣдетъ ли она во Французскій театръ, смотрѣть la belle Hélène.

Возмущенная, недоумѣвающая, она пробормотала, что голова болитъ. Онъ звалъ гостя, гость смутно предчувствовалъ горе въ этомъ домѣ, ему было неловко; онъ отказался и остался съ Надеждой Ивановной.

Демьяновъ уѣхалъ одинъ въ театръ, спокойный и веселый.

Когда за нимъ затворилась дверь, гость и Надежда Ивановна молча поглядѣли другъ на друга; онъ не смѣлъ спросить, но она поняла безъ словъ его печальный вопросъ.

— Мнѣ предложили сегодня разводъ! произнесла она звонко и твердо.

У гостя на концѣ усовъ заискрилась слеза и онъ сжалъ крѣпко руку Надежды Ивановны; тогда она положила его руку себѣ на голову и плакала, плакала, плакала...

Вбѣжали дѣти; гость не могъ видѣть ея дѣтей, обреченныхъ на сиротство.

— Infâmie!.. проговорилъ онъ невольно; поцѣловавъ руку у Надежды Ивановны, и вышелъ глубоко взволнованный.

Надежда Ивановна обратилась къ нянѣ.

— Перенеси все мое въ дѣтскую, устрой меня тамъ — сказала она.

Няня поглядѣла на нее испуганно.

— Зачѣмъ же это, барыня?

Озираясь, полушепотомъ, почти наклонясь къ ея уху, Надежда Ивановна произнесла: — я до смерти его боюсь: онъ страшный!..—И няня поняла, что есть чего бояться.

Демьяновъ возвратился поздно изъ театра и прежде всего, по обыкновенію, пришелъ въ дѣтскую. Увидѣвъ жену, которая спала или притворилась спящею, онъ наклонился близко и посмотрѣлъ ей подъ рѣсницы. Блѣднѣе и неподвижнѣе мертвеца лежала она; длинныя темныя косы змѣились по подушкѣ, обнаженное плечо выглядывало изъ подъ соскользнувшаго одѣяла.

Долго стоялъ надъ нею Демьяновъ и не вѣрилось ему, чтобы она могла уйти отъ него, могла оторвать отъ него свою любовь; кромѣ глубокаго оскорбленія и обиды, нанесенной этимъ его мелкому мужскому самолюбію, ничего онъ не почувствовалъ. Бѣшеный жестъ завершилъ рядъ его мыслей, и выразилъ его негодованіе на жену, когда онъ уходилъ къ себѣ и съ гнѣвомъ захлопнулъ дверь.

ГЛАВА VII.

„Пріѣзжай, папа, самъ за мной—писала Аглая къ отцу.—Теперь это будетъ кстати, и ты совершенно во время сыграешь свою роль. *Она* не соглашается на разводъ, а Мишель такой безхарактерный—не умѣетъ ее принудить. Когда ты пріѣдешь за мной, энергія въ немъ проснется: ce qui est remis n'est pas perdu...“

— Молодецъ-дѣвка у меня Аглая! воскликнулъ Кукленьевъ, складывая письмо дочери. –Я увозилъ женъ: она, бьюсь объ закладъ, увезетъ этого мужа,—какъ пить дать!

И онъ отправился къ женѣ.

— Ты кого думаешь послать за Аглаей? спросилъ онъ.

Больная, въ сильной чахоткѣ, закашлялась и слабо отвѣчала, что хочетъ послать няньку Аглаи, лицо довѣренное и преданное своей барышнѣ.

— Я самъ поѣду! Дай только мнѣ денегъ, я и поѣду... Аглая пишетъ, чтобы я пріѣхалъ.

Статья о деньгахъ смутила больную; она знала, что если всѣ деньги отдастъ въ руки мужа, то онъ не довезетъ ихъ, проиграетъ въ карты на полудорогѣ или употребитъ на что либо еще менѣе похвальное.

Но она знала тоже, что и Кукленьева не собьешь, и что если онъ положилъ себѣ ѣхать, то ни за что не выпуститъ никого изъ дому безъ себя. Подумавъ съ минуту, больная сказала:

— Хорошо, Илья Дмитричъ, поѣзжай; только я и няню

пошлю. Въ положеніи Аглаи надо присмотрѣть за нею; старуха горько заплакала.

— Чего плачешь, дура! Дѣвка-молодецъ, посмотри какъ себя устроитъ и какъ все лихо разыграетъ. Вѣдь Демьяновъ богатъ! Не она первая, не она послѣдняя, вѣдь это, матушка, все предразсудки.

— Нѣтъ, Илья Дмитріевичъ, это тяжкій грѣхъ! Тамъ вѣдь дѣти есть, и между мужемъ и женой становиться грѣшно. Я вѣдь въ гробъ уже гляжу, я чувствую, что добра нѣтъ въ этомъ всемъ, но меня никто не слушаетъ, и я, какъ не нужная на этомъ свѣтѣ, уйду изъ него скоро. Наступитъ часъ разрѣшенія Аглаи: авось тогда она покается и не погибнетъ въ конецъ; хотѣла бы пожить я на столько, чтобы только этимъ горемъ все и кончилось,—дальше бы не шла она путемъ грѣха и стыда. Старуха продолжала плакать.

— Глупая ты, глупая, право! Сѣтуешь на дочку, что она себѣ хорошаго человѣка подцѣпила; а наша Аглашка изъ него какъ изъ воска мягкаго, потомъ, что захочетъ—будетъ лѣпить. Это ты все отъ болѣзни, порядочно разсудить не можешь. И Кукленьевъ пошелъ собираться въ дорогу.

Этотъ порочный, восьмидесятилѣтній эгоистъ, передъ отъѣздомъ сдѣлалъ умирающей женѣ жестокую сцену за то, что она дала ему мало денегъ; но больная устояла и, увѣривъ его, что больше не имѣетъ, отдала другую половину нянькѣ спрятать на всякій случай, и отправила няньку съ этимъ примѣрнымъ отцомъ въ путь за дочерью.

Между тѣмъ адвокатъ, который такъ краснорѣчиво уговаривалъ Надежду Ивановну согласиться на разводъ, остановилъ разъ ее на улицѣ.

— Я искалъ васъ встрѣтить, проговорилъ онъ: я теперь

знаю, въ чемъ все дѣло и готовъ извиниться передъ вами въ томъ, что принялъ въ немъ участіе. Я положительно сказалъ вашему мужу, что разводъ невозможенъ; и знаете ли, что лицо его выразило при этомъ объявленіи такую невольную радость, что я убѣжденъ теперь, что любитъ онъ васъ, а тамъ только запутался и его ловко не выпускаютъ: повѣрьте, онъ радехонекъ, что разводу не будетъ.

— Я не сержусь на васъ, отвѣчала печально Надежда Ивановна; но я лучше васъ понимаю моего мужа: онъ ни меня, ни ту не любитъ, а себя онъ любитъ безмѣрно и потому сдѣлаетъ то, что для него будетъ легче и пріятнѣе. Онъ пойдетъ, куда его поведутъ. За меня вступиться некому; есть у меня братья, но для моего собственнаго достоинства они не пойдутъ съ пистолетомъ въ рукахъ требовать, чтобы мужъ любилъ меня, жену свою и мать своихъ дѣтей! Напротивъ того, Куклавины разжалобливаютъ его все судьбой Аглаи и вооружаютъ противъ меня, а потому—хорошей развязки для меня не можетъ здѣсь быть! Онъ будетъ жертва во всей этой исторіи, хотя мнѣ въ ней и дана роль мученицы. Про Аглаю я не говорю; все это въ ея природѣ: ей надо было начать только съ кого нибудь; она выбрала моего мужа, но Куклавина! что за страшный ядъ въ этой женщинѣ?.. она исполнена животнаго упорства и жестокости, она давно затѣяла погубить меня, и чтобы погубить меня, губитъ теперь брата своего, моихъ дѣтей и помогаетъ разврату Аглаи...

— Нѣтъ, не теряйте надежды на улучшеніе вашего положенія. Куклавинъ мнѣ говорилъ сегодня, что сюда ѣдетъ отецъ, чтобы взять ее, такъ какъ мать двинуться не въ силахъ.

Лучь надежды пробѣжалъ по лицу Надежды Ивановны,

хотя она сама уже не знала, чего ей ждать, желать и надѣяться.

Надѣяться между тѣмъ ей было не на что; Куклавина и Аглая такъ жестоко осмѣяли Демьянова по случаю неудачной его попытки начать разводъ, что Демьяновъ поклялся довести жену до того, что она сама пожелаетъ развода.

Пріѣздъ Кукленьева и отъѣздъ его съ дочерью—была преловко сыгранная комедія. Онъ какъ будто не допустилъ къ себѣ Куклавину, принялъ только сына и велѣлъ передать Демьянову, что по старости лѣтъ своихъ и дряхлости, онъ не желаетъ встрѣчаться съ нимъ, но увозитъ *бѣдную* дочь свою, которая теперь должна будетъ въ деревенской глуши скрыть свой позоръ и свое несчастіе. Это было очень красно и трогательно передано обоими Куклавиными Демьянову, который разрывался отъ отчаянья, представляя себѣ картину ссылки Аглаи и разлуку свою съ нею....

Но такъ какъ Кукленьевъ нарочно не остановился у дочери, чтобы не стѣснять свиданій и прощаній, то они прощаясь, успѣли надавать другъ другу разныхъ обѣщаній и клятвъ.

Аглая говорила, что ей не нуженъ бракъ, что она *его жена передъ Господомъ*, что до людей ей дѣла нѣтъ, что она съумѣетъ стать выше предразсудковъ; вотъ только онъ такъ слабъ, что въ отсутствіе ея дастъ опять женѣ себя опутать: онъ только боится общественнаго суда и людскихъ толковъ. Демьяновъ говорилъ, что онъ ей докажетъ, что онъ ничего не боится, что онъ отыщетъ ее, и вѣчно, вѣчно будетъ любить ее одну; что только служба мѣшаетъ ему оставить для нея все,—что во всякомъ случаѣ, онъ къ ней пріѣдетъ по первому извѣстію, что отца нѣтъ при ней. Она его просила писать къ ней всякій день, и сначала писать въ

Москву poste restante на имя *Сонички*, какъ называла она свою пятидесятилѣтнюю няньку. Онъ говорилъ, что не придется писать: онъ самъ пріѣдетъ скоро...

Аглая говорила:—мой милый, мой хорошій!.. *она* тебя не отпуститъ!

Куклавина говорила, конечно, что тебѣ не вырваться изъ ея когтей! Ты слишкомъ съ нею слабъ, ты оробѣешь...

Демьяновъ клялся, что онъ ни на что не посмотритъ...

Куклавина опять говорила о томъ, какая безкорыстная и несчастная Аглая, какъ она собой пожертвовала для него...

Аглая просила лучше не говорить о ней; —она сама знала, что кромѣ позора и несчастья —ей ничего не принесетъ ея любовь; но она и получаса времени не взяла бы у жены его: зачѣмъ же жена ихъ разлучила?!.. Это она, должно быть, дала знать отцу; отецъ ничего не зналъ: вѣдь она же писала къ ея больной матери...

Демьяновъ повѣрилъ, что конечно жена,—все жена.

Демьяновъ клялся, что онъ заставитъ жену жестоко во всемъ раскаяться—и цѣлый адъ кипѣлъ въ душѣ его противъ жены.

Аглаю увезли. Надежда Ивановна узнала это отъ болтливаго Эдуарда, но не повѣрила; всякое утро Демьяновъ запирался, писалъ длинныя письма и самъ потомъ носилъ ихъ на почту. Озираясь и конфузясь, проходилъ онъ черезъ столовую съ письмомъ въ карманѣ, выглядывалъ школьникомъ, а не человѣкомъ, — вообще на сколько любовь къ Надеждѣ Ивановнѣ толкнула его впередъ, развила и сдѣлала человѣкомъ, на столько любовь къ Аглаи отбросила его назадъ и нравственно сдѣлала мальчикомъ.

Аглая воспитывалась въ пансіонѣ и вынесла оттуда пан-

сіонскія повѣрья, пансіонскіе пріемы; она привила ихъ Демьянову, она ихъ ему предписала, какъ выраженіе его чувства къ ней. Это было своего рода франкмасонство. Если бы Надежда Ивановна хотѣла забыть Аглаю, то не могла: такъ, сквозь каждое движенье мужа, сквозь каждую его мысль теперь проглядывало въ немъ что то чужое, незнакомое и мелкое, школярское и приторное.

Понятно, что Куклавина всѣми силами поддерживала въ немъ память объ Аглаи и продолжала шептать противъ жены; но, не смотря на это, дней десять помотался Демьяновъ и сталъ затихать. Вдругъ Куклавина прислала за нимъ; она получила письмо отъ Аглаи и *считала долгомъ своимъ* сообщить его брату, хотя, по словамъ ея, Аглая этого не желала.

„Ты знаешь, каковъ отецъ?—писала Аглая: въ свои восемьдесятъ лѣтъ онъ не унялся и имѣетъ любовницу, деревенскую бабу. Деньги, которыя мамаша дала ему, чтобы меня устроить въ Москвѣ до ея пріѣзда, онъ употребилъ на подарки для этой личности и уѣхалъ, оставивъ меня безъ всякихъ средствъ и рессурсовъ. Пока мамаша выздоровѣетъ и пріѣдетъ, я могу умереть съ голоду. Пожалуста, не говори этого Мишелю. Мнѣ гадко передъ нимъ за своихъ родныхъ: это все такія гадины! Если меня увезутъ въ деревню, сестра тамъ загрызетъ меня,—хотя она моложе меня, но такая лукавая, двуличная, она меня всячески теперь будетъ унижать, она мнѣ всегда во всемъ завидывала и оттого я рѣшилась лучше терпѣть нужду и голодъ въ Москвѣ, чѣмъ уѣхать въ деревню. Скажи Мишелю, что мнѣ сладко за него все терпѣть: и стыдъ, и брань, и нужду... Только не показывай ему моего письма, чтобы онъ за меня не мучился“.

На особомъ клочкѣ бумажки было „Лидинька, красавица моя!—покажи ему мое письмо непремѣнно и старайся такъ все повести, чтобы онъ непремѣнно ко мнѣ сюда пріѣхалъ, иначе мы никогда нашей цѣли не достигнемъ". Куклавина сожгла это добавленіе, но показала брату письмо. Демьяновъ взбѣсился; послалъ Аглаи денегу, въ которой обѣщалъ свой пріѣздъ, и въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней, обобравъ гдѣ могъ какія деньги, уѣхалъ въ Москву.

— Значитъ не кончилось! говорила Надежда Ивановна, прощаясь съ нимъ и заливаясь слезами.—Ее увезли не для того, чтобы кончилось?

— Не могу же я ее оставить въ ея положеніи! Негодяй отецъ обобралъ ее, несчастную, и бросилъ безъ всякихъ средствъ. Кому же о ней заботиться теперь, какъ не мнѣ?.. Не могу же я допустить, чтобы Куклавины содержали ее на свой счетъ, я долженъ помогать: по крайней мѣрѣ пока *все не кончится*.

Надежда Ивановна изъ этихъ словъ составила себѣ идею, что пока все не кончится, онъ долженъ изъ самолюбія заставить ее принимать отъ него содержаніе, а потомъ онъ, конечно, обезпечитъ ребенка, отчего она не вправѣ будетъ отказаться, и тогда наконецъ окончится и ея нравственная казнь и распинаніе ея бѣднаго сердца,—и не смѣла она противиться поѣздкѣ; о Куклавиныхъ только сказала, что не понимаетъ, какъ они допускаютъ сестру принимать содержаніе отъ человѣка, который никогда мужемъ ей не будетъ, который каждый рубль, выносимый имъ изъ дому своего, отнимаетъ у семейства своего. Но и за это разсужденье Демьяновъ звѣремъ накинулся на нее и осыпалъ ее упреками за то, что она ему приданаго не принесла и напомнилъ, что

состояніе вѣдь его! Это не оскорбило ее, а навело на нее ужасъ; такъ исчезъ въ немъ прежній Демьяновъ, и грязь его отношеній стала отливаться грязью и на душѣ его.

Когда онъ уѣзжалъ въ воксалъ желѣзной дороги присланы были двѣ корзины, набитыя матерьями и бѣльемъ для Аглаи и приданымъ для будущаго ребенка; эти всѣ покупки Куклавина дѣлала на деньги женатаго брата, не смущаясь ни мало своей ролью, а безпощадный случай открылъ Надеждѣ Ивановнѣ и это гадкое обстоятельство.

Демьяновъ исчезалъ двѣ недѣли и возвратился; онъ вошелъ въ домъ къ себѣ смущенный и старался замять всякій вопросъ,—но былъ ласковъ, почти нѣженъ съ женой...

Такъ уѣзжалъ онъ неоднократно и пріѣзжалъ, и обращеньемъ своимъ съ женой старался держать ее въ заблужденіи, что онъ выполняетъ какой то долгъ. И нельзя ему было самому этого не думать: Аглая вѣчно описывала Куклавиной недостатки своей жизни, скудность обстановки, крайность, — и обѣ эти женщины съ общаго совѣта держали Демьянова искусно и упорно въ убѣжденіи, что ни изъ чьихъ рукъ, кромѣ его рукъ и *отъ него лично*, она не возметъ деньги и не приметъ помощь.

Паутина запутывалась вокругъ него все больше и больше. При каждомъ свиданіи Аглая ему говорила: нѣтъ, мой милый, мой хорошій: не жить намъ никогда сладкой жизнью вдвоемъ. *Она* тебя не выпуститъ! „Куклавина тоже смѣлѣе посмѣивалась, что онъ не съумѣлъ довести жену до развода, и тоже говорила, что жена такъ хитра и такъ безсердечна, что она его никогда не любила и теперь не любитъ и доказываетъ это, а что если она не соглашается на разводъ,

такъ это чтобы не потерять хоть части состоянія и нелишиться своего общественнаго положенія.

Самъ Куклавинъ даже выражался: - куда вамъ до *нея*, вамъ съ нею никогда не совладать!

Кто-то сказалъ Демьянову, что можно добиться развода по обвиненію въ характерѣ — и онъ, не разсуждая, пустился обвинять ея характеръ во всемъ; а между тѣмъ, — подъ гнетомъ насмѣшекъ, жалобъ и попрековъ, — слагалась все крѣпче и крѣпче въ немъ безконечная возбужденность, скрытая ярость противъ жены и желаніе сломать ее и уничтожить. Ему даже постепенно внушили, что онъ никогда съ нею не былъ счатливъ, и онъ это повторилъ и сталъ самъ повторять всюду новое объясненіе своей вины и всѣхъ своихъ поступковъ....

Аглая разрѣшилась. Надежда Ивановна догадалась объ этомъ потому, что замѣтила на шеѣ у мужа новый образокъ на новой тоненькой цѣпочкѣ, отдѣльно отъ креста, который онъ всегда носилъ. Это Аглая приказала ему купить для ея дочери и носить, чтобы потомъ надѣть ребенку отъ него въ благословеніе. — Надеждѣ Ивановнѣ вспомнилось, что *для ея дѣтей* не было никогда такихъ вещественныхъ знаковъ его отцовской нѣжности; теперь уже ей всего больше было обидно за своихъ дѣтей...

Дѣйствительно, когда Демьяновъ опять поѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву, то возвратился безъ этой цѣпочки и образка. Надежда Ивановна справилась и предположенія ея оказались справедливыми. Она узнала тоже, что мать, при Аглаи, хотя едва живая, что мать везетъ ее къ себѣ въ деревню, какъ только Аглая поправится, ребенка оставляютъ у повивальной бабушки. По совѣту адвоката Надежда Ивановна была вооружена юридически на всякій случай съ го-

ловы до ногъ всевозможными фактами; она уѣхала въ имѣніе мужа съ дѣтьми и положила себѣ подождать еще; но если крестъ этотъ и теперь еще не снимутъ съ нея, то тогда отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ своихъ радостей и надеждъ, и не отворачиваться больше ни отъ чего такого, на чтобы ни вызвала ее тяжкая дѣйствительность.

Не хладнокровно рѣшилась она на это, но твердо.

Однако пришлось ей еще испытать самообольщеніе, обманчивыя надежды, и помыслить о возможности личныхъ радостей. Демьяновъ догналъ ее въ имѣніяхъ. Прошло нѣсколько почтовыхъ дней; писемъ отъ Аглаи не было, и онъ самъ не-писалъ. Сначала онъ былъ какъ будто разсѣянъ и уединялся; потомъ, напротивъ, сталъ искать присутствія дѣтей, сталъ съ ними очень нѣженъ и веселъ, потомъ онъ замѣтно сталъ искать и общества жены. Куклавины и Аглая были далеко: никто не поджигалъ его противъ нея, не выворачивалъ души ему на изнанку; онъ по цѣлымъ часамъ вглядывался въ жену украдкой изъ-за книги, какъ будто узнавалъ въ ней милыя, забытыя черты. Онъ сталъ съ ней ласковъ и замѣтно скучалъ безъ нея. Какъ будто съ него сходилъ туманъ, сбѣгали тѣни, спадали оковы; онъ чувствовалъ себя чище, достойнѣе и смѣлѣе, — онъ въ первый еще разъ не тяготился деревенской глушью, напротивъ, онъ ощущалъ вокругъ себя спокойствіе и съ каждымъ днемъ становился нѣжнѣе къ женѣ.

Если бы его оставили въ покоѣ... Очевидно онъ хотѣлъ теперь только покоя и права не краснѣть передъ чужимъ взоромъ: — въ немъ еще держалась совѣсть; погибъ мужъ, но не погибъ еще человѣкъ.

Но его не оставили въ покоѣ!

„Мой хорошій! написала вдругъ Аглая:—я оставляю отца и мать, и уѣзжаю въ Москву. Они не хотятъ взять ребенка, а я ни за что не позволю его воспитывать вдали отъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня ребенокъ, я гораздо больше думаю о немъ, чѣмъ о тебѣ, когда ты не со мною, а съ *нею* ты для меня какъ бы не существуешь, я о тебѣ не вспоминаю. Но ты мнѣ клялся, ты мнѣ обѣщалъ, что съ нами будешь жить, *у насъ нѣтъ никого, кромѣ тебя*: вспомни свои обѣщанія. Ты можешь обезпечить своихъ дѣтей, а жить ты долженъ съ нами, со мной и нашей Глашенькой. Или ты насъ бросишь въ жертву нуждѣ и голоду? Безъ тебя я отъ тебя ничего не хочу, ты это знаешь; буду давать уроки музыки, прокормлю себя и дѣвочку. Мы твои, какъ ты нашъ, и твое мѣсто съ нами,—въ нашемъ миломъ уголкѣ, а *не тамъ*, гдѣ ты живешь *поневолѣ!..*“

Письмо это было верхъ совершенства хитрости, и доказывало, до какой степени Аглая изучила Демьянова; тутъ была и материнская любовь и показана возможность охлажденія къ нему посредствомъ разлуки, и воззваніе къ его обѣтамъ, и безкорыстность, и гордость, а послѣднее *напоминаніе о неволѣ* звучало попрекомъ слабости его характера, и что всего хуже — его подчинимости женѣ.

Демьяновъ телеграфировалъ, что тотчасъ уѣзжаетъ; опять у него было оправданіе; ребенка не хотятъ взять въ деревню ея родныя; это была ложь, но онъ вѣрилъ, что его жена ни за что не покинула бы дѣтей, такъ можно ли требовать отъ Аглаи, чтобы она бросила своего ребенка? Наконецъ, долженъ же онъ ихъ устроить, убѣдить Аглаю, что для ребенка нужна его матеріальная помощь...

Такъ успокоивалъ свою совѣсть Демьяновъ, а просто онъ

не смѣлъ не ѣхать, только онъ ѣхалъ въ этотъ разъ съ отчаяніемъ: жаль ему было обрѣтеннаго спокойствія, поднятаго достоинства.

Жены ему не было жаль; онъ никогда къ ней не былъ жалостливъ, и не понимая ея души, не понималъ ея страданій; но ему было жаль себя, своего прошлаго,—и въ первый разъ онъ съ уваженіемъ и признательностью обратился къ этому прошлому.

Онъ клялся женѣ, что не оставляетъ ее, что возвратится, и хотя жена имѣла полнѣйшее основаніе ему не вѣрить, но она еще вѣрила...

Онъ плакалъ и говорилъ ей:—Никогда я не забуду всего чѣмъ я тебѣ обязанъ; я былъ съ тобою счастливъ столько лѣтъ! разставаясь съ тобой, я разстаюсь со всякимъ успѣхомъ, со всякою радостью, со всякой удачей, потому что если мнѣ везло иногда, то это было твоимъ счастьемъ, а не моимъ...

Когда онъ говорилъ это, Надежда Ивановна чувствовала, что онъ еще не окончательно погибъ, что чувствуетъ и говоритъ правду.

Онъ молился и плакалъ навзрыдъ, разставаясь съ дѣтьми, дѣти протягивали къ нему ручонки и кричали:—Папка, возвратись! и онъ отвѣчалъ имъ:—возвращусь скоро, скоро!— Надежда Ивановна спокойнѣе всѣхъ была при этой сценѣ только потому, что чувствовала, что въ немъ еще держался человѣкъ: его слезы были ей лучшимъ за него ручательствомъ.

Маленькая собачка вилась у его ногъ, когда онъ садился въ коляску.—Позволь мнѣ взять ее, крикнулъ онъ женѣ:—хоть что нибудь живое будетъ при мнѣ изъ дома моего!.. И Надежда Ивановна молча бросила ему собачку въ коляску сама, хотя прежде не хотѣла отдавать ее; но отъ этихъ словъ

стало ей легко и менѣе страшно за него. Онъ крѣпко сжалъ и поцѣловалъ у ней руку.

Если у нее еще когда либо возбудилась надежда, что все можетъ быть, если не забыто, то прощено, то это было во время этого прощанья; но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться...

Черезъ два мѣсяца онъ возвратился... Гдѣ прожилъ онъ эти два мѣсяца?—подъ одной кровлей съ Аглаей, новымъ хозяйствомъ, новымъ домомъ, съ новымъ семействомъ!.. и это окончательно сгубило его; стыдъ и совѣсть погибли въ немъ, вмѣстѣ съ ними погибъ въ немъ и человѣкъ.

Было утро. Дѣти въ рубашонкахъ прибѣжали изъ своей комнаты къ постели матери, и онъ вошелъ въ дорожномъ пальто; онъ безъ смущенья сталъ ласкать дѣтей и съ улыбкой подалъ руку женѣ.

Новый, чужой человѣкъ стоялъ вновь передъ нею; онъ былъ весь ложь и нахальство: эти два качества свѣтились во всемъ существѣ его... Сатана вошелъ въ его душу съ кускомъ хлѣба, который онъ съѣлъ подъ кровлею Аглаи.

Надежда Ивановна стала блѣднѣе полотна, поглядѣвъ ему въ глаза, и невольно отшатнулась отъ него; она видимо страдала тѣмъ, что дѣти такъ ласкали и цѣловали его: ей чудились на немъ поцѣлуи Аглаи и ея ребенка...

Онъ прочиталъ въ лицѣ ея выраженіе испуга, печали и отвращенія.

— Ты, кажется, удивляешься, что я не пресмыкаюсь какъ червь у твоихъ ногъ и не вымаливаю прощенія,—но этого не будетъ! сказалъ онъ вдругъ ей жестко.

— Начинка прорвалась наружу! подумала Надежда Ива-

новна, но ничего не отвѣчала, а только пожала плечами и отвернулась.

Онъ позвалъ за собою дѣтей и вышелъ.

Вышла и она изъ комнаты, когда одѣлась, тихо вышла вовсе изъ дому и ушла со двора; слезы ее душили; кромѣ церкви ей дѣться было некуда въ подобномъ состояніи...

Да, человѣкъ погибъ! рѣшила она, и рѣшилась съ этой минуты не вдаваться болѣе въ обманъ, а потому знать все и всякими путями, такъ какъ въ ея положеніи всякая защита становилась законною... По крайней мѣрѣ этихъ страшныхъ сюрпризовъ не будетъ, а то не всякую нечаянность и перенесешь: не равенъ часъ и не всегда равны силы...—Господи силъ съ нами буди! вдругъ произнесла она и, упавъ головою на холодный полъ церкви, громко, смѣло зарыдала, зная, что пѣніе покрываетъ ея рыданія и что слышны они одному Богу.

Къ ней подошло духовное лицо при выходѣ ея изъ церкви.

— Знаю ваше горе, но что вы думаете дѣлать? спросилъ ее тихій голосъ.

— Хотѣла бы недопустить расхитить состояніе, хотѣла бы вырвать изъ гибели мужа — но боюсь порвать послѣднія нити... отвѣчала она, заливаясь горькими слезами.

— Они порваны! произнесъ тотъ же тихій, спокойный голосъ.—Дѣлайте все, что для себя признаете нужнымъ, и не заботьтесь объ его впечатлѣніяхъ. Онъ оскорбилъ васъ безъ мѣры и числа, а сердце ваше не отреклось отъ него; вы пресмыкаетесь у ногъ его—и онъ не щадитъ васъ! Не надѣйтесь на возвратъ его по его волѣ, но по волѣ Божіей, и если будетъ Божія воля, чтобы сердце его возвратилось къ вамъ, то помимо всѣхъ вашихъ теперешнихъ противъ него дѣйствій онъ придетъ къ вамъ; если же не будетъ воли Божіей на

то, такъ и самая страшная угодливость не возвратитъ его. — Вѣруете ли вы въ Промыслъ и Волю Божію?..

— Вѣрую—проговорила она, какъ бы встрепенувшись.

— Благослови васъ Господи! —И онъ осѣнилъ ее наперстнымъ своимъ крестомъ.

Она возвратилась домой, принявъ на себя видъ спокойный и ласковый, и ея спокойствію всѣ повѣрили. Демьяновъ тоже былъ ласковъ, но подъ вечеръ, когда они сидѣли одни въ гостиной и дѣти играли вокругъ нихъ, Демьяновъ притворился будто дремлетъ; прикрывъ глаза рукой, онъ сквозь пальцы подозрительно всматривался въ жену, стараясь разгадать, что было на днѣ души у ней. Надежда Ивановна поймала этотъ взглядъ; ей до смерти стало больно,—за нею слѣдили—рѣшила же и она слѣдить теперь и не даваться болѣе въ обманъ, не подвергаться нечаянностямъ.

Прежде всего надо было узнать, насколько времени отложено исполненіе ея смертнаго приговора.

Она подобрала ключъ къ его письменному столу и къ его портфелю; истину она могла только знать изъ ихъ переписки. Какъ бы ни была страшна истина, что бы ни готовили ей, она должна была все знать, ко всему приготовиться.

Всякій вечеръ онъ уѣзжалъ въ клубъ и засиживался въ немъ, онъ самъ получалъ на почтѣ свои письма, но она читала въ выраженіи его глазъ: получилъ ли онъ утромъ письмо или нѣтъ; что-то особенно фальшивое, предательское проглядывало тогда на его лицѣ, выраженіе неуловимое какой-то сердечной лжи, понятное только ей одной.

Если въ теченіе дня она подмѣчала это выраженіе, то смѣло могла вечеромъ идти за письмомъ Кукленьевой въ

ящикъ письменнаго стола своего мужа; она такъ и дѣлала, и читала „берегись, не дай ей себя вновь опутать!“ дѣло шло о женѣ.

Она читала тоже какъ честила Аглая передъ Демьяновымъ отца своего, сестру, всѣхъ родныхъ, что бы больше возбудить въ немъ къ себѣ сожалѣнья. Она читала тоже— „Помни, мой хорошій, свои обѣщанья! Когда же ты исполнишь эти обѣщанья? Нѣтъ, *она* не допуститъ тебя ихъ исполнить: ты все еще *въ ея* рукахъ, и вѣрно никогда не жить намъ сладкой жизнью вдвоемъ!!“ Она читала, какъ Аглая отдавала ему отчетъ въ каждой покупкѣ, которую для ней по ея порученью дѣлала Куклавина, въ каждой издержкѣ. По этому всему и по самому тону писемъ, Надежда Ивановна видѣла, что Аглая нарочно выказываетъ рѣзкую противоположность всѣмъ ея дѣйствіямъ, словамъ и чувствамъ, и изъ этого она понимала, что мужъ предалъ ее всю, со всѣми оттѣнками ихъ прежней жизни, ихъ отношеній, ея взглядовъ и поступковъ, въ руки Аглаи, и что Аглая играетъ теперь навѣрняка, ошеломляя его всѣмъ новымъ, всѣмъ для него не привычнымъ.

— Такъ вотъ въ чемъ ея сила! подумала Надежда Ивановна—вотъ чѣмъ закабалила она его!—въ немъ возбудили и поддерживаютъ неудовольствіе къ прежней жизни и показываютъ ему новую жизнь. Но чтобы такъ ловко играть роль свою, надо ее играть безъ участія сердца. Здѣсь видно мало сердца, но есть сила стремленій, цѣль преслѣдуется неутомимо. Прежде цѣлью былъ разводъ, теперь цѣлью обогащеніе и разводъ тоже, но разводъ на второмъ планѣ. Видимо одно стремленіе—закабалить Демьянова, видно это рѣшили съобща и къ этому идутъ успѣшно.

Надежда Ивановна читала эти письма вечеромъ, а на другой вечеръ ѣхала куда нибудь на балъ съ мужемъ, и мужъ былъ такъ любезенъ, что во время бала нѣсколько разъ подходилъ и ласково шутилъ съ нею...

Въ этомъ человѣкѣ была тоже сила, которая теперь сказывалась ей вполнѣ: то была громадная сила притворства. Обрекая ее на смерть, хуже смерти на покинутіе и порѣшивъ все уже для этого, онъ улыбался ей, онъ ласкалъ ее...

И Надежда Ивановна стала тоже учиться этой силѣ и просить для себя, у всѣхъ источниковъ силъ, силы притворства. Она выучилась улыбаться и танцовать на балахъ, съ нею играли комедію, жестокую комедію, но она рѣшилась не теряться и давать по возможности реплику.

Писемъ мужа къ Кукленьевой ей не удавалось читать; онъ всегда писалъ по утрамъ и самъ отвозилъ на почту, а ей *надо* было убѣдиться—обманывается ли Аглая въ своихъ надеждахъ или взаправду онъ положилъ бросить жену и дѣтей, разворить свое гнѣздо и отвернуться отъ чести своего имени, и всѣ эти жертвы принести ей, за ея продажныя ласки. Такъ вотъ та Аглая, которая получаса лишняго времени не потребуетъ отъ него и не отниметъ у его жены,—вотъ та, которая такъ понимаетъ права жены, и понимаетъ, что у ней самой правъ нѣтъ никакихъ! О, медовыя рѣчи—кровавыя дѣла!..

Наконецъ прочла она письмо мужа къ Аглаи; онъ началъ и не кончилъ, оставилъ въ портфелѣ, и куда-то уѣхалъ, намѣреваясь кончить потомъ. Окаменѣлая, оледенѣлая стояла она надъ этимъ письмомъ: страшная истина раскрылась вполнѣ—онъ писалъ, что производитъ теперь одну важную операцію съ имѣніями, которая должна принести много денегъ, бросить въ такое время жену значитъ подорвать свой кредитъ въ об-

ществѣ, операція могла остановиться, жена еще была нужна ему покуда для общественнаго уваженья, но тамъ, тамъ... онъ только дождется денегъ, сбору доходовъ къ первому числу какому то и привезетъ Аглаи много денегъ, и заживутъ они сладкой жизнью вдвоемъ. Затѣмъ Аглаю онъ просить не экономничать, хорошенько кушать, чтобы не похудѣть къ его пріѣзду... Затѣмъ сообщаетъ, что хозяинъ собаченки нашелся, пришлось отдать и такъ было ему грустно, „это было живое существо, которое напоминало ему тутъ, гдѣ ему такъ скучно, о ней, *о милой голубушкѣ*...

Да вѣдь это рѣчь о той самой собаченкѣ, которую онъ выпросилъ, уѣзжая у жены своей, чтобы имѣть живое существо, которое бы ему напоминало *о домѣ и домашнихъ его*!!.. Это дѣйствительность, или ложь?.. голова у ней шла кругомъ.—Ужасъ пробирался по всѣмъ жиламъ Надежды Ивановны, леденѣла ея кровь, поднимались на головѣ волосы, но хуже всего для нея были ласкательныя слова къ ребенку Аглаи: „что дѣлаетъ наша Аглашка, бѣлянушка? Боже сохрани, если она заболѣетъ: надѣюсь ты мнѣ телеграфировать будешь!“ писалъ онъ. Какъ огненная надпись ада стояли эти буквы, эти фразы, передъ глазами Надежды Ивановны. Она закрыла портфель, задвинула ящикъ стола, и все ихъ видѣла передъ собою, и ушла она къ своимъ дѣтямъ и надъ каждой кроватью каждаго спящаго своего ребенка видѣла она тѣ же пылающія слова.

Теперь то она поняла, что они и она будутъ оставлены безпощадно, что съ ними онъ тоже порѣшилъ ужъ въ душѣ своей, что не защитникъ онъ дѣтямъ, а врагъ, что онъ не задумался отречься отъ заботъ и попеченій своихъ надъ малолѣтними, и не нужны они ему стали, и ихъ ласки не нужны,

какъ не нужны ласки опостылѣвшей жены. Оставалось обречь себя на борьбу, на тяжелую жизнь дѣйствій, а не чувствъ, и отречься отъ личныхъ надеждъ и личныхъ радостей своихъ.

Иногда ей казалось, что хотя рѣшимость въ немъ есть, но не будетъ однако выполненія, исполнить эту рѣшимость духа у него не хватитъ въ послѣднюю минуту... Тутъ стала она уже съ отвращеніемъ и любопытствомъ ждать этой послѣдней минуты.

Пришла и эта минута. Операція съ имѣньями была выполнена успѣшно и окончательно; можно было перестать церемониться и съ женой: въ ней уже положительно теперь не нуждались ни для чего,—всю полезность изъ нея выжали. Можно было существовать и безъ нея: долги уплочены, доходы приведены въ ясность, и Кукленьеву будетъ чѣмъ содержать, а жена пусть хлопочетъ, чтобы обязательства по имѣньямъ выполнялись, да чтобы хозяйство шло, да во время доходы доставлялись на его новыя надобности!

Куклавинъ увѣрялъ Демьянова, что теперь женѣ ничего не останется больше какъ ступеваться, уѣхать въ деревню, хозяйничать, учить дѣтей и о ней всѣ забудутъ черезъ нѣсколько времени; Аглая будетъ перевезена въ Петербургъ, гдѣ снова появится Демьяновъ, снова вступитъ на службу, и будутъ они частливо поживать: свѣтъ не будетъ замѣчать ихъ связи, о существованіи покинутыхъ дѣтей Демьянова забудутъ всѣ, и все потонетъ во мракѣ неизвѣстности...

Демьяновъ былъ легковѣренъ; онъ дѣйствительно находилъ эту картину возможною: жены безгласны — въ деревню, въ ссылку ихъ—и конецъ, а мужъ жуируетъ безъ помѣхи. Онъ зналъ безмѣрную любовь своей несчастной жены и ему очень поэтично представлялось, какъ будетъ она въ де-

ревенской глуши ждать его возврата, точно своего краснаго солнышка, ни дать ни взять блаженной памяти терпѣливая Пенелопна и какъ онъ, новый Улиссъ, будетъ пріѣзжать *навѣщать* дѣтей и свою терпѣливую жертву, и за ея покорность будетъ милостивъ къ ней!....

Но поэтическій обзоръ Пенелопны былъ скроенъ не по мѣркѣ Надежды Ивановны. Предавъ суду Божьему возвратъ или невозвратъ мужа, оставивъ дѣло чувства своего на совѣсти его, на возможности его опамятованья, она, поэтъ въ душѣ и когда-то поэтъ на дѣлѣ, отогнала поэзію образовъ отъ себя; она бы хотѣла и чувство свое расчитать и отправить подальше, на покой, какъ докучливаго стараго и ненужнаго слугу, только не могла; но твердо положила: будь что будетъ, дѣйствовать и бороться не покладывая рукъ, и начать бороться, когда уже не для нея одной, но и для всего общества спадетъ завѣса съ поступковъ мужа и выйдетъ онъ изъ подъ крова роднаго въ угоду своему сластолюбію, въ угоду чужой корысти.

Онъ вышелъ изъ подъ своего крова и вотъ какъ это было. У него достало духу выполнить рѣшимость, къ которой его привели настойчивыя уже теперь требованія Аглаи и лукавые совѣты Куклавиной, да возбуждаемое ею негодованіе противъ жены; онъ сдѣлалъ это холоднѣе, спокойнѣе и гаже, чѣмъ Надежда Ивановна могла себѣ это представить.

Онъ это сдѣлалъ среди бѣлаго дня, какъ выразился З..., будто убѣжденный въ своей безнаказанности, точно увѣренный въ своей правотѣ.....

Отставка его была подписана. Демьяновъ какъ будто ничего кромѣ мундира не оставлялъ за собою изъ своей прежней жизни; укладывалъ свои вещи спокойно, объявилъ камер-

динеру, что не беретъ его, а женѣ подалъ списокъ долговъ, которые поручалъ заплатить послѣ него.... Другаго объявленія ей объ его отъѣздѣ не было.

Наканунѣ онъ былъ у Куклавиной, которая ему твердила: —невѣрю, невѣрю что ты уѣзжаешь! Не посмѣешь! Сцены-то какія будутъ, *она* весь домъ подниметъ на ноги, да и уѣдешь, такъ воротишься: она заставитъ.

Этимъ болѣе всего она подстрекала Демьянова, возбуждала въ немъ рѣшимость и укрѣпляла его въ упорствѣ.

Аглая ей писала: — „скоро ли? скоро?.... Боюсь онъ отдумаетъ“. Куклавина говорила брату: ты не умѣлъ добиться развода, оно и понятно, что пока ты съ ней — она никогда не рѣшится дать своего согласія на разводъ, она все надѣется, что ты бросишь *бѣдную* Аглаю и опять попадешь ей въ руки, и будетъ она тебя мучить сценами да упреками!

Теперь Демьянову самому стало казаться, что вѣрно его дѣйствительно мучили, если даже другіе объ этомъ говорятъ; ловко, чрезвычайно ловко эти двѣ женщины запутали его въ паутину и продолжали обманывать все болѣе и болѣе, внушая ему испугъ, негодованье и отвращенье отъ прежняго порядка его жизни и отъ жены, и указывая горькую только сторону возврата. — Надо отнять у *ней* всякую надежду — продолжала Куклавина — а этого только ты тогда добьешься, когда выйдешь изъ ея дома....

Уже не называли *его* домъ иначе, какъ только *ея* домомъ! — Если ты не обманываешь *бѣдную* Аглаю, — (имя Аглаи всегда теперь сопровождалось прилагательнымъ *бѣдная*) — если ты искренно хочешь развода, то повѣрь мнѣ: дойдешь до того, что твоя жена, когда тебя не будетъ съ нею,

отвыкнетъ отъ тебя и привыкнетъ къ мысли о разводѣ: она сама пожелаетъ развода....

Но нѣтъ, ты не рѣшишься, ты не посмѣешь ее оставить! это тебѣ только кажется, а ты неуѣдешь!...

— Какъ могли онѣ обѣ думать, что онъ не посмѣетъ!

Кто-то назвалъ женщинъ змѣиною породой, быть можетъ это правда; гдѣ надо сдѣлать зло—самая глупая будетъ дѣйствовать ловко и хитро. Впрочемъ хитрость и лукавство были второй натурой Куклавиной, а кротость голоса ея, когда она все это говорила запутанному брату, была очень велика.

Аглая телеграфировала, Аглая писала:—„не забылъ ли ты насъ? что это ты не ѣдешь“?....

Демьяновъ простился съ Куклавиной.

— На долго! сказалъ онъ съ торжествомъ сестрѣ.

Куклавина дала ему рубашечку, чепчикъ, вязанные башмачки.—Это для Агланушки Агланной! сказала она; онъ все это принялъ съ подобающею благодарностью.

И все-таки Куклавина на другой день была какъ въ лихорадкѣ до отхода поѣзда. Чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно уѣхалъ, она придумала вмѣстѣ со своимъ достойнымъ мужемъ дать ему какого-то юнаго родственника, ѣдущаго изъ училища на вакаціонное время въ подмосковную. Куклавинъ самъ свезъ и помѣстилъ этого птенца въ вагонѣ Демьянова и затѣмъ поспѣшилъ съ радостной вѣсточкой къ женѣ.

Изъ дому ни жена, ни дѣти не провожали этого бѣглеца: это было бы ужъ слишкомъ... Онъ ихъ бросалъ, онъ ихъ покидалъ на толки людскіе, на безучастіе людское; онъ имъ отказывалъ въ своихъ попеченіяхъ, въ своихъ ласкахъ; онъ бѣжалъ ихъ присутствія, бѣжалъ отъ знамени семейной чести,

которое онъ предалъ самъ поруганію; онъ первый этимъ поступкомъ плевалъ на порогъ своего дома, разбрасывалъ по вѣтру перья гнѣзда своего; онъ сорвалъ крышу съ дома своего и головы, которыя клялся всю жизнь защищать, открылъ всѣмъ бурямъ и всѣмъ невзгодамъ.....

Большинство не повѣрило, чтобы онъ уѣхалъ на-всегда; были дураки, и были хуже дураковъ—тайные преступники, которые рѣшали, что ему иначе нельзя было поступить, какъ предать невинныхъ за виновную. Тоже самое племя, которое кричало: „не Его, но Варавву!.!“ За Варавву кричали или подобные Вараввѣ, или не понимавшіе, что̀ такое Варавва.

Демьяновъ утѣшался крикомъ этихъ господъ,—людьми-то какъ-то совѣстно ихъ назвать. — Эти господа рѣшили, что Демьяновъ только невѣрный мужъ, а невѣрныхъ мужей много; но они забывали, что Демьяновъ не остановился на невѣрности только, что его толкнули далеко за черту того, что̀ называется невѣрностью, что его отъ вины повели къ преступленію, — что, подхваченный этимъ омутомъ, онъ кружился, несся, путался и путаясь ожесточался, падалъ нравственно все ниже, ниже, заставляя безъ отдыха страдать отъ себя и вокругъ себя.

Напрасно ему навязывали названія обольстителя и злодѣя, и ахали надъ его безнравственностью, надъ его развратомъ: онъ былъ такой же безнравственности и такого же разврата, какъ большинство,—но безъ воли, безъ малѣйшаго принципа, безъ анализа, даже безъ малѣйшаго разсужденія, а влюбчивые инстинкты заглушали въ немъ сердце: Кукленьева и Куклавины легко справились съ нимъ, и сталъ онъ въ рукахъ ихъ жертвой, игрушкой и трофеемъ...

Какъ трусъ, который цѣлитъ въ високъ или стрѣляетъ въ

упоръ, такъ и Демьяновъ: боясь одуматься, боясь потерять рѣшимость,—былъ жестокъ, безсердеченъ, отвратителенъ въ минуту холоднаго, дерзкаго своего выѣзда изъ дома. Дѣти съ рыданьемъ хватались за него,—онъ отрывалъ ихъ руки; меньшая дочь, четырехлѣтній ребенокъ, истерически билась головкой объ уголъ комнаты, къ которому она прижалась... Были здѣсь нѣкоторые изъ его родныхъ, и тѣ плакали и рыдали. Женѣ онъ подалъ два пальца и, дерзко глядя ей прямо въ глаза, произнесъ спокойно и холодно:—„прощай!„ Она стояла, точно каменная, и отвѣтила ему, не двигаясь съ мѣста:—„увидимся"!..

Она бы хотѣла сойдти съ мѣста, но не могла: ноги ея точно приросли;—его безсердечіе, его дерзкая самоувѣренность, отсутствіе въ немъ страха Божія и страха людскаго—наполнили все ея существо негодованіемъ. Она глядѣла, черезъ окно, у котораго какъ будто приросла, на него, ѣдущаго изъ дому,—и это было то самое окно, и эта была та самая, длинная и ровная улица, на которую—вспомнилось ей въ эту минуту—часто съ негодованіемъ глядѣла она и видѣла его, ѣдущаго утромъ къ дому съ ночной попойки, пирушки; а послѣ и хуже того — изъ объятій Куклеѣевой!—Все, что было невыносимаго, возмутительнаго въ ея жизни за многіе, многіе года, откликнулось въ эту минуту: блѣдна она была, стояла молча,—и сердце ея не билось въ груди...

— Фу, сколько гадостей на свѣтѣ! думалось ей:—и какъ приходится себя переживать!... Вотъ и я пережила себя!..

Больше она ничего не могла думать: дальше не пошла ея мысль...

Слезы, вопли дѣтей вывели ее изъ оцѣпенѣнія. — Дѣти, полно плакать! сказала она, очнувшись,—карета моя готова:

я повезу васъ въ Лѣтній Садъ; не думайте ни о чемъ и не плачьте...

Хуже всего было возвращаться домой и сѣсть за столъ. Послѣ обѣда пришелъ Вуцинскій и объявилъ, что онъ ѣздилъ провожать Демьянова и что Демьяновъ въ вагонѣ горько плакалъ.

Надежда Ивановна не вѣрила... Неужели плакалъ?.. Да развѣ еще не заглушили въ немъ человѣка окончательно?..

Она слушала это съ отрадой: быть можетъ, онъ не погибнетъ окончательно...

Что привело Вуцинскаго? участіе?— врядъ ли! Любопытство?—это несомнѣнно; да еще, пожалуй, порученіе отъ друга и собутыльника посмотрѣть и написать, какъ все выглядѣло у него въ покинутомъ домѣ послѣ его отъѣзда... Своего рода любопытство тоже!

Въ этотъ разъ Вуцинскій счелъ неприличнымъ давать волю своему остроумію и повѣствовать о своей дальновидности и ловкости, и о разныхъ случаяхъ изъ своей жизни...

Надежда Ивановна принимала его безъ желчи. Даже Эдуарда она пускала къ себѣ и принимала съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ. Съ Турбиными видѣлась ласково, забывая ихъ энтузіазмъ къ мужу и прощая ихъ непониманіе ея муки. Вредъ, который ей старались когда либо сдѣлать и сдѣлали другіе — казался теперь такой мелочью рядомъ съ страданіями и муками, которыя ей нанесъ—и нанесъ не по незнанію, а съ полнымъ знаніемъ ея любви къ нему—ея кумиръ, ея деревянное божество, въ которомъ теперь она чувствовала и видѣла вездѣ одно дерево, дерево и дерево...

Обязаны ли были другіе беречь ее, снисходить къ ней, щадить ее, когда съ нею такъ поступилъ тотъ, который былъ

обязанъ?.. Все ихъ зло и вся ихъ злость—зло и злость постороннихъ—теперь въ глазахъ ея были такою мелочью.

То, что Демьяновъ плакалъ, дало Надеждѣ Ивановнѣ силы написать къ нему письмо, исполненное высочайшей нѣжности и глубочайшей скорби. Что же получила она въ отвѣтъ?

„Вуцинскій тебѣ сказалъ правду, что я плакалъ, и не удивительно—я въ послѣдній разъ видѣлъ около себя мундиръ, который я такъ любилъ и носилъ столько лѣтъ“!!!—писалъ онъ ей. Она не дочитала письма...

— Вотъ, о чемъ онъ плакалъ! Ничто серьезное не взяло его въ подобную минуту за сердце; мундира пожалѣлъ только!

Подобнаго наивнаго разоблаченія самого себя она никакъ не ожидала; гадко и горько ей стало; крѣпко задумалась она надъ своей прожитой жизнью.

Шли дни. Дѣти спрашивали объ отцѣ: зачѣмъ онъ уѣхалъ и куда уѣхалъ. Знакомые тоже самое спрашивали у дѣтей, чтобы выпытать правду и увидѣть, въ какой мѣрѣ эти сироты отъ живаго отца и вдова отъ живаго мужа понимаютъ горечь своего положенія. Дѣти спрашивали у матери, что имъ отвѣчать на вопросы, Надежда Ивановна велѣла всѣмъ отвѣчать:—уѣхалъ въ Москву по дѣламъ!..

Но дѣти спрашивали у нея—какія дѣла и скоро ли онъ вернется?..

Куклавины однажды встрѣтили дѣтей на улицѣ и остановили ихъ...

У нихъ хватило совѣсти и духу спросить у осиротѣвшихъ по ихъ милости дѣтей—гдѣ ихъ отецъ?..

Дѣти и имъ отвѣчали, что—уѣхалъ въ Москву по дѣламъ.

Они самодовольно усмѣхнулись и плавно потекли далѣе.

Дѣти пришли домой съ прогулки и разсказали Надеждѣ

Ивановнѣ встрѣчу свою съ Куклавиными, ихъ приторныя фразы и ихъ вопросы о покинувшемъ ихъ отцѣ.

Эта наглость возмутила Надежду Ивановну.

Но нѣтъ, здѣсь было болѣе, нежели наглость и глупость; болѣе, нежели безстыдство и дерзость: это было своего рода—„Радуйся, Царю Іудейскій!..“

Говорили это они, разлучники соединенныхъ и раззорители семейства; и говорили этотъ кровавый привѣтъ, бросали эту смертельную обиду и насмѣшку не одному лицу, а цѣлому семейству, котораго будущность была убита, а настоящее обобрано ихъ стараніями...

ГЛАВА VIII.

Восемнадцать ночей Надежда Ивановна провела не смыкая глазъ, безъ слезъ, безъ словъ негодованья и проклятья, но и безъ смиренія и покорности. Она просто остолбенѣла; она понимала страсть и увлеченіе и давно поняла, что сердце ея и она сама принесены въ жертву новому увлеченью, но эта безцеремонность отъѣзда, дерзкое попраніе всѣхъ правъ и всякаго достоинства, оскорбленіе прожитыхъ многихъ лѣтъ счастія, насмѣшка надъ святыней дома своего, увѣренность въ безнаказанности, какъ бы въ правотѣ своихъ поступковъ, разбили ее во всемъ существѣ ея.

Отчего думаетъ *онъ*, что это можно и что съ *нею* все это можно?.. Отчего, онъ думаетъ, что ни Богъ, ни люди не

вступятся? думала она, цѣпенѣя, застывая вся передъ этой мыслью.

Развѣ бы она смѣла, развѣ бы она сочла себя въ правѣ за то, что она невѣрна, что она полюбила другаго, что она же разбила преданное ей сердце,—отнять еще вдобавокъ весь прежній міръ у другаго человѣка, извратить его привычки, изолировать его самаго, бросить его одного на жертву борьбѣ и отчаянью, и унести отъ него весь порядокъ многихъ лѣтъ его жизни, такъ что если бы онъ даже хотѣлъ забыть, хотѣлъ примириться, хотѣлъ обмануться, то не могъ бы потому, что все вокругъ его напоминаетъ ему, что у него уже ничего прежняго не осталось... Отчего же онъ счелъ себя въ правѣ принести въ жертву этой другой женщинѣ четыре жизни, четыре будущности, четыре сердца?..

Аглая знала, что онъ не принадлежитъ себѣ; Аглаи не пятнадцать лѣтъ и если бы даже ни Зировъ, ни сосѣдъ по деревнѣ, не прошли въ свое время черезъ ея жизнь и сердце, если бы она была чиста и невинна какъ ангелъ, то не имѣла права требовать, и онъ не имѣлъ права взять у дѣтей своихъ свое присутствіе, свою жизнь, отказать имъ въ своихъ попеченіяхъ; онъ самъ былъ весь достояніе дѣтей своихъ своею особой, и обобрать ихъ, чтобы обогатить на счетъ ихъ женщину, продавшую ему такой дорогой цѣною свои ласки, было преступленье. И онъ такъ холодно, такъ свободно свершилъ это преступленье, какъ будто онъ правъ: въ чемъ же, въ чемъ же правота его?

Неужели онъ никогда не уважалъ, не признавалъ за женою никакихъ правъ?.. никакого мѣста въ его жизни?

Надежда Ивановна не спала ни минуты, ни секунды, никакъ не могла развязаться съ этими мыслями; ее поразили

произволъ и безсердечіе, ее смутила также и ея собственная безправность.

Она двигалась, занималась дѣлами, дѣтьми, выходила, выѣзжала, ѣла съ апетитомъ, не плакала, но наступала ночь и не спала она: забвенья не далъ Богъ, хотя она взяла бы забвенье. Куда дѣвалась ея любовь?.. Она не думала вовсе о томъ, что тотъ, кого она такъ много любила, счастливъ любовью другой и съ этой другою теперь весь въ радостяхъ любви и ласки; она ни на минуту не останавливала мысли своей на Аглаи, о любви и ревности помину не было, а съ головы до пятокъ возмущена она была дерзостью, безнаказанностью виновныхъ и своей безпомощностью и безправностью.

Она не худѣла; никакая болѣзнь не посѣтила ее, но это отсутствіе сна, и эти силы, эта живучесть ни передъ чѣмъ не падающія — тоже озадачивали ее.

Она позвала доктора и попросила у него сонныхъ капель.

Докторъ осмотрѣлъ ее и распросилъ внимательно.

— Если бы вы были другая женщина, я бы не рѣшился сказать вамъ правду, но вамъ все можно сказать; вы все поймете и перенесете, сказалъ онъ съ глубокимъ участіемъ. Поѣзжайте за границу, къ морскимъ купаньямъ, но куда нибудь гдѣ волны посильнѣе, — надо разбить эту напряженность. Поспѣшите только, а то на мозгъ все это пагубно подѣйствуетъ; я за васъ боюсь болѣе, чѣмъ за настоящаго больнаго, вотъ куда, къ сумасшествію, ведетъ васъ это упорное отсутствіе сна. Вѣдь вы бы не хотѣли *такъ* заболѣть?..

— Ни такъ, ни иначе, отвѣчала Надежда Ивановна, меня бы не пожалѣли! Тамъ нѣтъ и не можетъ быть раскаянья, гдѣ нѣтъ чувства виновности, гдѣ нѣтъ сознанья правъ другаго существа. Мой мужъ за мной не признавалъ никакихъ

правъ, меня всегда ставили въ глазахъ его, его же родные, такъ ниже его, что онъ самъ привыкъ считать меня облагодѣтельствованной его любовью: вотъ онъ и усталъ благодѣтельствовать.

— Совсѣмъ не то! Я наблюдалъ за нимъ не разъ, сказалъ докторъ: вы нравились какъ женщина его ощущеньямъ и его вкусу, но онъ васъ терпѣть не могъ за ваше нравственное превосходство. Душа его чужда всякихъ идеаловъ; женщина понятна для него только со стороны чувственности; а вы жили не одной чувственностью и потому вы непонятны для него, онъ самъ себѣ сдѣлалъ оцѣнку, промѣнявъ васъ на Аглаю: Аглая гораздо ближе къ его натурѣ, нежели вы. Она не обинуясь возьметъ себѣ любовника у него же подъ глазами, когда ея ощущенья притупятся, въ глаза ему она осмѣетъ его, оскорбитъ; но ее онъ не посмѣетъ оставить, чтобы только не сознаться передъ народомъ, что его уже замѣнили другимъ. Отъ васъ онъ этого не боялся, а потому не берегъ васъ и не дорожилъ вами. Онъ знаетъ, что вы нравственны, честны, умны, чувствуетъ, что вы его читаете насквозь, сознаетъ что ни онъ, ни Аглая васъ не стоютъ, а этого-то онъ и простить вамъ не можетъ. Когда вы ѣдете? прибавилъ онъ надѣвая перчатку и вставая.

И она уѣхала за границу. И вотъ, спустя нѣкоторое время послѣ этого разговора ея съ докторомъ, я познакомился съ нею въ одномъ изъ городовъ южной Франціи.

Передъ отъѣздомъ своимъ она еще сдѣлала одну попытку, поѣхала въ Москву.

Свиданіе съ нею и дѣтьми потрясло Демьянова; онъ блѣденъ былъ смертельно и сжалъ крѣпко руку женѣ; рука его

дрожала. Дѣти душили его въ своихъ объятіяхъ и плакали; эта сцена надрывала душу.

И на душу его дѣйствительно подѣйствовало бы это свиданіе и, можетъ быть, ей удалось бы еще спасти его, вырвать изъ цѣпкихъ лапъ, возродить его къ утраченному достоинству, возбудить въ немъ чувства отца къ безвинно покинутымъ дѣтямъ... За что разбилъ онъ эти сердца? Они не разучились его любить, имъ не внушили, что они отцу своему чужды, имъ не приказали осилить въ себѣ любовь къ нему, потому что она ему не нужна теперь... Видъ дѣтей могъ ему напомнить права ихъ, а ласки—тронуть его душу; но Куклавины и тутъ не дремали: самъ г. Куклавинъ, свѣдавъ, что Надежда Ивановна поѣхала въ Москву, по слѣдамъ за нею отправился туда же.

Передъ Куклавинымъ и Куклавиной Демьяновъ весь уничтожался подъ гнетомъ ложнаго стыда за каждое свое доброе побужденіе. Онъ былъ запуганъ ими и не смѣлъ выйдти изъ подъ ихъ власти, а они, опытные спекуляторы, употребляли всѣ усилія, чтобы не лопнула ихъ спекуляція отъ его колебаній... Его возвратъ къ семейству навязывалъ имъ Аглаю безвозвратно и навсегда, а они этого до смерти боялись. Отецъ ее выгналъ бы, еслибъ она не съумѣла удержать Демьянова и возвратилась домой: пришлось бы Куклавинымъ взять ее къ себѣ, но, послѣ скандала, и при томъ болѣе развращенную, чѣмъ прежде, и болѣе чѣмъ прежде прихотливую. Они до смерти боялись этого. Демьяновъ спасалъ ихъ отъ большой житейской тяжести тѣмъ, что жилъ подъ одной крышей съ Аглаей и содержалъ ее. Куклавины притворялись, какъ будто только не въ силахъ этому помѣшать, а на самомъ дѣлѣ они боялись до смерти, чтобы Демьяновъ не бросилъ Аглаи,

не разошелся съ нею и чтобы она не возвратилась къ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, не обременила ихъ заботой о себѣ и своемъ ребенкѣ. Куклавинъ не только не мѣшалъ этой связи и не кричалъ съ кровель противъ нея, а напротивъ, все объяснялъ Демьянову, при каждомъ удобномъ случаѣ — что куда же дѣнется Аглая, если Демьяновъ ее броситъ?.. что вѣдь теперь онъ, Куклавинъ, не можетъ ее взять, потому что Надежда Ивановна объ этой исторіи разгласила...

Запутанный и напуганный Демьяновъ наполнялся ненавистью къ женѣ, какъ будто дѣйствительно она на него надѣла цѣпи, которыхъ онъ не могъ распутать теперь, забывая, что огласку сдѣлалъ его побѣгъ изъ дому, оставленіе имъ дѣтей, семьи, попраніе домашней чести и семейственныхъ правъ; что до того времени вѣрили и не вѣрили, а слова жены, если они и были, остались бы словами и забылись бы, какъ слова, и даже эти слова возстали бы со временемъ на нее же, какъ обвиненіе ея въ клеветѣ на невинную дѣвушку; что сладкая жизнь вдвоемъ сдѣлала огласку и дала яркое указаніе на ихъ преступленіе, и что эту сладкую жизнь вдвоемъ устроили Куклавины, общими своими стараніями и усиліями съ Аглаей. Такъ и теперь, Куклавинъ поспѣшилъ на помощь сестрѣ своей, испугавшись, чтобы не ушелъ изъ ихъ рукъ Демьяновъ. — А этотъ неусмчивый Демьяновъ, которому жена не смѣла показать неудовольствія, когда онъ возвращался отъ цыганъ, не смѣла покоситься, когда узнавала, что онъ посѣщаетъ камелій всевозможныхъ разрядовъ, — изъ нихъ составляетъ для себя любимѣйшее общество, въ которомъ расточаетъ цвѣты своей свѣтскости и любезности. — Этотъ самый Демьяновъ не смѣлъ остаться пообѣдать съ дѣтьми, не смотря на ихъ просьбы, и разъ только рѣшился на это, но съ условіемъ, чтобы

обѣдъ былъ ему данъ въ три часа, а не въ пять; чтобы въ пять часовъ онъ могъ прійдти къ обѣду Аглаи и хоть черезъ силу съѣсть что нибудь и тѣмъ— скрыть отъ нея, что обѣдалъ съ дѣтьми...

Это рабство, это униженіе, это паденіе всякаго достоинства сказалось Надеждѣ Ивановнѣ вполнѣ. Онъ уходилъ ровно въ пять часовъ и никогда не забывалъ сказать:—прощайте, я иду *домой!*

— Домой!... отзывалось болѣзненно въ оскорбленной душѣ Надежды Ивановны.

Куклавинъ объяснился съ нимъ очень сухо, но съ дьявольской расчитанностью каждаго слова, подсказаннаго ему Аглаей наединѣ.

— Жена ваша пріѣхала, чтобы *взять* васъ, и вамъ конечно съ нею не справиться; она привыкла съ вами справляться, какъ съ ребенкомъ, со школьникомъ. И я долженъ былъ пріѣхать; вѣдь я не могу быть увѣренъ въ участи сестры и ея ребенка: она бѣдная, никакихъ правъ надъ вами не имѣетъ!...

Демьяновъ вскипѣлъ гнѣвомъ, но не противъ Куклавина, а опять противъ жены:—зачѣмъ думаютъ, что она справлялась съ нимъ какъ со школьникомъ? А между тѣмъ ея вся ошибка была въ томъ, что она была рабой его и подчинялась ему во всемъ всегда: теперь же его водили за носъ.

— Я не поѣду съ нею!—воскликнулъ онъ:—ничто меня не разлучитъ съ Аглаей!

Куклавинъ ловко свелъ разговоръ на квартиру. Онъ нашелъ, что ужасно сыро, не комфортно живутъ они вообще,—*бѣдная* Аглая!

При этомъ Аглая вытащила свой ботинокъ изъ подъ кровати и увѣряла, что онъ заплесневѣлъ и пахнетъ сыростью.

Куклавинъ пришелъ въ неописанный ужасъ за здоровье сестрицы, но Аглая сказала, что при Мишелѣ она всякой жизнью и всякой участью довольна.

Демьяновъ сидѣлъ, потупивъ глаза, во все время этихъ тонкихъ намековъ. Потомъ онъ самъ заговорилъ, что его средства теперь стѣснены, нельзя вдругъ; но что у него одно изъ имѣній очень хорошо, доходы котораго и теперь принадлежатъ Аглаи, а со временемъ, съ должной осторожностью, и оно само будетъ принадлежать Аглаи.

Аглая прижалась къ нему и съ прекрасно сыгранымъ смущеньемъ говорила:—къ чему это, мнѣ ничего не нужно!

Куклавинъ замѣтилъ—что почему же не нужно! что вѣдь она всѣмъ пожертвовала Михаилу Сергѣевичу, а впрочемъ, какъ онъ самъ хочетъ: его дѣло.

Результатъ всей этой ловкой сцены былъ тотъ, что Куклавинъ далъ 1000 рублей на наемъ другой квартиры и взялъ съ Демьянова обязательство въ 3000 руб., которое тотчасъ по возвращеніи изъ Москвы представилъ ко взысканію.

Наканунѣ своего отъѣзда, Надежда Ивановна рѣшилась поговорить съ мужемъ.—Я уѣзжаю за границу по приказанію доктора:—сказала она—еще все исправимо, если ты захочешь!... отыщи насъ. Твой отъѣздъ изъ нашего дома еще можетъ быть истолкованъ тѣмъ, что тебѣ трудно было оставаться тамъ, гдѣ ты такъ долго служилъ, тамъ—гдѣ тотъ полкъ, мундиръ котораго ты съ такой страстью носилъ, что положеніе твое было странное и ты поддался слабости, ты оставилъ городъ, но насъ, твоего семейства ты никогда не

оставлялъ. Не клади на себя этого пятна, не покидай дѣтей, все еще можетъ быть забыто, все возрождено!...

Демьяновъ горько заплакалъ.

— Не говори—не говори—прошепталъ онъ.

За эти слезы, за его глухое отчаянье, она ему простила многое. Она видѣла, что въ слѣпотѣ своей онъ себя считаетъ обязаннымъ такъ дѣйствовать, такъ поступать, она побоялась испугать его настойчивостью и рѣшилась ждать, чтобы онъ прозрѣлъ, рѣшилась уѣхать и подождать, когда время и отдаленіе наполнятъ его тоской за дѣтей, когда эта тоска возьметъ крѣпко его за сердце.

— Ну, Богъ съ тобой:—сказала она—только помни, что мы не оставляли тебя, что ты насъ оставилъ, что дверь твоего дома открыта для тебя всегда, когда бы ты ни постучалъ въ нее, что сердца наши умѣютъ тебя любить и жалѣть....

Говоря это, она удерживала слезы, но глаза были полны слезъ, губы дергало и мертвая блѣдность заливала ей лицо.

Во все время своего пребыванья въ Москвѣ она видѣла въ мужѣ отчаянье погибшаго, покорность виновнаго, и уѣзжала, унося въ себѣ смутныя надежды.

— Тоска сдѣлаетъ свое—думала она.

На желѣзной дорогѣ сцена была страшная: Демьяновъ стоялъ недвижно, не успѣвая отирать слезъ, и твердилъ все:— до свиданья, до свиданья!...

— Папаша, милый, еще не было втораго звонка!—толковала ему старшая дочь,—возьми билетъ, уѣзжай съ нами!...

— Уѣзжай, уѣзжай папаша,—рыдая и ломая руки твердилъ ему сынъ.

— Не пущу, отъ насъ не пущу!—всхлипывая и задыха-

ясь, тянулась къ нему меньшая дочь, которую держала у себя на колѣняхъ уже въ вагонѣ Надежда Ивановна, и не чувствовала льются ли слезы или не льются у ней самой; она цѣловала и успокоивала ребенка: отчаянье дѣтей сводило ее съ ума и надрывало душу.

Какой-то посторонній господинъ подалъ ей стаканъ воды въ вагонъ.

— Madame, prenez-garde, votre petite se rendra malade—проговорилъ онъ съ участіемъ.

— Je ne puis voir ces enfans!—раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

А онъ? онъ могъ смотрѣть на нихъ, и оставаться; тотъ кто былъ причиною ихъ справедливаго и горькаго горя не понимаетъ, какую святыню онъ попиралъ!.. святыню дѣтскаго сердца!

Онъ не посмѣлъ даже слѣдовъ своихъ слезъ принесть къ той женщинѣ, въ угоду которой лились горькія слезы его дѣтей, для торжества которой смертельно оскорблялась душа его жены, такъ полезно для него и самоотверженно прожившей десять лѣтъ.

Они уѣхали...

И что же, тоска не взяла его за сердце! Началась та жизнь, о которой разсказывалъ З. и М. въ городкѣ южной Франціи, на берегу моря.

Аглая, понимая вполнѣ, что чѣмъ больше она будетъ афишировать Демьянова, тѣмъ больше онъ будетъ себя считать связаннымъ съ нею, зная, что надо теперь въ немъ убить стыдъ и совѣсть и пріучить его носить новое свое положеніе не краснѣя,—стала ѣздить съ нимъ въ театръ, на гулянья, ходить подъ руку по улицамъ, даже брать съ собой корми-

лицу съ ребенкомъ; она просила приводить къ ней его знакомыхъ и бывшихъ полковыхъ товарищей, не стѣсняться; и сама не стѣснялась: выходила къ нимъ, любезничала, предсѣдательствовала за столомъ, разыгрывала роль хозяйки съ замѣчательной наглостью. Она шампанское любила и выпивала цѣлую бутылку на свой пай, что, по видимому, восхищало Демьянова; они коротали свои вечера самымъ казарменнымъ образомъ, играя вдвоемъ въ пикетъ и опиваясь шампанскимъ.

Къ нимъ хаживали изъ московскихъ господа, пропившіеся и промотавшіеся до тла, и находили Аглаю Ильинишну превеселой барыней, напоминавшею имъ весьма многихъ веселыхъ барынь, которыхъ они знавали и для которыхъ проживались въ дни своей золотой поры. Кто-то распустилъ слухъ, что она похожа на Деверію, другой,—что она напоминаетъ Берту, только менѣе красива, хотя и моложе.

Демьянову все это льстило; въ томъ, что Аглаю находили красивой, онъ находилъ оправданіе своему увлеченью, а чтобы найти оправданіе своимъ поступкамъ, то онъ сталъ отыскивать въ женѣ разныя дурныя стороны, изобрѣтать ихъ, и говорить о нихъ, чтобы ея мнимой виновностью возвести себя на степень прекраснаго человѣка и даже весьма терпѣливаго мученика.

Вуцинскій постоянно бывалъ у него, когда пріѣзжалъ въ Москву; [illegible]вали тоже и другіе; для большинства Демьяновъ составлялъ любопытное явленье, они приходили смотрѣть въ немъ то, на что никогда бы они не отважились сами. Онъ въ мнѣніи ихъ стоялъ наравнѣ съ тѣмъ господиномъ, который въ попраніи всѣхъ приличій вздумалъ гдѣ-то съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ показаться на улицѣ въ костюмѣ праотца нашего Адама.

Но онъ не понималъ впечатлѣнія, которое производитъ на большинство его посѣтителей это положеніе, беззастѣнчивость Аглаи и спокойствіе внесенное обоими ими въ самый ихъ позоръ и преступленіе. Какъ ни убѣждалъ всѣхъ Демьяновъ, что онъ виновникъ, онъ соблазнитель,—никто не вѣрилъ въ невинность Аглаи и всякій понялъ, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ она. Она не возбуждала ни сожалѣнья, ни участія... Всѣ жалѣли Демьянова и чувствовали, что онъ попался...

Дошли эти подробности и до Надежды Ивановны; поняла и она, что мужъ къ ней не вернется уже по своей волѣ, потому что воли у него нѣтъ и что самъ онъ въ чужой волѣ, а эта чужая воля сдѣлаетъ изъ него врага собственнаго семейства, и потому она должна предупредить всякій вредъ и уничтожить возможность вреда.

Тутъ она вспомнила, что если, по волѣ Божьей, онъ долженъ возратиться, то эту волю ничто не измѣнитъ, никакой ея поступокъ, никакое ея дѣйствіе. И такъ, страхъ разорвать послѣднія нити чувства, не сковывали уже болѣе и ея. Куклавины и Аглая такую сумму ненависти и неуваженія къ ней накопили въ душѣ ея мужа, постепенно возбуждая его противъ жены, что увеличить эту сумму ей казалось невозможнымъ. Какая-то щепетильность мѣшаетъ женщинамъ отыскать формою закона даже украденную у нихъ вещь, и такъ какъ намъ выгодно не допускать женщину стать подъ сѣнь закона и отыскивать права свои предъ лицомъ закона, то мы и запугиваемъ ихъ скандаломъ: тогда онѣ насъ оставляютъ нашему произволу. Но Надеждѣ Ивановнѣ не суждено было даже предоставить Демьянова самому себѣ и суду своей совѣсти; нѣтъ, онъ не былъ уже самимъ собою, онъ былъ въ рукахъ

Куклавиныхъ, Кукленьевыхъ, Аглаи, онъ шелъ слѣпо куда они его вели; совѣсть въ немъ была убита, смущаться она не могла, и его вели отъ вреда ко вреду для его покинутаго семейства, его наталкивали на все обидное и дѣтямъ и женѣ во всѣхъ отношеньяхъ, и могли повести дальше...

Не съ мужемъ и не противъ мужа начала Надежда Ивановна холодную борьбу матеріальныхъ интересовъ, а въ лицѣ его противъ Куклавиныхъ и Аглаи. Въ ихъ рукахъ онъ былъ орудіе и жертва, и пока онъ въ ихъ рукахъ, то самъ не можетъ предвидѣть, какъ далеко пойдетъ, куда они его толкнутъ. Вѣдь онъ не думалъ никогда оставить жену и дѣтей, вѣдь онъ многаго не думалъ сдѣлать, не считалъ себя способнымъ рѣшиться—а послѣ рѣшился и сдѣлалъ!

Самъ по натурѣ своей не способный на преступленье, онъ въ рукахъ ихъ могъ совершить даже преступленье...

Жизнь Надежды Ивановны проходитъ въ томъ, что скрѣпя сердце, она должна предвидѣть зло и сдѣлать его невозможнымъ, какими путями, какими средствами она бы ни достигла этого. Она мать, и мать покинутыхъ дѣтей; ей некогда щепетильничать и думать что „будетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна!“ Гдѣ впереди всего чувство долгъ—тамъ страхъ скандала не у мѣста. А если вамъ угодно знать, читатели мои, горько ли ей?.. Да! такъ горько, что этой горечи хватило бы отравить тысячу жизней. У ней былъ идеалъ, и онъ разбитъ, этотъ идеалъ былъ—союзъ и честь.

Съ тѣхъ поръ, какъ Демьяновъ оставилъ свое семейство, съ Надеждой Ивановной перестали церемониться, ей наперерывъ разсказывали тайны жизни ея мужа во время его жизни съ нею и кровь стыла у ней въ жилахъ, волоса поднимались отъ ужаса передъ его искуствомъ притворяться. И такъ, все было

ложь, онъ самъ былъ ложь! Но зачѣмъ же ее прославили ревнивой, когда она ничего подобнаго не подозрѣвала и позволяла себя такъ безбожно обманывать. И вдругъ она увидѣла себя въ сердцѣ своего мужа рядомъ съ такими грязными или такими ничтожными существами, что ей стало гадко, гадка стала даже та любовь, по которой она такъ горько плакала: она показалась ей такой оскорбительной, и ея собственная любовь вдругъ лопнула мыльнымъ пузыремъ, канула навѣки на дно души, чтобы ужъ никогда ни для кого не вставать. Какія были женщины въ числѣ тѣхъ, которымъ онъ былъ близокъ! Надежда Ивановна, какъ женщина, чувствовала себя униженной такимъ отсутствіемъ эстетическаго вкуса въ выборѣ ея соперницъ. Сердце ея было изтерзано, но отъ любви своей она освободилась. Вотъ отчего уже и не страшны ей гнѣвъ и нелюбовь ея мужа: она свободна сердцемъ...

За то и злобы въ ней нѣтъ! Она не отмщенья ищетъ, а правды, не любви, а возстановленія правъ, не личныхъ радостей, а спасенія человѣка, которому она себя посвятила не для одного полученія отъ него личныхъ радостей; не обладанія, а служенія, не удовлетворенія своего самолюбія, а прекращенія сердечной, неумолкаемой обиды и возрожденія имени, которое лежитъ на ней и на дѣтяхъ ея. Не любовью его къ Аглаи она теперь ужъ страждетъ, а униженьемъ его положенія при ней и въ средѣ ея семейства. Надежда Ивановна чувствуетъ, что онъ запуганъ ими и никогда не посмѣетъ разойтись съ Аглаей, что вся эта жизнь устроенная „съ дозволенія начальства“, именно этимъ дозволеніемъ такъ пошла, такъ некрасива, и больно ей, больно за его униженіе передъ Куклавиными и Кукленьевыми — и думаетъ она: какимъ путемъ, какими средствами исторгнуть его изъ этого

униженія?.. Жаль ей, что онъ себя загубилъ; она готова охватить его голову и плакать надъ нимъ какъ надъ больнымъ или безумнымъ, а между тѣмъ, скрѣпя сердце, должна вести борьбу противъ него, чтобы мѣшать Куклавинымъ и Кукленьевой вредить ей и дѣтямъ ея.

Съ тѣхъ поръ, какъ надежды ихъ на обогащеніе состояніемъ Демьянова разрушены ея дѣйствіемъ, они всѣ нашептываютъ Демьянову, что не мѣшало бы ей умереть, чтобы не мѣшать другимъ. Теперь имъ смерть ея нужна! Въ какой мѣрѣ прислушивается Демьяновъ къ этому новому требованію закабалившихъ его Куклавиныхъ и Аглаи, неизвѣстно...

ГЛАВА IX.

Мать Кукленьевой умерла давно,—черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ дочь уѣхала въ Москву, покинувъ умирающую мать и вызывая къ себѣ Демьянова.

Аглая по ея завѣщанію получила клочекъ въ имѣніи той самой сестры, которую всегда такъ гадко выставляла передъ Демьяновымъ, не довѣряя ему и боясь, чтобы когда нибудь эта же сестра не прельстила его какъ что-то новенькое и молодое. Къ тому же эта сестра, еще будучи въ пансіонѣ, увидѣла разъ Демьянова и стала обожать его. Теперь она была замужемъ, но была моложе Аглаи, и была въ наружномъ видѣ и во всемъ противоположностью ея. Аглая считала все возможнымъ со стороны Демьянова; она сама убила въ

немъ совѣсть и сердце, къ тому же она знала вполнѣ его инстинкты и его слабость...

Однако застраховавъ его такимъ образомъ, она увезла его въ деревню, пріютила у себя своего снисходительнаго папеньку и зажили они домкомъ, только не сладкой жизнью вдвоемъ, а съ цѣлымъ семействомъ, которому Демьяновъ кланялся въ поясъ, не зная какъ угодить за ихъ снисходительность. Демьяновъ принялъ на себя скромную роль управителя этимъ клочкомъ и повѣреннаго по дѣламъ помѣщицы, а помѣщицею этого клочка все-таки была Аглая, въ глазахъ голодной челяди и горсточки крестьянъ; тамъ все же барыней была она, а онъ...

Между тѣмъ, Демьяновъ увеличивалъ на свои деньги и устроилъ всякими улучшеніями эту осѣдлость. Онъ выстроилъ домъ и завелъ экипажи. Но все это было на ея землѣ.

И у ней составилась порядочная осѣдлость; она все больше и больше становилась барыней и помѣщицей, а онъ...

Когда спрашивали о немъ: кто это?—мужикъ, почесываясь, отвѣчалъ:—да такъ-съ, у нашей барышни живетъ... Не наше дѣло!.. И онъ лукаво и смущенно улыбался.

Демьяновъ желтъ, какъ померанецъ; его ласковые глаза свѣтятъ теперь злобой, сдержанной и затаенной; его губы улыбаются принужденно, горько, и какой-то недоброй улыбкой. Это ли счастіе?.. И если это счастіе, то что же это счастіе сдѣлало изъ него?

Сначала онъ не понималъ своего общественнаго униженія, своего нравственнаго паденія. Аглая увезла его въ деревенскую глушь, гдѣ, спрятанный отъ глазъ людскихъ, онъ долго не понималъ, что изъ него сдѣлали.

Постепенно она вывела его изъ общества, изъ службы, изъ дома, изъ семейства: она обратила въ ничто этого пр-

жде блистательнаго, самоувѣреннаго, счастливаго и спѣсиваго Демьянова, — любовь ли это?.. Она его не пощадила, не пожалѣла, и теперь не обинуясь упрекаетъ его нерѣдко сама еще въ томъ, что она для него всѣмъ пожертвовала.

Чѣмъ же пожертвовала она?.. Даже чистоты сердца ему не принесла...

Онъ ей принесъ въ жертву все и всѣхъ, даже дѣтей своихъ; онъ ей далъ всѣ радости, всѣ торжества, а о истоптанныхъ башмакахъ и крупной брани отца изъ-за ста рублей и помину не было; она хозяйка и барыня, да еще на усладу и потѣху жизни имѣетъ любовь его и ласки; пока онъ молодъ и красивъ, пока ей не понравился другой, она его не оставитъ своею милостью. По поводу этого я припомнилъ читанную мною гдѣ-то арабскую надпись: „красивый рабъ угоденъ своей госпожѣ.“

Не таковы были отношенія и чувства Надежды Ивановны къ нему, да видно, какъ говорится въ пословицѣ: „не въ коня былъ кормъ“, — онъ не понялъ ее.

Когда я дочитывалъ эту повѣсть одной премилой барынѣ, она прервала меня вопросомъ: неужели для Демьянова невозможно возрожденіе? Неужели нѣтъ средствъ?

— Есть и средства, и причина. У него вѣдь есть законныя дѣти, а только то и хорошо, только то и вѣчно, что законно... Онъ, по внушеньямъ Куклавиныхъ, такъ самъ ославилъ свою жену, что ему тяжело сознать всенародно несправедливость обвиненій; онъ слабъ душою и волею, — къ тому же онъ запуганъ Куклавиною, которая до смерти боится, чтобы онъ не сошелся съ женою, чувствуя, что тогда онъ станетъ презирать ее, а потому и увѣряетъ брата, что Надежда Ивановна отравитъ его жизнь упреками. Между тѣмъ эту женщи-

ну не щадили; ей разсказали такія похожденія ея мужа, что ей-то ни одного свѣтлаго и отраднаго воспоминанья о любви его къ ней не оставили. Въ подобномъ положеніи и упрекъ и вопросы невозможны потому, что тѣ и другіе имѣютъ смыслъ только тогда еще, когда то сомнѣваться, то вѣрить можно. Онъ же никогда не пойметъ, что если главное страданіе ея жизни Аглая, то главная обида ея сердца въ томъ постоянномъ обманѣ, которымъ она была всегда и до Аглаи окружена. Я даже вамъ скажу: Демьяновъ такой человѣкъ, что потому болѣе всего и не рѣшается возвратиться, что ложь и обманъ для него стали относительно Надежды Ивановны невозможны. Обиды ея онъ не чувствовалъ и никогда не почувствуетъ. Но наступитъ время, когда онъ почувствуетъ самъ ту жестокую обиду, которую нанесъ своимъ дѣтямъ, покинувъ ихъ,—когда онъ пойметъ что надо искупить эту обиду и прикрыть дѣтей своимъ присутствіемъ и своимъ попеченіемъ, а они его прикроютъ своей чистотой и безвинностью. Да, для него очень возможно общественное возрожденіе и возстановленіе его затерявшагося достоинства черезъ дѣтей. Для одной Надежды Ивановны только ни отъ его присутствія, ни отчего нѣтъ возрожденія личныхъ радостей; ей суждено жить въ другихъ, какъ будто и въ міръ этотъ и въ жизнь эту она была внесена не для себя, а для другихъ. Какъ только начинала она жить и чувствовать индувидуально, то все ломалось вокругъ нея и изъ послѣднихъ обломковъ не подняться уже никогда радостямъ въ душѣ ея...

— Гдѣ же она теперь? продолжала спрашивать моя собесѣдница. Плачетъ гдѣ нибудь въ деревнѣ?

— Напротивъ того, она все здѣсь, въ томъ же кругу, въ томъ же обществѣ, какъ и прежде, ничего не измѣняя, пови-

димому, вокругъ себя. При ней тѣже слуги, таже мебель, всѣ дѣти съ нею. Она ничего не хотѣла измѣнить, хотя эта непримѣняемая внѣшность жгучими клещами хватаетъ ее нерѣдко за измученное сердце. Она не ждетъ мужа, но такъ все устроено въ домѣ, какъ будто онъ не покинулъ ихъ, а вышелъ; она всегда готова его принять безъ слезъ и судорогъ сердечныхъ, зная твердо свою безвинность передъ нимъ. Этого спокойнаго достоинства, этой незыблимости правилъ, этого присутствія ея наконецъ въ здѣшней общественной жизни не могутъ простить ей Куклавины, и горе ея въ томъ, что они, продолжая держать подъ вліяніемъ своимъ Демьянова, толкаютъ его то вправо, то влѣво, на вредъ и зло для Надежды Ивановны, и вынуждаютъ ее этимъ къ безпрестанной борьбѣ къ охраненію дѣтей и себя къ законной защитѣ. Такимъ образомъ чувства ея постоянно въ разладѣ съ ея дѣйствіями: но будь что будетъ, впереди всего у ней долгъ ея къ дѣтямъ.

— А Куклавины?

— Они все тѣже. Его интимные разговоры по прежнему испещрены пошлыми прибаутками, по прежнему онъ выкатываетъ грудь молодцовато впередъ и носитъ печать невозмутимости на лоснящемся челѣ, украшенномъ все тѣмъ же жидкимъ, посѣдѣвшимъ хохолкомъ. По прежнему онъ толкается съ женой во всѣ двери и подчасъ разсказываетъ о бывшихъ несчастьяхъ брата своей жены, притворяясь, что не понимаетъ, почему къ нему всѣ относятся съ вопросомъ: — скажите, пожалуйста, отчего Демьяновы разошлись? — онъ пускается съ пошлѣйшимъ и безстрастнѣйшимъ лицомъ разсказывать, какая ужасная была жена у Демьянова, какъ она его *ревновала*...

Когда пріѣзжаетъ по дѣламъ Демьяновъ, отпускаемый не свыше восьмидневнаго срока Аглаей, Куклавины принимаютъ его у себя и показываются съ нимъ; его униженіе имъ пріятно, онъ въ ихъ рукахъ трофей, отбитый у законной семьи,— больше ничего.

Куклавина позируетъ въ живыхъ картинахъ. Она не подурнѣла, только въ лицѣ ея появилось что-то жесткое и фальшивое, такъ что она могла бы служить теперь прототипомъ пиковой дамы. Иногда на нее находитъ страхъ...

Куклавинъ ее успокоиваетъ, и дѣйствительно онъ покоенъ съ тѣхъ поръ, какъ Аглая имѣетъ хоть небольшую, но устроенную осѣдлость; онъ знаетъ, что ужъ не обязанъ о ней заботиться или брать ее къ себѣ. Онъ даже былъ бы вовсе равнодушенъ къ тому, продолжается ли похвальная жизнь его сестры съ Демьяновымъ или нѣтъ, если бы не жажда продлить муки Надежды Ивановны за то, что она не стушевалась и не уѣхала въ изгнаніе, не приняла на себя по назначенію его роли Пенелопы, ожидающей Улиса, за то что ея присутствіе невольно напоминаетъ обществу, какую роль сыграла въ драмѣ ея жизни Куклавины, за то что общество принимаетъ Куклавиныхъ, не смотря на ихъ оправдательныя рѣчи и на ихъ невозмутимыя лица, съ какимъ-то, не то недоумѣньемъ, не то недовѣрьемъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время Куклавины оба что-то печальны; баронъ Штоссъ у нихъ очень рѣдко бываетъ, кучеръ его дремлетъ ужъ у подъѣзда въ ....вой, а не въ ....ской улицѣ. Хотя баронъ и потерпѣлъ нѣкоторыя неудачи по службѣ, и вниманіе его не такъ полезно, но все же къ такой перемѣнѣ отношеній, къ такой неблагодарности съ его стороны, неравнодушенъ въ особенности самъ Куклавинъ; подтруниванье надъ

новымъ выборомъ, надъ новымъ вкусомъ барона Штосса, надъ всѣми блондинками такъ ужъ кстати вообще, сдѣлалось теперь началомъ и концомъ всѣхъ разговоровъ самаго Куклавина, оскорбленнаго до крайности непостоянствомъ дружбы и вкусовъ барона Штосса. Удивительный мужъ, и удивительное вообще представляютъ, по всему и по согласію своему супружество, мужъ и жена Куклавины...

КОНЕЦЪ.

С.П.Б
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
АПТЕЙНЫЙ ПР. № 55
В. И. Клочковъ.
ПРОДАЖА И ПОКУПКА

Цѣна 1 р. 75 к.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111